

№ 6(12). 2015

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитаты номера

*Есть магия слов. Есть слова
с крючком, с зацепкой к душе:
прочтёшь, повторишь раза два —
и всё завертелось уже...*

Александр Казинцев

*О, дай мне, Боже, тишины,
О, дай нам всем добра и мира!*

Светлана Супрунова

**Ноябрь 2015 № 6 (12)
Калининград**

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Дмитрий Воронин — заместитель главного редактора, раздел «Проза»,
E-mail: pimin00@rambler.ru
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный
редактор
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Светлана Супрунова — заместитель главного редактора по разделу «Поэзия»,
E-mail: suprunova60@rambler.ru
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

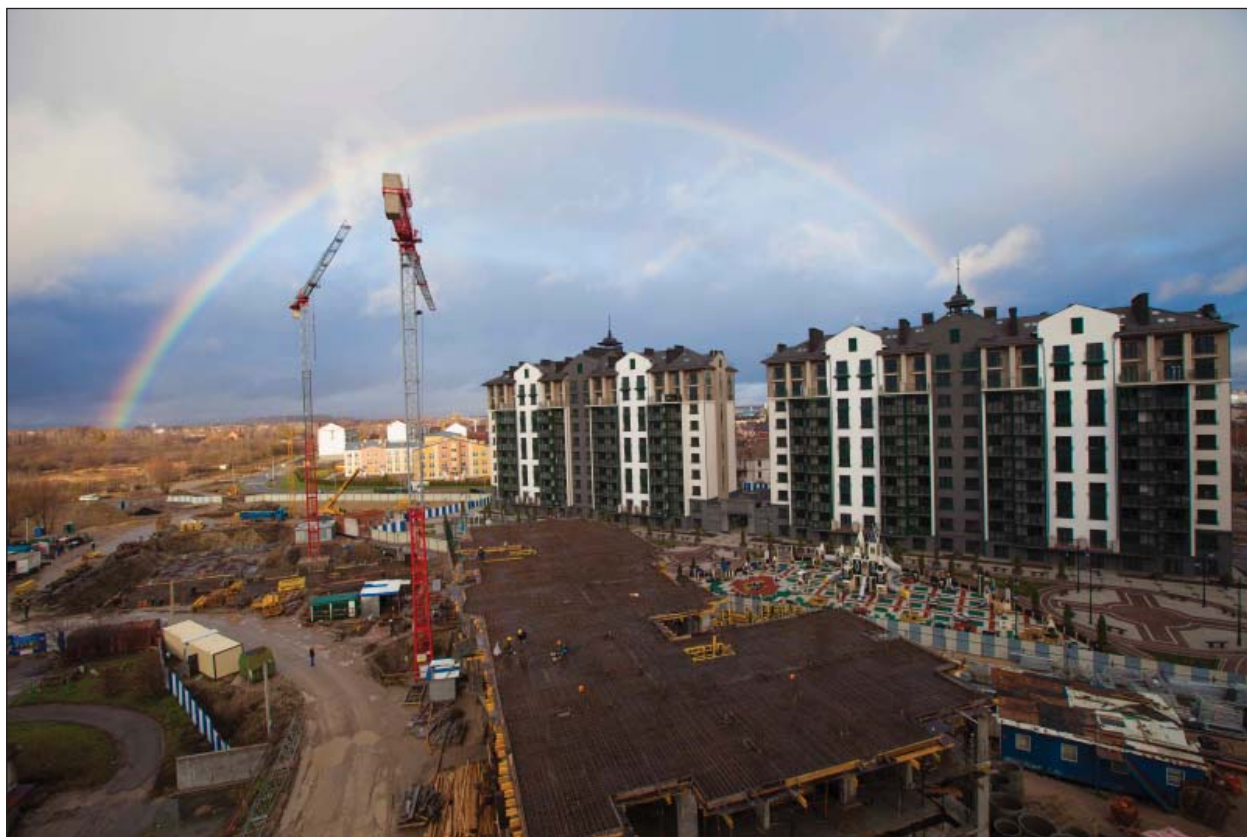
Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 9 декабря 2015 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Лучшее в Калининграде

Проект жилой застройки — «ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР» по улице Артиллерийской, 71–79 начал свое воплощение

Жилой комплекс состоит из семи десятиэтажных домов (два уже построены!) привлекательной архитектуры. И если Вы мечтаете, чтобы Ваш дом утопал в зелени современных газонов со стильным садово-парковым ландшафтом, где есть место и детям для игр, и любителям спорта, и пожилым людям для неспешных раздумий, — это дом для Вас.

Прекраснее и качественнее домов по разумным ценам в Калининграде просто нет!!! Неоспоримым преимуществом комплекса является улучшенная планировка квартир, благоустроенные подъезды и внутренний двор без автомобильных стоянок, спрятанных под землей. Прогулочный бульвар шириной 3,5 метра и общей длиной в 500 метров отражает суть названия Вашего будущего места проживания.

Особое внимание при разработке проекта уделялось созданию удобных планировочных решений квартир, от удобной однокомнатной квартиры до трехуровневого пентхауса.

Комфорт-класс проживания в жилом комплексе «ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР» обеспечен следующими дополнительными преимуществами, которые отличают его от обычного жилья:

- Расположение жилого комплекса «ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР» близко к центральным магистралям Калининграда, и вместе с тем, удобный выезд из города в направлении аэропорта и курортного отдыха на Балтийском побережье.

- Благоприятная экологическая среда района.

- Наличие торгового центра, сети социального и бытового обслуживания населения, благоустроенной территорией микрорайона.

- Строительство в ближайшие годы средней школы на 1000 мест и детского садика на 296 мест, уже построенного.

Если вы мечтаете о комфортной, солнечной, уютной, удобной современной квартире продуманной, улучшенной планировки, то Вам сюда!

Отдел продаж: ул. Артиллерийская, 71–79 — стройплощадка, тел. 8 (4012) - 37- 999 - 6

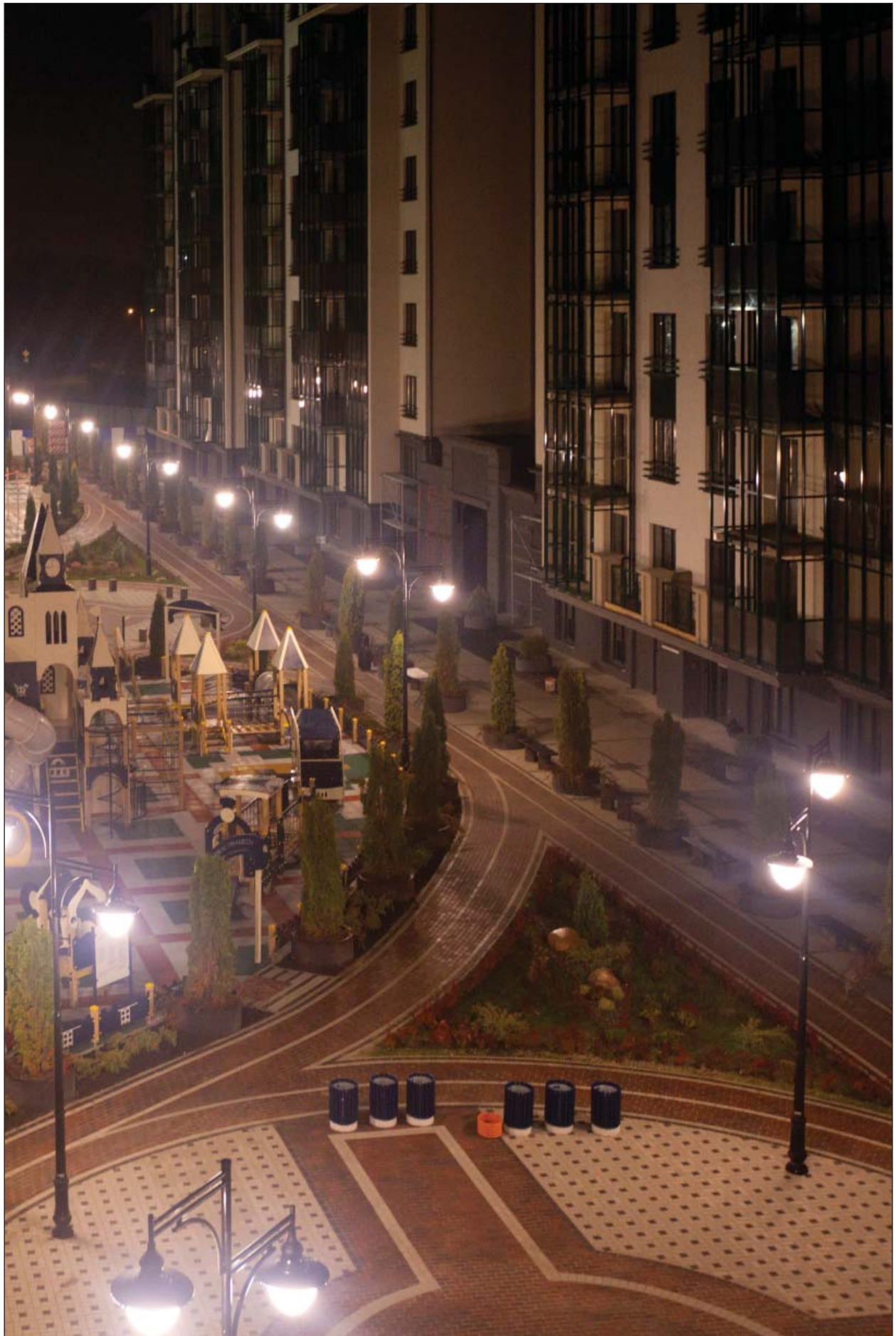
Ул. Театральная, 30. ТРЦ «Европа», 4 этаж, офис 415, тел. +7 950 676 4186

cb39aip@gmail.com, www.cb39.ru

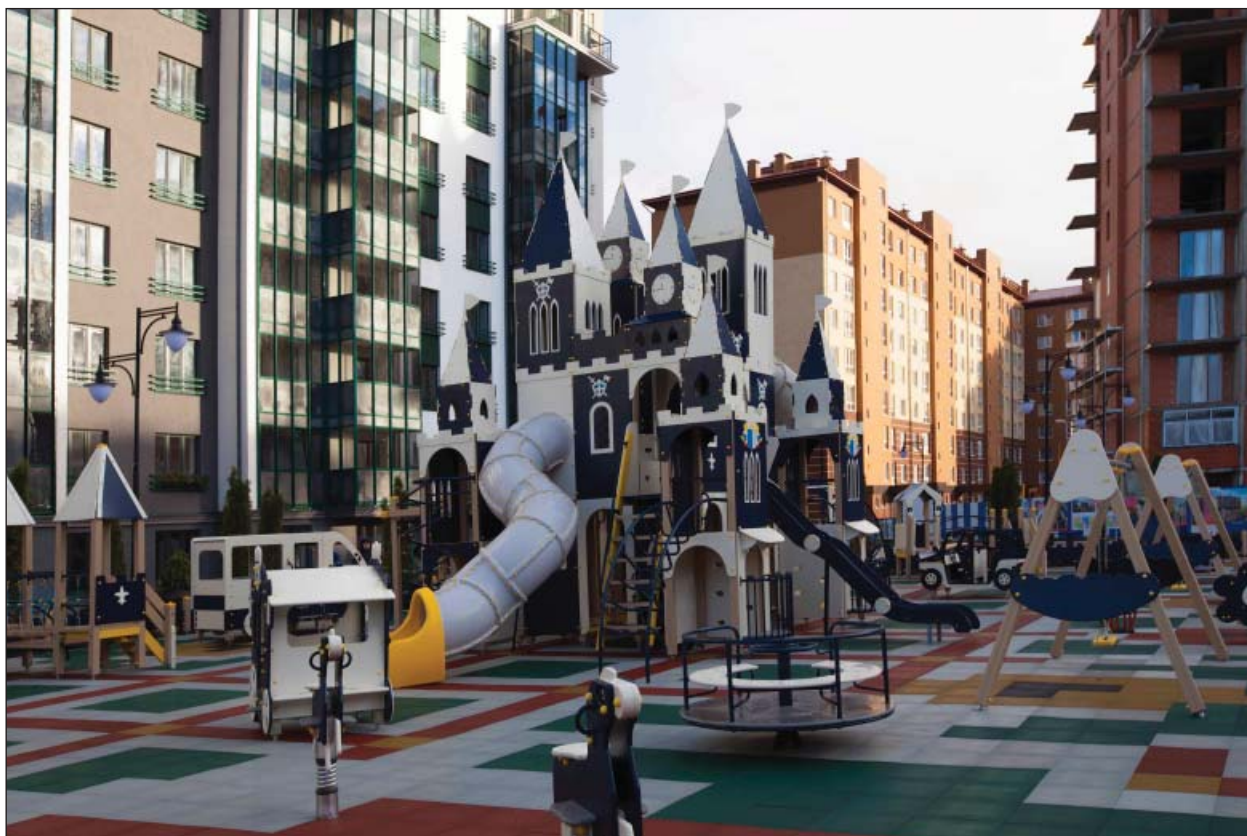

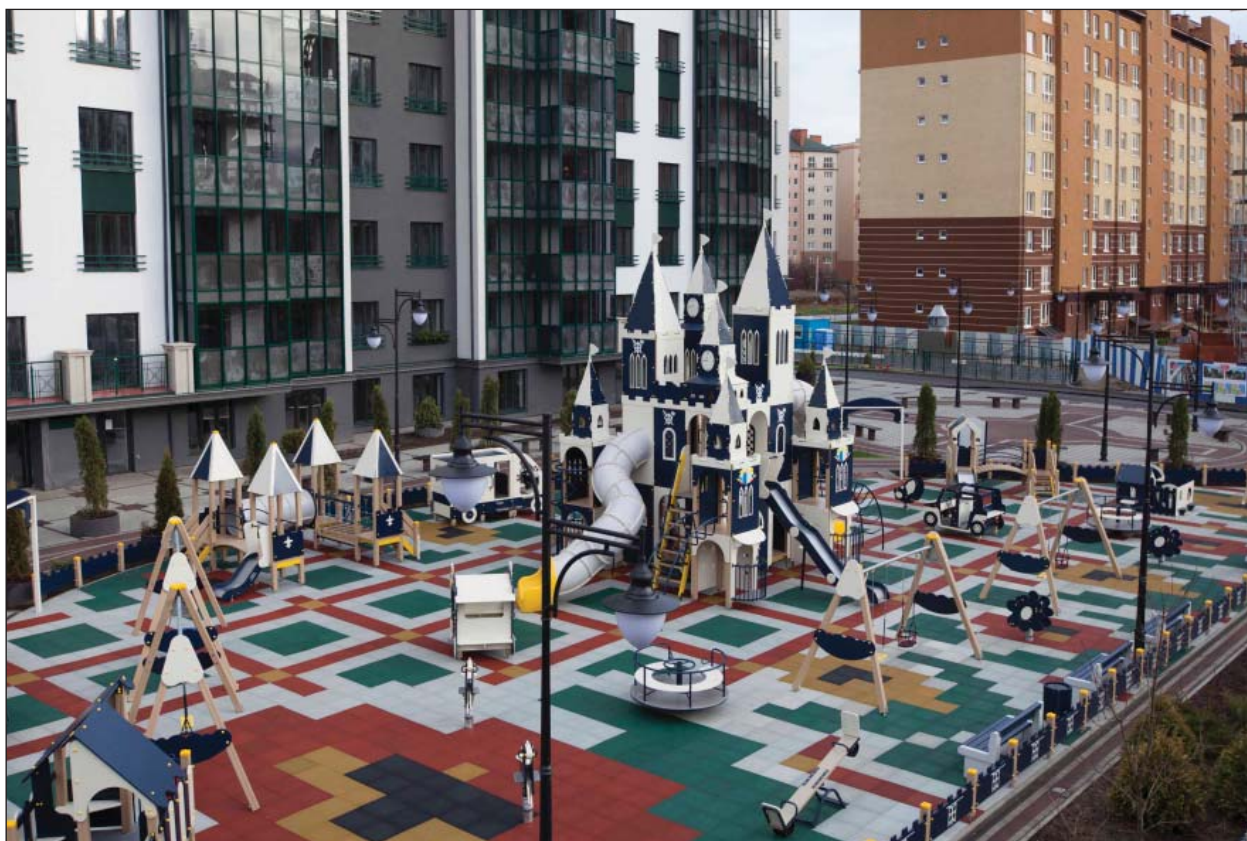

Отдел продаж:

ул. Артиллерийская, 71-79 – стройплощадка, тел. 8 (4012)-37-999-6,
ул. Театральная, 30. ТРЦ «Европа», 4 этаж, офис 415,
тел. +7 950 676 4186, cb39air@gmail.com, www.cb39.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора. Подведем итоги года.....	8
Берега Победы	
Сергей Кириллов. Женская доля. <i>Рассказ</i>	10
Дмитрий Воронин. Заруська. <i>Рассказ</i>	14
Берега Памяти	
Николай Иванов. Партер. Седьмой ряд. <i>Новелла</i>	16
Алексей Новгородов. Боевая машина «Жигуленок». <i>Рассказ-быль</i>	20
Вячеслав Мельников. Грозный 2020. <i>Рассказ</i>	30
Берега Рождества	
Олег Куимов. Случайная встреча. <i>Рассказ</i>	34
Елена Канеева. <i>Стихи, миниатюры, рисунки</i>	48
Поэзия	
Александр Казинцев. Лето 1974. <i>Стихи</i>	42
Светлана Супрунова. <i>Стихи</i>	44
Басни	
Юрий Шевченко. <i>Басни</i>	54
Юбилейные даты. К 110-летию Г.Н. Троепольского	
Михаил Федоров. Человек чернозема. <i>Главы из романа</i>	59
Безбрежный Русский мир	
Оксана Карнович. Интервью с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским и бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном. <i>О князе Владимире Кирилловиче Романове. Побег.</i>	80
Владислав Краснов. От Полифема к Полифонии: судьба России	88
Вильнюсские берега	
Владимир Кольцов-Навроцкий. Поэты и цари. Царственные особы дома Романовых в изящной словесности	98
Переводы	
Берега Будапешта	
Арон Гаал. <i>Стихи, написанные по-венгерски, в переводе на русский язык автора</i>	111
Берега Шотландии	
Джордж Макдональд. Карачун. <i>Сказка «для тех, кто невинен и искренен, как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли, или семьдесят пять».</i> Перевод Риммы Лютой	114
Берега Православия	
Геннадий Сазонов. <i>Отблеск. Повесть</i>	132
Критика	
Алина Чадаева. «Американская мечта» на русском фоне	154
Вячеслав Лютый. О новых стихотворениях Светланы Супруновой	159
Наши друзья	
Рекомендуем для чтения	160

Слово редактора

Подведём итоги года...

Дорогие читатели! Позвольте Вас поблагодарить за то, что Вы с нами, что Вы читаете журнал, поддерживаете нас, покупаете его и подписываетесь на него. Мы завершаем второй год активной и бурной жизни журнала «Берега» и хотим поделиться с Вами некоторыми итогами. Нам приятно в Год литературы получить после журналистской награды «Слава России» (2014) литературную — «Серебряное перо Руси-2015» в номинации «Издания» — «За высокое художественное мастерство».

Духовное бытие сегодня полно драматического напряжения, в разных точках земного шара то и дело рвутся нити человеческих жизней, родственных, семейных, нравственных, культурных, исторических взаимосвязей. И мы не можем отделять свои беды и радости от них же во вселенском масштабе. Нам служат сегодня духовным ориентиром сокровища православной культуры. Приведу в пример слова философа Павла Флоренского об иконе

«Троица»: «Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящей в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струющийся широким потоком прямо в душу созерцающего от “Троицы” Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь... эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг перед другом покорность — мы считаем творческим содержанием “Троицы”... Все мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви...»

Благодарим писателя Олега Каштанова, который интерпретировал фотографию на обложке журнала как вселенскую картину. Бушующий над планетой шторм, выносящий на поверхность мусор и грязь, одновременно выбрасывает на землю, как и на страницы журнала, произведения тех живых и ушедших авторов, чьи души, чьё творчество пронизано гуманностью, благородством, как солнечным янтарным светом, как послание в будущее.

Счастливые случайности в жизни или простые совпадения, или подобное притягивается подобным — а возможно, что все причины вместе объединили нас вокруг двенадцати номеров толстого журнала, где звучат мысли и произведения таких мастеров слова, как Николай (Федорович) Иванов, Александр Проханов, Владимир Крупин, Валентин Курбатов, Владимир Бушин, Станислав Куняев, Александр Казинцев, Ольга Фокина, Юрий Серб, Александр Ковалёв, Сэда Вермишева, Михаил Попов, Алексей Береговой, Владимир Сорочкин, Вячеслав Лютый и многие-многие другие талантливые авторы.

И как же радостно, что круг прекрасных молодых писателей и поэтов (Алина Серёгина, Евгений Журавли, Андрей Маменко и многие другие) ширится, что журнал получил так много предложений для публикации, и выбрано именно то, что так вдохновляет, расширяет сознание, вызывает гордость за своих современников, которые из разных точек планеты Русского мира делятся своим сокровенным, а оно вызывает ответную реакцию.

С благодарностью мы открываем объятия региональной литературе: Нижегородские берега, Московские, Воронежские, Вологодские, Брянские, Невские, Донские берега принесли на страницы журнала свою свежесть и духовные открытия.

Первый номер 2015 года имел небывалый успех, разойдясь с космической скоростью. Огромный интерес вызвало интервью талантливого московского журналиста Оксаны Карнович с пятью русскими аристократами: князем Н.Д. Лобановым-Ростовским, князем А.А. Трубецким, бароном

Э.А. Фальц-Фейном, графом Капнистом, графом Шереметевым, раскрывшими правду о псевдovelико княжестве Марии Романовой и её сына Георгия Гогенцоллерна, претендующими на особый статус в современной России. Было много сюжетов в СМИ на эту тему, но журнал «Берега» поднял её первым. И вновь продолжая её в заключительном номере уходящего года, мы будем открывать новые страницы истории и культуры России в следующем году.

«Берега» стали возможностью для читателей России, ближнего и дальнего зарубежья — узнать о жизни в области духа на берегах Лондона и Парижа, Нью-Йорка и Мельбурна, Варшавы, Вильнюса и других берегов планеты. Читатели познакомились с грандиозным проектом «Прорыв русского искусства». Он посвящён уникальной коллекции театральной живописи, собранной князем Н.Д. Лобановым-Ростовским и фондами Музея театрального искусства имени Бахрушина в Москве и Музея театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге, а также о выставке, посвящённой деятельности выдающегося мецената Н.В. Вырубова, в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Замечательна серия очерков Елены Лебедевой о жизни русской эмиграции во Франции.

Презентации разных номеров журнала «Берега» прошли в Петербурге и в Москве, в Воронеже и Липецке, в Крыму на 7-м международном фестивале литературы и культуры «Славянские традиции», «Славянская лира» в Полоцке, на фестивале Православной поэзии «Покрова» в Каунасе, двенадцать раз — в Калининграде и в области.

Большое спасибо, что у нас в Калининграде побывали этим летом на презентации журнала, на Тёркинских чтениях, на подведении итогов литературного конкурса имени А.Т. Твардовского «За далью — даль» наши авторы: Александр Ломтев, Александр Пономарёв, Владимир Шемшученко, Олег Куимов и Екатерина Наговицына. Мы и в этом году 70-летия Великой Победы продолжали «братание славой, братание литературными судьбами».

Огромное спасибо поэту и писателю Геннадию Сазонову за интервью «Крутые берега», «Общеписательской литературной газете» (см. №8 (69), 2015), сайтам «Русская народная линия», «Великоросс», «Росписатель» за публикации о журнале.

Нам бесконечно дороги такие искренние слова, как: «читал, словно пил из чистого родника» (Андрей Растворцев).

«Берега», «Бийский вестник», «Двина», «Вертикаль» и другие региональные журналы сплачивают писателей разных регионов, сшивают разорванное за последние 20 лет «литературное одеяло» (Дмитрий Ермаков). И мы сердечно благодарны за эту доброжелательность.

В Год литературы мы вместе с Игорем Панариным (журнал «Экоград»), с Дмитрием Ворониным отправились в места литературной силы — в Воронеж, Липецк и Елец, — где встретились с прекрасными авторами, побывали, благодаря нашему блестящему писателю Александру Новосельцеву, в бунинских местах: в селах Озёрки и Польское, в музее И.А. Бунина в Ельце. Как замечательно написала Римма Лютая: «И нам общение с коллегами подарило радостное чувство духовного единения. Так открыто и совместно, несмотря на расстояния, живёт и будет жить наш народ: лицом к лицу, плечом к плечу, сердцем к сердцу... Слава Богу за всё, слава Богу за то, что посылает нам в жизни встречи с настоящими, искренними и духовно близкими людьми. Такие события наполняют пространство смыслом и дают полноту человеческому существованию».

*Главный редактор литературно-художественного журнала «Берега»
Лидия ДОВЫДЕНКО*

Берега Победы

Сергей Кириллов

Сергей Яковлевич Кириллов родился в 1949 году в северной деревне Едома Архангельской области. Работал сучкорубом, мастером производственного обучения, тренером по баскетболу и лёгкой атлетике, маневровым диспетчером, кабельщиком, военным корреспондентом окружной газеты Прибалтийского военного округа, внештатным корреспондентом различных газет. Член редакционного совета журнала «Берега». Призер всевозможных литературных конкурсов: «За далью даль», «Большой финал» др. Автор сборников рассказов: «Посреди войны», «А ещё был случай», «Записки мастера», «Бимка, повести «Когда уходит детство». Все сборники опубликованы лишь частично

в разных изданиях. Роман «Уйдома» о судьбе русской деревни XX века четвёртый год непрерывно публикует литературный журнал «Двина»

Женская доля

Рассказ

Женщину, о которой речь ниже, я знаю давно. Ещё с начала шестидесятых, когда я впервые познакомился с её сыном Вовкой. Был он младше меня года на три, не в меру заносчив и задирист, несмотря на свои неполные десять лет, но как партнёр для мальчишеских игр всё же годился. И я стал бывать у него дома, благо, что дома наши разделял всего какой-нибудь километр.

Мать его — бойкая голосистая бабёнка, очень невысокого роста, казалось, никогда не закрывала рот и не сидела на месте. Не подумайте только, что слово это — бабёнка — несёт какой-то негативный смысл. Наоборот, это очень уважительный и ласкательный термин в той среде, где прошло моё детство и где слово «женщина» в обиходе не употреблялось вовсе. Было у неё в то время трое детей: две дочери старших и Вовка — младший. Был, как и у всех, свой дом, а в доме свой муж, что, конечно, было не у всех — война мужиков выкосила. Но этой женщине повезло: мало того, что мужик в доме есть, так ещё и какой мужик! Пусть и не богатырь, не здоровяк, зато улыбчивый и, как у нас говорили, очень башковитый. Ничего из его рук не вываливалось, всем умел владеть, и всякой вещи, даже отслужившей, находил применение в каком-нибудь ином качестве. Даже из старой мыльницы однажды фонарик сделал! Да какой! С угора на угор брал, как прожектором! А это добрые двести пятьдесят метров по прямой. И все дивились такому чуду.

Жена его — героиня моего рассказа — звёзд, как говорят, с неба не хватала, но и из общей обоймы не выпадала. Что дома по хозяйству, что на колхозной работе последней никогда не была. Хоть и маленькая, но зато бойкая, шустрая, и всё в её руках кипело. Будь то грабли на сенокосе, серп в поле или сковорода у печи. И никому никогда в голову не приходило её чем-то как-то выделять-величать. Она была одна из многих; такими были в нашей деревне все. Ну, или, по крайней мере, подавляющее большинство. Я, во всяком случае, каких-то исключений не помню. Все всё делали очень дружно и споро. Никогда не приходило мне в голову и то, что у каждой из тех женщин, что с песнями (слышите, с песнями!) ехали на колхозной машине на сенокос, и которые плясали в обед под гармонь прямо на покосе, есть какая-то своя судьба, своя особая доля, если хотите, настолько все они в общем деле казались одинаковыми. Видно запирали от чужого глаза дома сокровенное, выстраданное и пережитое только ими, о котором знали, может, и не только они, да только никому и никогда не выказывали на людях.

Стужа стояла лютая — всем известно, сколь сурова была зима 1941-42 годов. Морозы доходили до 50 градусов, и лом не брал мёрзлую землю. Приходилось по крошке, чуть не голыми руками отковыривать окаменевший грунт, чтобы потом взять его лопатой. А надо было и траншеи, и окопы, и ходы сообщения, и блиндажи, и всё-всё остальное отрыть без всяких скидок. До жилья далеко; бывало, что и сил не оставалось, чтоб добраться — так прямо в окопах и ночевали. Только триста граммов хлеба в день — вот и вся еда за всю зиму, вплоть до весны. Только один раз где-то пала лошадь, и давали конину, но досталось не всем, и женщине, о которой речь, не досталось тоже. В тот же день её подруга, которая безуспешно отстояла в очереди за кониной, услышала от каких-то чужих разъярённых мужиков, что те хотят совершить нападение на дом хозяйки, где подруги ночевали, и украсть у неё овечку. А у хозяйки самой двое детей, с третьим «на сносях», муж, конечно, на фронте... Так и не спали всю ночь женщины. А, впрочем, какие ещё женщины, в 17-то лет? Девчушки ещё, хоть и много лиха хватившие.

Так вот всю зиму с ломом и лопатой в окопах.

«И мне даже сейчас не надо объяснять что такое «полный профиль» или «тройной накат, — рассказывала пожилая женщина. — Всё это я сама кому хочешь растолкую и сделаю даже теперь без всяких чертежей!»

Такое вот инженерное военное образование жизнь дала за 4 военных месяца.

«А с мужиками теми, — говорит, — мы потом даже сдружились. Они такие же несчастные, как и мы, оказались. Сами потом сожалели, что такое пакостное дело замышляли. Нам после помогали, чем могли, ну, и мы тоже старались на добро — добром. Но чтобы до каких-то «шашней» — нет; до этого ни дело, ни разговоры не доходили. Так, по-человечески, от чистой души помогали».

Работу закончили уже в марте, когда стало ясно, что она никому не нужна — немцев-то от Москвы отогнали.

«И тогда, — говорит, — нас опять в Котлас повезли. И опять в товарных же вагонах. А мороз-то! И вагоны не обогревались... Сколько нас погнуло уж по дороге-то от этого мороза — не сосчитать ведь! Да и не считал никто: вывалят на остановках тех, которые мёрзлы, будто чурки какие али брёвна, да и дальше. Довезли до Котласа, кто остался, выпихнули, муки дали ишшо сколько-то на дорогу — и поди, куда хочешь! И опять сто километров до дому. И мороз-то опять, а ночевать уж не пускают. Боятся. У всех дети малые в избах, а мы-то все грязные да завшивели-то! Ведь за всё это время так ни разу в бане и не мывались! Думали: уж и дома-то не бывать, да мы вот с Кланей (подругой) как-то дошли. И теперь вот я ещё живу; восьмой десяток уж, а всё живу. И всё помню...», — завершила она свой каменно-тяжёлый рассказ, во время которого по щекам её почти непрерывно катились беззвучные слёзы.

И чуть ли не более самого рассказа потрясли меня именно эти слёзы, которые струились и струились из её печальных глаз, и которые она, видимо, от усталости за пережитое, почти не вытирала. Столько лет копились в душе, как подземное озеро, и вот...

«Живы-то остались, — добавила она, помедлив, — да месяцы-то те потом всё равно сказались. Кланя, вон, к сорока годам совсем без зубов осталась. И теперь всё сказывается... Мама моя умерла сразу, как мы вернулись, отец на фронте погиб, а нас пятеро осталось. Младший братик с сорокового года, старшая — я. Так вот и прожили свою жизнь».

И всё. И никаких расшифровок. Словно это и без того понятно — КАК именно прожили. Смекай, дескать, коли голову на плечах носишь.

И подумалось мне, потрясённому монологом этой очень много пережившей женщины: да как же мы, нынешние, вот о таких-то ничего не говорим?! Более того — не знаем! Ведь вот и я бы не знал, не случись эта неожиданная встреча и этот разговор. И десятки, сотни других, таких же, как я, не знают. Живут рядом — и не знают! Всё герои да герои на слуху. Те, которые там были, на фронте. На передовой. Потому что там стреляли, там убивали, там люди тяжко терпели и мучались. А вдали от фронта как будто все ели досыта (300-то граммов хлеба в день!), как будто не мучились на лютой стуже, не умирали, наконец! Послушал я и подумал: какая всё-таки это несправедливость — об одних всё, а о других ничего! Одним и льготы, и пенсии, а другим только болезни, преждевременная старость и смерть. И хоть одна российская баба принародно заявила об этом?! Нет! Ни одна! Несла молча каждая свой тяжкий крест и стыдилась о своей горькой доле скулить. Ведь все несли — и все стыдились. Может, оттого и вынесли, что стыдились? Может, в том и была их невидимая сила?

Конечно, Победу принесли те, кто держал в руках оружие, и об этом надо помнить всегда. Но нельзя забывать и о тех, кто это оружие делал. Кто своим тяжким трудом в тылу обеспечивал и поддерживал фронт. Это как две стороны одной медали — одной без другой не существует. А мы как-то всё об одной да об одной... Как будто другой и нет. И я подумал: пусть вот этот рассказ будет маленькой толикой нашей признательности и благодарности тем безвестным и безымянным труженицам тыла, которые в то тяжкое время, невзирая ни на что, просто делали всё, что от них требовали для приближения желанной Победы. И голодали, и мёрзли, и мучились, и умирали безвестными рядовыми тыла, который обеспечивал воюющий фронт.

А теперь я хочу, чтоб хоть одно имя прозвучало. Это была простая деревенская женщина — Валентина Ташлыкова из деревни Едома (официальное название Фомино) Черевковского (до 1959 года, далее Красноборского) района, которую уже в наши дни горькая судьба вынудила оставить семейное гнездовище в умершей деревне и перебраться доживать свой век в Черевково. Я даже отчества её точно назвать не могу — не принято было в деревне величать. А подруга её — Кланыя — Кириллова Клавдия Васильевна, ушедшая из жизни ещё в 1970 году, когда ей было только 45 лет, и которая... которая есть моя родная мать! И за всю свою сознательную жизнь, сколько себя помню, я никогда не слышал от неё рассказа о тех страшных месяцах зимы 1941-42 годов. Только раз или два на моей памяти с губ мамы срывалось тяжело-горькое восклицание: «Ох, а на оборонных-то...» И тут же она замолкала, не продолжая, словно бы устыдившись своей слабости. Да только никто и не обращал внимания на это, невзначай оброненное, восклицание, и никто ничего не расспрашивал. И я в том числе. И лишь теперь, уже прожив больше, чем прожила моя мама, я совершенно случайно узнал о том, как же именно была написана одна из самых тяжких её жизненных страниц. И что скрывается за этим горьким вздохом «...А на оборонных-то...» Прости меня, мама, за мою нелюбопытность. И вечная тебе память!

Берега Победы

Дмитрий Воронин

Дмитрий Павлович Воронин родился в г. Клайпеда Литовской ССР в 1961 году. Член Союза писателей России, член Конгресса литераторов Украины, член Межрегионального Союза писателей Украины. Автор трёх сборников рассказов. Отдельные рассказы опубликованы более чем в двадцати пяти «толстых» журналах России, Эстонии, Беларуси, Молдовы, Казахстана

Является лауреатом множества российских и международных литературных конкурсов.

Заруська

100-летию Константина Симонова
посвящается.

Рассказ

За уютным столиком летнего кафе на старой могилёвской улице сидели два пенсионера и тихо беседовали.

— А помнишь, Паша, девчущку такую смешную, что прибилась к нам за сутки перед тем, как мы на тутошной окраине окопались? Мамадя у неё где-то в отступлении при бомбёжке потерялась, а папаша вроде как тоже воевал. Сама росточка маленького, худенькая и косички в разные стороны, а в них ленточки то ли синие, то ли зелёные, не помню уже, вплетены.

— Красные, Семён, красные.

— Может, и красные. Нос задран и весь в веснушках, да и имя такое странное, на Маруську похожее.

— Заруська.

— Во-во, Заруська, она самая, — засмеялся Семён. — Заруська-беларуська. Мы её ещё всё пытали, какой она национальности. А она всё хохлилась, да так удивлённо выговаривала: «Ну, что ж вы глупые-то такие! Беларуська я, кто ж ещё?». А мы смеялись: «Так вроде нет таких имён среди белорусов». А она в ответ с возмущением: «Ну как так нет, если вот она я, Заруська!». «А может, всё же Дуська? Спутала ты?». — «Сами вы Дуськи, — обижалась. — Ну, как спутала, коли мамка так звала, и тятка. Совсем уж вы глупые!».

— Да, было дело, — улыбнулся Павел.

— А ведь ей сколько было-то тогда, лет тринадцать-четырнадцать? Интересно, какая она теперь, Заруська эта?

— Какая? — посуровел взглядом Павел. — А такая же. Ничуть не изменилась.

— Это как так?

— А вот так. Слушай, — закурил папиросу старик. — Как немец-то на Могилёв двинул, тебя вроде в тот же день подранило, так?

— Так, — согласно кивнул Семён, — в правое плечо. Очнулся в госпитале дня через три.

— Свезло тебе. Днём-другим позже — всё, захлопнулась бы калиточка. И мышь не проскочила бы. Взял в кольцо нас немец, плотно взял.

— Знаю, — погрустнел товарищ. — Как сам выбрался-то?

— А вот об том и речь, — примял первую папиросу старый солдат и закурил вторую. — Сколько раз на прорыв пытались чуть не всей дивизией, и всё без пользы, только смертей полнёхонько. И тогда приказ вышел — прорываться малыми группами. Нас ротный собрал, кто остался, чело-

век двадцать, да с другой роты столько же, ну, и двинули в ночь. А утром, когда до очередного леса десять шагов осталось, на нас немцы и выкатили. А может, мы на них сдуру нарвались, без разведки ведь шли, всё на глазок да на авось. В общем, плохо дело приключилось. Немцев-то не так уж и много чтобы, но ведь у каждого автомат, да ещё с танком впереди. А у нас что? Окромя винтовок, да гранат рпэгэшных и нет ничего. Так с гранатой ещё до танка добежать надо, а кто ж позволит-то? Сразу на гашетку, и всё, алес капут. Залегли в поле в траву, ждём. А чего? Смерти, наверное. И тут, глядь, Заруська наша встала в полный рост и к немцам пошла. Не побежала, нет, а так спокойно пошла. Идёт и руку вверх подняла.

— Сдаваться, что ль? — ахнул Семён.

— Да слушай ты, — рассердился Павел. — Какой сдаваться? Одну руку подняла, вторую, полу-согнув, на поясе держит. Идёт так и ладонью помахивает из стороны в сторону, ну, вроде как то ли приветствует немцев, то ли останавливает. Немцы и остановились. Ждут, смотрят на неё удивлённо. Им, видать, как и нам, непонятно стало, что происходит. Заруська-то издали ребёнок ребёнком. Вот так она почти в полной тишине до них и дошла. Мы молчим, не понимаем, они тоже молчат, не понимают, и только мотор у танка работает. И вот когда до него пара-тройка метров осталась, Заруська руки опустила и тут же правую снова подняла, но уже с гранатой.

— Как так? — поразился Семён.

— А так! Сами обалдели, — нервно затушил папиросу Павел и тут же достал новую. — В этот-то момент наш ротный да как заорёт таким голосом, вроде как удивлённым и упреждающим, мол, что ты, зачем: «Зару-у-ська-а!». И тут же взрыв, да такой — башню от танка напрочь, словно косою по траве на утренней зорьке. Немцев вокруг всех разметало, как осеннюю листву ветром. Куда уж она умудрилась попасть той гранатой, непонятно, но, видать, весь ихний боезапас сразу сдетонировал.

— Ни черта себе! — присвистнул Семен.

— Вот тебе и ни черта себе. И у нас глаза на лоб да волосы дыбом, — закурил всё ж третью папиросу Павел. — И вот тут-то началось, тут-то с нами что-то и вышло. Поднялись мы с земли как один, без всякой команды да с какими-то дикими, пожалуй, звериными криками — и вперёд! Кто орет: «За Руську!», кто: «За Русь!», кто: «За Белоруску!», кто: «За Беларусь!». Вмиг до немцев доскочили, а они, как чумные, будто из ваты, без всякой воли оказались. Смяли мы их и ушли...

Павел замолчал.

— А как же Заруська? — осторожно прервал затянувшееся молчание однополчанина Семён.

— Погибла, конечно, — тяжело вздохнул Павел. — Взрыв-то, какой был, мы ведь её так и не нашли. Но имя-то, имя — За-Русь-ка! Как оно на нас, у-ух! И сегодня мурашки по телу. Вышли мы из окружения, и пока нас особисты проверяли, всё про девчонку нашу героическую говорили. Каждый день к ней разговорами возвращались. И про то, как она к нам неожиданно прибилась, и про то, как ушла от нас. Ведь ничегошеньки не нашли, даже ленточек тех самых, красных. И про имя её необычное всё догадки строили: а как полностью-то? Никто же не спросил у неё, как по метрике величать. Рассуждали: а что, если б просто Маруськой девчонку звали, встали бы мы, совладали с немцем? И ещё один факт, хошь верь, хошь нет. Узнавал я после войны судьбу тех, кто тогда со мной из окружения вышел. Так вот, ни один не погиб, все домой целыми вернулись, будто всем нам Заруська ангелом-хранителем оказалась, а может, и вся Русь вместе с ней.

Берега Памяти

Николай Иванов

Николай Фёдорович Иванов родился в 1956 году в селе Страчево Брянской области. Закончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин», через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года, отказавшись публиковать материалы в поддержку об-

стрела Белого дома, снят с должности «за низкие моральные качества» и уволен из Вооружённых сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками; освобождён через четыре месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Сопредседатель Правления Союза писателей России. Автор 20 книг прозы и драматургии. В их числе: «Чёрные береты», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Женский пляж», «Спецназ, который не вернётся», «Расстрелять в ноябре, или вход в плен бесплатный», «Новеллы цвета хаки» и др. В Уссурийске и Брянске идут театральные спектакли по произведениям писателя. Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград».

Партер. Седьмой ряд

Новелла

— Баю-баюшки, баю...

— Вика, милая, всё. Всё уже.

— Не отдам.

«Отдашь!» — ухнул рядом разрыв.

Комья земли за спиной — как падающие яблоки в домашнем саду.

Для непонятливых повторилось едва ли не над ухом:

«Отдашь! Отдашь!»

«Да-да-да-да-а-а-а», — шпаной из подворотни подтягнула господам артиллеристам дробненькая пулемётная очередь.

И вдруг озарение: какое же это счастье — оказаться во время обстрела на кладбище! Любой холмик — бруствер, памятник — стена каменная. Копачам вообще сказка: скатились в самими же вырытую могилу-окоп. Не потеряются, пронумерованную — в седьмом ряду нового, всего лишь неделю назад открытого для захоронений, участка. Готовили могилочку для дитяти, лишней земли не захватывали, а вот, поди ж ты, легко втиснулись четвером.

— Баю-баюшки, баю...

«...ю-ю-ю-ю-ю-ю...», — передразнила мина «крылатка».

Не ведала, дурёха, что от самой полетят клочки по закоулочкам, едва коснётся земли. Иначе не насвистывала бы, а выла по-бабьи, изо всех сил удерживая себя в воздухе. А ещё лучше — вернулась бы к тем, кто снаряжал её, как поясом шахида, хвостовым оперением. Кто погладил выпуклые, в 120мм, бёдра, но тут же предал, разжав пальцы и опустив в тесное, тёмное, пропахшее гарью жерло ствола. И всё ей окончательно должно было стать понятным, когда обожгло, возгорелось там, где шёл элегантный, как у балерины, крылатый подол пачки.

Но обманула, дала ей передышку неведомая сила, выбросившая обратно мину из тесноты и гари да в голубой простор: летай, глупое чудушко, радуйся бабочкой единственному дню своей жизни. Смотри, как сияет в небе крест, взбежавший на цыпочках по куполу кладбищенской часовенки в самую высь. Забудь, что он всего лишь прекрасный ориентир для миномётчиков, что именно от него делают поправки в расчётах для меткой стрельбы. Но простухе-дурёхе и самой глаз не отвести от золочёного, парящего среди облаков Ивана-царевича, распахнувшего навстречу руки. Ох, для жаркой, желанной ночи!

Только вышла незадача: в последний миг ослепились глаза золочёным бликом. От неожиданности ненароком, на мгновение вильнула «крылатка» хвостом и — вот как бывает, разминулась с судьбой! А может, это те, кто последними сжимал её тугие бёдра, кто передавал из рук в руки от снарядного ящика до ствола, думали не о вознесённых в небеса принцах, а о копошащихся, вылезших наружу из шахт «медведках»? Только что шли они из забоя рабочим классом, донбасским пролетариатом, защитничками Новороссии! А при первых же выстрелах вжались в землю так, что сами превратились в кладбищенскую пыль. А мины для того и шлют в поддержку горячих, но зачастую бестолковых при бое в населённом пункте, снарядов и пуль, что могут они не пугать, пролетая мимо, а падать на противника сверху. И тут уже ни в какую щель не забиться «колорадам», потому что заложен конструкторами в миномёт великий принцип войны: «Выстрелил — и забыл». В смысле — тех, по ком стреляли. Ибо уже некого помнить.

—...аюшки-баю...

«Да-да-да-а-а-а-а».

«...ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю...»

«У-ух, у-ух», — проснулись, а может, только-только подскочили на подмогу сородичам всегда охочие до драки танки. Вот у кого дури по самые топливные баки. Такие пока не снесут себе башню, или им не настучат из гранатомёта по темечку, будут строить из себя ковбоев.

Гудело, свистело, ухало, чвакало, скрежетало — какая же гармония, уважительное равноправие царят в стреляющем оркестре. Всё — ради слушателей! Вот тут и крест-ориентир в благую помощь, чтобы могли дотянуться танкисты, пулемётчики, артиллеристы, миномётчики своим искусством до каждого зрителя, начиная с первого ряда на кладбище и заканчивая галёркой на шахте. Одна незадача: перебивала, перепевала, мешала восприятию гармонии обстрела заунывная нота от чёрной сторбленной тени в седьмом ряду партера:

— У-у-у-у-у-у-у...

И уж совсем некстати раздалась из могилы музыка Вивальди. Производители мобильных телефонов, оказывается, такие юмористы, такие чудики: вставляют вместо звонка не команды «К бою!» или «Всем бояться!», а музыку итальянского католического падре! Да ещё на православном кладбище. Правда, не без пользы: его «Времена года», где волыночка наигрывает «Деревенский танец», подсказали, что сейчас хотя и поздняя, но всё ещё весна. А уж вы, люди, сами определяйтесь, какого года. И торопитесь, ибо отрывок весенней музыки звучит у композитора всего-то четыре минуты. Если в пересчёте на оркестрантов, то это где-то два десятка неспешных снарядов, тысячи полторы пуль, раз пятьдесят «у-ухнуть» и столько же «прою-юю-ю-ю-ю-юзить» до звона в ушах. Антракт, конечно, придёт, он неизбежен, ведь сам Вивальди в сонете перед началом майской игры записал: «...быстро иссякает вихрь могучий. Спит пастушок...»

— Баю-баюшки, родной...

Звук мобильного, который никак не могли отключить в могильной тесноте, вдруг неожиданно стал заглушаться надрывным, всё нарастающим гулом бронетехники. Он шёл со стороны шахты, и не был страшен, потому что в то направление, на юг, указывал своим правым краем крест. А в Донбассе любой первоклассник преподаст урок географии: где юг — там ополчение. Защита. И сейчас именно оттуда зелёным приплюснутым наконечником летела, тщетно пытаясь оторваться от пыльного завихрения, «бээмпешка». Это подсказало для первоклашек и вопрос по истории — какой год на дворе: на похороны на бронетехнике стали ездить в 2014-м. Их было много в этот период — бронетехники и похорон...

Становилось ясным и другое: механик-водитель сбежал из сумасшедшего дома. Наверняка его разбомбило, и когда вместо стен в воздухе остались висеть на трубах лишь батареи отопления, один из пациентов и умыкнул стоявшую в каком-нибудь музее БМП. И теперь не просто мчался в самое

пекло, а ещё и, словно специально, подставлялся под выстрелы: гарцевал на пригорках, пылил по просёлкам, замирал у отдельных деревьев — так же пристрелянных, как и крест, ориентиров. Но странное дело: отсутствие логики в безумных поступках сумасшедшего неожиданно позволило поднять головы похоронной процессии. Огонь под крестом стихал, он поддался на приманку и бросился догонять обезумевшую «бээмпешку».

В открывшееся в обстреле оконце люди и поторопились передать в рай двухмесячного мальтку, крыхитко Богданчика. Кума уже не уговаривала подругу, молча выдрала малыша из рук. Подождала копачей, вытряхивавших из гробика налетевшую жёлтую глину и чёрные осколки, уложила крестничка в красную, с белыми кружевами покрывал, домовину. Местный батюшка, обгоревший при тушении храма, страдал духовно и телесно в больнице, и она сама перекрестила мальчишечку, что-то прошептав ему в ушко на мотив молитвенного. Уступила место мужчинам с лопатами. И только после этого тревожно принялась искать взглядом БМП. Одна она знала военную тайну о том, что за штурвалом сумасшедшей боевой машины сидит ополченец с позывным «Русак» — её брат Васька, отец Богданчика. Утром дозвонился из боя под Дебальцево, предупредил, чтобы сына без него не хоронили, что прорвётся, примчится, отомстит.

Его самого гоняли сейчас зайцем по полю фонтаны разрывов, хотя уже можно было нырнуть за ломаную геометрию терриконов. Но Васька рвал удила, построжки, нервы, гусеницы, сцепление, лишь бы остаться на виду. Уходи, Васька. Здесь уже положили цветы и убегаем домой.

Ох, не все.

Малюсенького неровного осколочка от самовлюблённой «дурёхи», упавшей всё же за часовой, хватило повалить кулём станичную почтальонку. По арифметике на сегодня выпал скорбный, девятый день её мужу, мучительно умершему от недостатка лекарств, и она наклонилась, чтобы поцеловать щурящегося на фотографии своего чоловіка да поправить рушник на кресте. Ведь на них, на рушники, прилетают души и ангелы умерших. А вот не приди, не наклонись — глядишь, и прошла бы смертушка со своей почтовой сумкой мимо. Только ведь женщины идут и наклоняются, идут и наклоняются. Хоть русские, хоть украинские. И хотя осколок у Богданчика, судя по ранке, был в два раза больше, но нет ему, видать, разницы, каким размером какой возраст пересекать...

Причитать над новой бедой люди не стали: жизнь почтальонки по сравнению с Богданчиком виделась прожитой, а почта... Что почта без писем, которые в прифронтовое село давно уже никто не шлёт? Так что пристроили копачи почтальоншу на черенки лопат и постарались бегом отнести домой, к забившейся в будку при виде страшной процессии, оставшейся теперь полной сиротой, собаке. Настырный телефонный звонок вновь уточнил, что в мае 2014 года на Донбассе впервые несли покойника не на кладбище, а домой.

Господи! Найдётся ли сила, которая остановит это безумие? Кто защитит хотя бы от надругательства снарядами могильный холмик в седьмом ряду? И почему перестали стрелять по БМП? Это же страшно, когда не стреляют на войне, потому что у них, у миномётчиков, и впрямь есть присказка: «Выстрелил — и забыл»...

...Богданчику поминок не делали. И не с чего было, и опасно стало собираться людям вместе. Главное было довести Вику домой. Золовка, ненароком задевшая её грудь, тронула теперь уже её ладонью. Твёрдая, горячая — плохая.

— Сцеди молоко.

— Не для кого...

— Сцедись, — силком усадила на диван. Подвинула детскую баночку, сняв с неё ставшую ненужной соску. Ладонью мягко помогла выдавить первую каплю из белого набухшего окружья. Невестка-то сама дитя, едва-едва исполнилось девятнадцать.

— А Богданчик не успел поесть перед бомбёжкой, — встрепенулась вдруг запоздало Вика, вцепившись в стекляшку.

— Отнесу Нестеровым. У них малыш, — отобрала кума драгоценную влагу, прикрыла платком. Теперь бы с Васькой ничего худого не случилось. — Ляг, полежи. Я быстро.

Получилось быстрее, чем думалось. Пояснила через окно:

— Уехали. Не осталось детей у нас на улице.

Вика вышла из дома, переодетая в камуфляж Василия. Приняла молоко обратно, прижала к груди баночку. Покачалась, как только что баюкала сына. Что-то вспомнив, на ощупь открыла побитую осколками калитку в сад. Присела над ближней, самой маленькой яблонькой. Да и когда той было расти, если посадили в день рождения Богданчика. Потрогала хворостинку-стволик и начала медленно лить молоко под дерево. Изнывающая от жары земля жадно проглотила через трещины влагу, замерла в ожидании новой порции. Но Вика, Виктория, ничего не пообещав, ни слова не сказав золовке, пошла через давшие завязь яблони, вишни, сливы к терриконам. Уходила строго по правому лучу креста. Оглянулась лишь однажды, и то на кладбище, где теперь уже навек лежать в своём скорбном ряду её Богданчику. И слушать соловьиные песни. Они, соловьи, поют и на кладбищах, если заставить замолчать канонаду...

Берега Памяти

Алексей Новгородов

Алексей Викторович Новгородов родился 12 апреля 1961 года в Подмоскowie. Служил в воздушно-десантных войсках, затем — двадцать лет солдатом правопорядка, от слушателя Московской высшей школы милиции МВД СССР до руководителя подразделения центрального аппарата МВД России. Участник первой и второй боевых чеченских кампаний. Был ранен. Полковник милиции. Награждён четырьмя Орденами Мужества (1998, 1999, 2000, 2008), медалями, в том числе медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии «Фемиды» (2010). Лауреат премии Фонда Всехвального Андрея Первозванного и Центра Национальной Славы России «За Веру и Верность» (2014).

Боевая машина «Жигулёнок»

Рассказ-быль

«Жигули» обзывают чудом советского автопрома с иронией, а зря. Ещё в не такие уж и далёкие времена «жигулёнок» был показателем успешности его владельца и пользовался большой популярностью. Время прошло, инженерная мысль давно опережает наши фантазии, а Волжский автомобильный завод всё продолжает выпуск неизменных «пятёрок» и «шестёрок». Упрекнуть трудовую лошадку XX века можно только в городах да посёлках с дорожными коттеджами, где асфальт не изрыт воронками от фугасов, где можно пожаловаться на отвратительную работу коммунальщиков, где автосервис совершит любой каприз с самой навороченной иномаркой. А «жигули» — это своего рода «конструктор», не видевший автосервиса более четверти века, ремонтируемый на коленке в любых условиях подручными средствами. Вот и бегают наш «жигулёнок», осваивая дороги, улицы и переулки, куда не ступала нога в лакированной туфле, не въезжало колесо иномарки.

Для передвижения по военным дорогам лучше, конечно, использовать «уазик», а ещё лучше БТР, но они никак не способствуют выполнению разведывательных задач операм УБОПа, засовывающим свой нос во все уголки полыхающей Чечни для получения оперативной информации о бандитах и их пособниках, о совершённых преступлениях и готовящихся терактах, о пленниках и заложниках. А также любых других сведениях, которые хоть на день приблизят мир на некогда гостеприимном Кавказе. Местные жители давно уже облюбовали «Жигули» из-за их доступности, дешевизны и ремонтпригодности, что очень важно разорённым войной, выживающим в тяжелейших условиях мирным труженикам, поднимающим мозолистыми руками разрушенное хозяйство воюющей Чечни. Не всегда поднимется рука даже у озверевшего в лесах чеченца ахнуть по мчащимся «жигулям» фугасом, ибо велика вероятность погубить некогда уважаемого человека. Велики на Кавказе кровные связи. Вот и снуют по дорогам «жигулёнки», то до невозможности перегруженные хозяйственным скарбом, то до беспредела забитые пассажирами, то с комфортом везущие убелённого сединами старика. Но обязательно с наглухо затонированными стеклами.

Либо быстро вернуться, либо не возвращаться по дороге, по которой приехал — эту заповедь надо впитать с молоком матери каждому оперу как «Отче наш», мотаясь по совершенно недружелюбным и часто враждебным сёлам, где каждый норовит схватить тебя и растерзать, или, в случае «высшей любезности», всадить автоматную очередь в спину. И только вдруг как чудо, кто-то, поверивший тебе, рискуя жизнью, сунет клочок бумажки с информацией, которую ты очень ждёшь, а ещё больше ждёт, что ты получишь её, томящийся в зиндане пленник. И вот ради этой самой записки, нарушая все правила безопасности, несёмся мы с моим заместителем Долговым Серёгой

в Урус-Мартан, опережая сапёрную группу, прикидываясь местными жителями, полагаясь лишь на то, что наш автомобиль ничем не отличается от сотен таких же затонированных и мчащихся на предельной скорости чеченских «жигулей».

Ранним утром разбудил меня Гена Мордвин и доложил, что Умар из Урус-Мартана срочно хочет со мной встретиться. Я не боялся получать в эфире информацию открытым текстом. Никакие технические средства защиты не справлялись с передовыми технологиями перехвата связи, которые поставляло бандитам «передовое человечество». Вот и слушали они все наши переговоры. Но голь на выдумки хитра. В моём подчинении пять межрайонных отделов УБОП, рассредоточенных по всей территории Чечни. Раз они нас слушают, так я и не против. Я в каждый отдел направил по сотруднику СОБРа, прибывшему из Мордовии, с одним условием: в эфире разговаривать по-мордовски. У бандитов мозги плавилась, голова шла кругом, так как практически невозможно определить, на каком языке идёт разговор. Кроме того, язык маленькой Мордовии делится на три языковые подгруппы (мокша, шокша, и эрзя), что сводило усилия бандитов на ноль. Зато я обладал информацией по всей Чечне в режиме онлайн. Правда, после каждого эфира мне много приходилось выслушивать грязной ругани, чтобы «русский свинья разговаривал по-русски», а я терпел, иногда огрызаясь на чеченском.

Умар попал в Урус-Мартановский отдел УБОП в числе многих других подозреваемых в организации взрыва комендатуры федеральных сил и последующего подрыва автомобиля оперативной группы, следующего на место преступления. В последнее время бандиты использовали тактику двойного взрыва, закладывая два фугаса. После первого взрыва выезжает оперативно-следственная группа с целью осмотра места происшествия, сбора и документирования улик и доказательств, для розыска лиц, причастных к данному теракту. Вот и становятся они мишенью для второго, подлого взрыва. Но рискуют милиционеры жизнью, собирая по крупницам вместе с доказательствами мирную жизнь для этой благодатной земли.

Объём работы просто огромный, и я удивляюсь работоспособности начальника Урус-Мартановского межрайонного отдела УБОП ОРБ №2 Рукмана Якубова. Мы с моими замами Николаем Шаравиным, Сергеем Долговым да трудягами-операми Скорняковым и Хаджибековым на третьи сутки уже валимся с ног от усталости, а он работает как заводной, забывая о сне и отдыхе. Он — настоящий Чеченец с большой буквы, и мир на родной земле для него не пустой звук. Он потом и кровью возвращает этот мир на свою землю, отдавая дань уважения тем, кто сохранил его в далёком 1945 году. И неужели он, мужчина, не отстоит благополучие и счастье для своих потомков?!

Результат оперативной работы — всегда получение достоверных фактов, которые иногда становятся не обличающими, а защищающими человека и его доброе имя, доказательствами непричастности. И снова роешь землю в поиске тварей, убивающих людей, любящих жизнь. Бросать граждан, прошедших через сито подозрений, мы не имеем права, мы сохраняем им не только доброе имя, но и веру в справедливость, в то, что мы — москвичи, читинцы, новосибирцы, биробиджанцы — приехали в Чечню со всех концов Великой России по долгу профессии, исключительно только для помощи в наведении конституционного порядка и обеспечении законности.

Умар, ошетинившийся как ёж, молчал, не проронив ни звука, только зло стрелял своими чёрными глазами и, будь его воля, не задумываясь, порвал бы меня. Он молчал, уверенный в своей непричастности и вспоминая доказательства невиновности, но не верящий в справедливость милиции. А мне приходилось доказывать обратное, изворачиваться и добывать его же алиби, рискуя собственной жизнью. Злой за потраченное на него впустую время, не испытывая чувства раскаяния, я формально произнёс слова извинения со ссылкой на обстоятельства и сложность оперативной обстановки и вообще ситуации в стране, хотя ни он, ни я не слушали произносимую мной заготовленную кем-то для порядка речь. В конце я протянул ему руку. А он не уколол меня взглядом, а тихо-тихо произнёс:

— Ты — мужчина, я верю тебе.

И только переступив порог, оглянувшись по сторонам, окинув ещё раз с высоты своего могучего роста мою измождённую, шатающуюся от усталости фигуру, сказал:

— Я помогу русскому, жди.

И вот это «жди» уже неделю не выходит у меня из головы. И я работаю и жду. Иду на доклад к

генералу Хотину — и жду. Жду, даже просыпаясь среди ночи. Но я жду в окружении приятных мне людей: взвешенного и рассудительного Шаравина, скрупулёзного и дотошного Скорнякова, весёлого и пронырливого Хаджибекова и многих, многих друзей, сроднившихся, слившихся в боевое братство.

А каково ждать другому русскому, находящемуся в зиндане, где каждый вздох может стать последним, где голод наматывает кишки на кулак, где боль от побоев и загнивающих ран начинает навевать мысли о смерти? И только сила воли не даёт превратиться в грязное человеческое существо. Ждать — это невероятная пытка без определённого срока.

Так, когда я услышал от Гены об Умаре, сон как рукой сняло, и, затолкав в машину первого, кто попался на глаза в это раннее утро, Долгова, мы уже через пять минут неслись в сторону Урус-Мартана...

Рослую фигуру Умара, медленно идущего по рыночной площади от прилавка к прилавку, мы увидели издалека, но сразу подходить к нему не стали, чтобы не вызвать подозрения у всё замечающих подростков, непонятно с какой целью сидящих целыми днями на корточках на каждом перекрёстке. Однако и долго задерживаться на рынке небезопасно, так как спортивный костюм никак не скрывает, даже при беглом взгляде, внешность славянина, являющегося чужаком и объектом нескрываемой ненависти. Долгов остался в машине с оружием, контролируя ситуацию, хотя это только для самоуспокоения. Никто не спасёт от автоматной очереди, которая может полоснуть из любой подворотни, стоит лишь на миг остаться одному на линии огня. Поэтому, вращая головой на 360 градусов, я сливался с одинокими покупателями и скучающими продавцами, избегая больших групп, чтобы не быть схваченным и увезённым в неизвестном направлении, превратившись в заложника. Умар, увидев меня, остановился, затем стал быстро удаляться в противоположную сторону, но, замедлив шаг, резко обернулся, посмотрел в мою сторону. Но не своим пронзительным взглядом, а отрешённым, больше, наверное, смотрящим в глубину своей души, разговаривающим со своей совестью и честью. Через минуту, показавшуюся мне вечно, он решительно двинулся в мою сторону. Размеренно шагая мимо меня, он сунул мне в руку плотно сложенный лист бумаги, который был сверху уже мокрый от вспотевших ладоней. Резко свернув в ближайший проулок, он скрылся из вида. Я не смотрел в его сторону и только боковым зрением видел эту удаляющуюся могучую фигуру взрослого человека, вынужденного бояться за свою жизнь, пока бесчинствуют на этой земле бандформирования. Купив бутылку минеральной воды, я шмыгнул в наш грязно-красный «жигулёнок», и Серёжа, не дожидаясь, когда хлопнет пассажирская дверь, рванул с места, окутав пылью всю рыночную площадь. Но этого я уже не видел. Гипнотизирующее действие зажатого у меня в руке чьего-то спасения отрешило меня от реальности происходящего. И только острая боль по всей заднице вернула в окружающую действительность. Запрыгивая на продавленное кресло «жигулёнка», я даже не заметил лежащего на нём родного «Калаша», который впился всеми выступающими частями своего металлического тела в моё мягкое место. Возопив нараспев стандартную фразу, которую выкрикивают во всех уголках нашей необъятной Родины с большим упором на букву «ё», я с трудом извлёк из-под себя мною же аккуратно положенный на сидение «АКС-74». Это нелегко было сделать, так как «жигулёнок» прыгал и вилял на скорости не менее сотни километров в час, мотыля по своему салону всё, за исключением вцепившегося в руль Долгова, который сам закладывал эти автомобильные пируэты на побитой ямами дороге.

С огромной осторожностью разворачивая ещё влажный от пота тетрадный листок в косую линейку, я поймал себя на мысли, что Умар боится не за себя, не за свою жизнь, а за этого или эту первоклашку, из чьей тетради вырван листок со спасительной схемой расположения места заточения русского.

Всё, сыскари-убоповцы, за пахоту! Теперь только от нас зависит, когда наконец-то прекратятся муки человека, собеседником которого уже длительное время является старуха в саване и с косой, приходящая за лёгкой добычей, но наталкивающаяся на твёрдость духа, стойкость и мужество воина, несломленного даже бородатыми ублюдками, воюющими со своим же народом, да пацанами, не успевшими увидеть жизнь, но вдоволь насмотревшимися на смерть.

А почему именно старуха? Она, костлявая, всем нам ровесница, а на Кавказе она безрассудна и молода, сродни прекрасным лицам пацанов, оставляющим в этих горах своё сердце, молодость, а

иногда и жизнь. Русский, потерпи! Теперь, уже вцепившись бульдожьей хваткой в добытую ниточку, мы доберёмся к тебе: своих не бросаем!

Первое разочарование окатило как ушат холодной воды — нарисованная схема не подходила ни к какой части Урус-Мартана. Неужели обманул, отмахнулся, как от назойливой мухи? Порву, своими руками порву! Неужели я ошибся в человеке? Нет же, нет! Не мог он так играть. Да и зачем? Он всё-таки рисковал, хоть и минимально, но рисковал, стараясь по-шпионски незаметно передать мне записку. Всё! Стоп! Нервы ни к чёрту! Надо успокоиться. Включи голову, охолони, подумай... Но не могу я, как Чапай, часами мечтать, склонившись над картой. Стоп! Ещё не облечённая в словесную форму мысль уколола и пульсом застучала в висках.

— Шаравин, Коля, мухой ко мне Хаджибекова, и пусть этот проныра из-под земли мне достанет рукописную схему Урус-Мартана. Срочно!

Неужели я прав? Да, конечно!.. В сортир! В очко все эти военные карты, доставшиеся нам ещё от Великого Советского Союза.

Хаджибеков, миленький, ну, найди, пожалуйста! Ну, давай быстрее! Там — человек, которому каждая секунда промедления как вечность пребывания в земном аду. УБОП есть УБОП — оперативная элита Министерства внутренних дел, где служат только супервысочайшего уровня профессионалы, творящие ради дела чудеса, а Хаджибеков в нём — особая личность. Уже через полчаса он выкладывал мне на стол листы аэрофотосъёмки всего Урус-Мартановского района, неизвестно каким образом добытые у вертолётчиков. И только голосом, исполненным гордости за сработавшую соображалку, причитал, что если сегодня он их не вернёт, его порежут на мелкие кусочки и с вертолёта развеют над Ханкалой, а угроза небезосновательная, так как вертолётов у них много.

Пять пар глаз впились в лежащие на столе снимки, в кубрике повисла напряжённая тишина. Случись землетрясение, никто бы даже не моргнул, ни на секунду не оторвал бы взгляда от стола, мысленно примеряя к каждому фрагменту фотографии на всю жизнь отпечатавшуюся в мозгу схему с тетрадного листа в косую линейку.

— Есть, командир! — опытный взгляд охотника уловил на фотографии еле сопоставимые черты врезавшегося в память карандашного рисунка.

— Молодец, Славочка, мо-ло-дец! Не зря ты бродишь по родной тебе тайге, замечая и выхватывая взглядом самое нужное, самое главное.

Точно, так и есть, хоть сильно отличается и размерами и расстояниями, да и нарисовано наспех. Прорисовывая изгибы улицы, Умар даже не обозначил примыкающий лес. Мартан-Чу изобразил как окраину Урус-Мартана, не обращая внимания на крупные детали, как бы само собой разумеющиеся, но суть ухватывается, и это точно то, что нам надо. Это уже не ниточка к тебе, дорогой «русский», это уже надёжная верёвочка. Но вытаскивать тебя надо не с фотографии, а из лап настоящих бандитов, которые тоже не дураки и работают головой не хуже нашего. Воюют они в местах, где им каждый кустик знаком, а перед нами фотографии местности, да и то не лучшего качества, хотя и за эти спасибо. Нужна рекогносцировка. Сегодня из меня дурь прёт через край, просто фонтанирует — я задал самый глупый вопрос, который мог задать только человек, ни разу не видевший моих бойцов: «Кто со мной?» Сразу осознал свою ошибку, но было поздно. Мне пришлось повышать голос и непрерываемым тоном руководителя приказывать всем остаться в расположении.

— Старший в моё отсутствие — Шаравин. Со мной — Долгов.

Ненавижу я кричать на оперов, не заслуживают они этого, но сегодня за свою нетактичность я расплачиваюсь скрежетом зубов рвущихся в бой ребят.

Рекогносцировка — это визуальное изучение противника и местности в районе предстоящих боевых действий лично командиром (командующим) и офицерами штабов для получения данных и принятия решения. Вот и летит трудяга-«жигулёнок» за самой нужной, самой свежей информацией для принятия решения ценою в человеческую жизнь. Здесь нельзя просчитаться, допустить ни одной, даже маленькой, ошибки. Нам надо не только разведать, получить полную картину предстоящей операции, но и сделать это так, чтобы бандиты даже не догадались об истинной цели наших интересов.

Расхитители социалистической собственности иногда приносят пользу своей алчностью: на окраине Грозного, в недрах стихийного рынка, мы, выложив кругленькую сумму, покупаем себе неубиваемую легенду. Всё-таки Господь помогает нам в благих делах. Человек неопределённого

вида и ещё более неопределённого возраста — от двадцати пяти до шестидесяти лет — продаёт сворованный из какой то воинской части с частично затёртым инвентарным номером небольшой дизель-генератор. Он очень удивился тому, зачем люди, явно принадлежащие к силовым структурам, покупают у него то, чего в их ведомстве хватает с лихвой, а их же пронырливые коллеги и продали ему за бесценок. Поймать бы этих «коллег», взглянуть бы в глаза, ведь у себя же воруют, сволочи. С оказией обязательно сообщу об этом в Толстой-Юрт Андрею Кирикову, крупному специалисту службы по борьбе с экономическими преступлениями, человеку с неординарной оперативной хваткой и пронизательным умом. Он был неудобен своему начальству в Москве из-за своей прямоты, за что и получил полугодовую путёвку на Кавказ, подышать горным воздухом воюющей Чечни... В данный момент для нас это был подарок судьбы, ведь с этим генератором мы можем засовывать нос в любой дом, пытаюсь продать якобы только что сворованный агрегат, изображая из себя военных барыг.

Вылив на себя целую бутылку водки, чтобы от нас разило, как от пивной бочки, мы, как заядлые алкаши, продающие последнюю рубаху, приставали к хозяевам домов, демонстрируя незаменимый в хозяйстве агрегат. Как магнитом тянуло к нужному нам дому, но для порядка пришлось поторговаться в соседних домах, умышленно задрав цену, чтобы не купили нашу «замануху» в первом же дворе. Раззадорив половину жителей генератором и сами порядком засветившись, мы наконец-то приблизились к добротному строению за высоким забором, который, как в потёмкинской деревне, блистал своей «дороговизной» только со стороны улицы, что было хорошо видно через щели в кованых воротах с приваренными с внутренней стороны металлическими листами. С видом распоясавшихся хозяев жизни, потерявших страх от изрядно принятого спиртного, мы начали колотить в ворота. Сердце в груди стучало гораздо сильнее и громче ударов кулаком по железу воротины. Но, как ни ждали мы этого, голос из-за ворот прозвучал настолько неожиданно, что заставил даже отшатнуться с зависшим в воздухе кулаком.

— Что надо?

Собеседник с той стороны не собирался встречать нас с распростёртыми объятиями и пускать во двор. Он даже не намеревался открывать дверь рядом с воротами, чтобы хотя бы поинтересоваться столь назойливыми гостями. Долгов пытался произнести отработанную во многих дворах сказку про генератор, но тот грубо оборвал его, сказав, чтобы мы убирались и ему ничего не надо. Во время этой перебранки я через щели сканировал каждый сантиметр двора, стараясь ничего не упустить, ни одной мелочи, ни одной детальки. С детской наивностью я старался увидеть хоть малейшие признаки места содержания русского, но не такие уж они дураки, какими их рисуют в байках да рассказках пацаны в курилках, изображая из себя героев или, как минимум, Рэмбо. Даже во время спецоперации, рыская по двору, трудно бывает обнаружить тщательно скрываемые следы зиндана. Но теперь-то я точно знаю, что он есть, и именно здесь. Поэтому, отойдя к машине, я изучаю не только двор, его строения, но и подходы к нему, а также возможные пути отступления бандитов. Всё, дорогой русский, это уже не верёвочка, это гораздо серьезнее. И завершающей точкой рекогносцировки, чтобы не было ни малейших сомнений в нашем коммивояжёрстве, мы продали генератор соседу напротив, наверняка под пристальным взглядом из окна нашего негостеприимного собеседника. Охренеть! Утром купили, днём продали — минус четыреста рублей. Организаторов таких финансовых провалов ни одна коммерческая структура не потерпит, придётся служить в милиции до глубокой старости. Зато оперативный прикуп огромен, и его никакими деньгами не измеришь.

Главное — либо быстро вернуться, либо не возвращаться по дороге, по которой приехал. Что крутились мы очень долго и засветились по полной, в этом не было никаких сомнений. И что дорога до трассы Ростов-Баку всего одна — это факт. Кстати, невелик выбор направлений и на трассе, выбравшись на которую, можно либо через Алхан-Юрт махнуть в Грозный, либо через Самашкинский лес и блокпост «Кавказ» — в Карабулак, в мобильный отряд, где, отсидевшись, потеряв время и поменяв номера, опять нестись по той же трассе в Ханкалу. Никакого смысла. Поэтому, уповая на Господа и боевую машину «Жигули», летим на предельной скорости, на какую только способен наш выдавший виды «жигулёнок». Передвигаясь на скорости за сотню километров в час, имеешь меньше шансов получить взрыв фугаса под брюхом мчащегося автомобиля. И уже когда пролетаешь закладку, начинаются догонялки со смертью, и чем быстрее ты уносишься, тем слабее её хватка. Серега, как мне показалось, вообще не пользуясь педалью тормоза, лихо преодолел все

дорожные препятствия, скорее, не замечая, а чувствуя их, перемещаясь то на одну, то на другую сторону совершенно пустой дороги. Мы счастливы, ведь благовую весть несём.

Но дьявол тоже не дремлет... Неестественно задрало задницу автомобиля так, что, упершись руками в «торпеду», я разглядел каждую ямку, каждый камешек, каждую пылинку перед капотом и осознал, что нас подорвали, раньше, чем услышал гром взрыва. Не опускаясь на землю, багажник стал обгонять моторный отсек. Долгов крутил руль, безнадежно пытаясь хоть что-то сделать с машиной. Но она была уже во власти догнавшей нас взрывной волны и, только чудом не перевернувшись, ударившись задними колёсами о дорогу, пронесла ещё по инерции метров сто и свалилась с дороги, уткнувшись мордой в придорожную траву. Всего какой-то миг, а в голове воспринималось, осознавалось всё с такой чёткостью, как будто на осознание каждого действия, происходящего вокруг, отведена целая вечность, а ты её уже прожил, переварил, и мозг уже работает на будущее — как и что дальше делать?

Выскочив из машины, я упал под откос дороги, лишь на секунду обогнав ударившую по дорожному полотну автоматную очередь. Не поднимая головы, приподняв лишь ствол автомата, я в ответ пустил длинную очередь в том направлении, откуда прозвучали выстрелы, тем самым остудив пыл джигитов, пытавшихся с наскака прикончить двух зарвавшихся федералов. Горло мгновенно пересохло. Я с трудом выдавил:

— Серёга, живой?

Короткое «да» откуда-то сзади заставило немного расслабиться. Тому, кто скажет, что не боится смерти, смело можете плюнуть в лицо и назвать лгуном, ни разу не бывавшим в экстремальных ситуациях. Страх сковал мышцы так, что только невероятной силой я заставил себя ещё раз подняться, словно налившиеся свинцом, пудовые руки, и садануть ещё одну очередь по кустам, где засели явно не ожидающие такого разворота событий, бандиты. Они точно видели, что из машины выскочили двое: где нахожусь я, они знали наверняка, но только достать не могли из-за скрывавшей меня дорожной насыпи. Они легко могли подойти ко мне, прижимая к земле очередями, не давая даже пошевелиться, держа под обстрелом мой спасительный откос. Но второй? Он как растворился, ловко замаскировался, пока мы обменивались безрезультатными, но пугающими очередями. Он явно держит ситуацию под контролем, не выдавая своей позиции, потому и не решаются бандиты выйти из своего укрытия для окончательной расправы над подранками, боясь попасть под прицельный огонь этого второго. Серёженька, дорогой, молчи! Ты — наша козырная карта. Только от твоих стальных нервов зависит развязка, а я отвлеку, не дам тварям спокойно осматривать ямки да уступы, выискивая тебя, «второго». Эффект неожиданности ими упущен, теперь мы почти на равных, тем более, с моей козырной картой — находящимся в импровизированной засаде Долговым. Только, Серёженька, не выдай себя, ведь они боятся только неожиданности, неопределённости. С этой мыслью я, выдав очередную порцию свинца, немного замешкался, и тут же меня накрыл со звоном рассекающий воздух встречный поток смертоносного града пуль. Кисть правой руки обожгло, как огнём. Я дернул руку так, что автомат, задрал ствол, воткнулся между мной и естественным бруствером. С надеждой и страхом осматривая окровавленную руку, я понял, что родился в рубашке: никакого ранения, а кисть мне всего-навсего посеколо осколками камней. Со злости я выпустил целый магазин в кусты, где однозначно поменял прятавшимся там подонкам отношение к жизни и смерти. Перезарядив автомат, я прижал его к груди и замер перед очередным шквалом огня. После грохота автоматных очередей над нами повисла звенящая тишина. В голове было пусто: ни прошлого, ни будущего, ни даже настоящего — просто вакуум. И вот на этом фоне абсолютной пустоты чётко всплыли слова матери, короткая, но очень нужная сейчас молитва: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющиеся на Тебя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского». Чекающий молитву мозг делал упор на слова: «не погибнем...», «спасение...» И это спасение несло к нам с нарастающим рокотом приближающегося БТРа. Подъехав, БТР остановился. С него, как горох, ссыпались солдатики, выстроились в боевой порядок и медленно двинулись в нашу сторону, прикрываясь бронёй. Теперь главное: не делать резких движений, ведь у них нервы напряжены не меньше нашего. И не хватало ещё после всего пережитого схватить пулю от своего же защитника. Не резко, а как-то нараспев я прокричал, что мы свои и что боевики в кустах на «половина второго» направления БТР.

Но это было лишним, ведь при появлении солдат они исчезли, как и не было их совсем. Почувствовав безопасность, я поднялся на ватных ногах. Обнял уже стоящего у машины бледно-серого Долгова. Спасибо, Серёженька, ведь в этом бою победил именно ты, сначала унеся нас от взрыва, так что смертельные, но уже ослабевшие его щупальца потрепали только задницу нашего «жигулёнка». А главное, ты победил своей выдержкой, не совершив ни единого выстрела.

В голове включился какой-то стопор, как будто бы это случилось не с нами либо очень давно и не имеет сейчас к происходящему никакого отношения. Мы стали упрашивать молодого лейтенанта вытащить из кювета наш автомобиль, потому что нам срочно надо в Ханкалу, у нас дело, не терпящее отлагательств. Посмотрев на нас, как на больных, он всё же дал команду солдатам вытолкать на дорогу наш «жигулёнок». Ещё в двадцатом веке не воевавший на Кавказе Сергей Александрович Есенин с чувством любви, большой теплоты и огромного уважения написал нам строки для нашего автомобиля: «Жигули» вы мои, «Жигули», потому что я с севера, что ли, я готов рассказать вам про поле, про волнистую рожь при луне, «Жигули» вы мои...»

Зрелище было не из приятных: задняя панель, изогнувшись дугой, сократила размеры багажника чуть не вдвое. Крышка багажника запрокинулась и, упершись в стойки и крышу автомобиля, как щитом закрыла заднее стекло, сохраняя нас, как в капсуле. Бензобак изрядно деформировался, но не проронил ни одной слезинки бензина. Задние фонари, распрощавшись с автомобилем, мелкой красно-жёлтой крошкой рассыпались по дороге. И вот это чудо, прокашлявшись и зарывав на всю округу, поскольку глушитель так и остался лежать в кювете, сначала сделало пробные движения, а потом покатило, побежало, громыхая и стуча всем тем, что ещё не успело отвалиться, унося двух сумасшедших. И только оцепеневший лейтенант провожал долгим взглядом этих уже немолодых офицеров УБОПа, недоумевая, что же это за такое срочное дело, ради которого они так рвутся в Ханкалу.

Убововцы — это своего рода разведчики широкого профиля, а в разведке закон: каждый имеет право голоса, может высказать своё видение обсуждаемого вопроса. Но сколько бы ни было мнений, все они сводились к одному: силы надо использовать немалые, это даже не обсуждалось. А вот с главным был тупик. Сколько ни ломали голову, всё больше и больше отметалось вариантов. Но точно одно: нельзя заходить в посёлок по дороге, нас срисуют сразу же, как свернём с федеральной трассы, подготовятся к нашему посещению, и, когда доберёмся до места, получим дырку от бублика. Всё будет стерильно, как в аптеке, и следы тряпочкой протрут. Нужен марш-бросок через лес. Но кто? Убововцы — сыскари от Бога. Но в лесу они как беспомощные котята, нарвутся на «растяжки» ещё на опушке, сложат головы и на этом бесславно закончат свой путь, что никак не входит в наши планы. Вот бы «лесников»-гэрэушников. Это спецы высочайшего класса. Они видят всё, проходят сквозь игольное ушко, ступают бесшумно, ни разу не треснув сухой веточкой, а мины и растяжки им ничто, они над ними просто пролетают. Но их мало, катастрофически мало, и, тем более, они на прошлой неделе ушли работать в леса далеко от нас, о чём было нетрудно догадаться, выкладывая всю оперативную информацию по Ножай-Юртовскому району Андрюхе Баранову, хотя наверняка он не Андрюха, и, тем более, не Баранов, но мне об этом знать не положено. Для меня он Баранов Андрей, и сейчас я не могу рассчитывать на его помощь. Все дороги ведут в Рим, а все мысли сошлись на чеченском ОМОНе. Им сам чёрт не брат! Хаджибеков Бек, ты всем омовцам — лучший друг, кум и сват. Коля Шаравин, ты, как никто другой, сможешь чётко изложить ситуацию. Давайте, с Богом! А я пойду в свою каморку, прилягу, что-то меня знобит, да и перебор на сегодня...

Опустившись на кровать, я выдохнул напряжение сегодняшнего дня, и вдруг по телу пробежала лёгкая судорога. Потом усиливающийся озноб стал всё сильнее и сильнее трясти меня. Через какое-то время каждая мышца была натянута как канат, вызывала невероятную боль, тело стало каменным. В то же время все внутренности тряслись как на сорокаградусном морозе. В ушах стоял колокольный звон, как будто вместо колокола использовали мою разрывающуюся голову. Не знаю сколько я провалялся в таком состоянии, но ввалившийся в дупель пьяный Долгов стал трясти меня, обнимать, бормотать заплетающимся языком о том, как сильно он меня любит и что мы с ним... Запнувшись, он потерял мысль, после чего, не сильно ориентируясь в пространстве, уронил напольный вентилятор и со словами «я щас» с грохотом распахнул дверь, чуть не сбив входящего генерала Хотина. Пытаясь изобразить из себя трезвого, еле стоящий на ногах Долгов, вдохнул полную грудь воздуха, чтобы не дышать перегаром, вытянулся по стойке «мирно», что не сильно у него получи-

лось. Затем всё-таки решил ретироваться, шмыгнув за спину генерала, с грохотом опрокинув что-то попавшееся на его пути. Хотин закрыл за собой дверь, подошёл ко мне и, прервав на вздохе мой доклад, сказал:

— Я всё знаю, подробности потом.

Достал из внутреннего кармана фляжку, открутил крышку, окинул взглядом каморку и, не найдя стаканов, протянул мне:

— Здесь хороший коньяк. Выпей!

Вся группировка знает, что Олег Валентинович Хотин любит коньяк «Икс'О», но употребляет или нет, никто не знает. Он в шутку говорит, что это в его честь на этикетке его инициалы «ХО».

— Спасибо, Олег Валентинович, с 1992 года не употребляю.

И уже хотел запеть свою песню, что 29 октября 1992 года я бросил пить, курить и развелся — всё в один день. Но он прервал меня:

— Ну и дурак!

Наверное, я обидел его, сломал планы, остудил его душевную теплоту своим отказом. Он как-то изменился, стал опять непроницаемо строгим и, даже не приложившись к горлышку фляги, закрутил крышку и шагнул в проём двери. Плохо, когда у тебя много начальников, и хорошо когда они такие, как генерал Хотин. Буквально через пять минут прибежал перепуганный медик, ни слова не говоря, всадил мне в руку укол и, уложив меня под одеяло, накрыл моим же бушлатом. Скованность мышц стала отступать, по телу начало разливаться тепло, сознание медленно-медленно уходило, и я вырубился.

Командир чеченского ОМОНа Руслан Алханов — милиционер до мозга костей. В нем есть всё: и оперативная смекалка, и твердость, а о смелости и говорить не приходится. Его не надо упрашивать рисковать жизнью, вся его жизнь постоянный риск собою во имя жизни других. Выслушав Шаравина и Хаджибекова, вспыхнув как фитиль, он уже ни о чём не мог думать, кроме предстоящей операции. Чтобы не терять драгоценных секунд, они вместе с убоповцами ворвались в кабинет начальника штаба, удивившись, что застали его на месте. Смешно называть Бувади Дахиева начальником штаба, он всегда на передовой, всегда в гуще событий, на острие боевых действий. Без его непосредственного участия не проходила ни одна серьёзная операция, проводимая чеченским ОМОНОм. Он же стратег, он же вдохновитель, он же и исполнитель, находящийся на передовых позициях. Не надо о нём много говорить, за него говорит его позывной: «Патриот».

Не вникая в наши умозаключения и принимая их как уже пострадавшие и не требующие обсуждений, они с головой ушли в разработку дальнейшего плана своих действий. Скрытный марш-бросок через лес, напичканный минами и растяжками их сильно озадачил, ведь ни одному разумному человеку не могло такого прийти в голову, значит, не придёт и бандитам. Но мы попали по адресу: трудности, связанные с риском для жизни, для них не могут стать препятствием в выполнении задачи, тем более ради спасения человека. Это железобетонная сущность ОМОНа, это их жизнь. Чтобы сохранить в секрете истинную цель выезда, командир принял решение рано утром выдвинуться большими силами в Дуба-Юрт. При подъезде скрытно оставить группу из наиболее подготовленных бойцов для выполнения основной задачи, затем изрядно пошуметь, создавая видимость интересов в данном населённом пункте, после чего демонстративно вернуться на базу под бдительным оком пособников бандитов, следящих за каждым передвижением, каждым чихом держащего их в страхе отряда милиции особого назначения. Естественно, руководителем специальной группы, совершающей сложнейший и рискованный лесной марш-бросок, назначил себя Бувади. Он лично подбирал бойцов для этого мероприятия, осознавая всю ответственность за каждого из них, и перед нами, совершившими колоссальную работу, чтобы вывести его на завершающий этап операции по освобождению человека, а главное, перед человеком, чья жизнь теперь зависит от его мастерства, профессионализма сотрудников милиции.

Открыв глаза, я ещё некоторое время не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, тело вообще не слушалось меня, да и как оно могло слушаться, когда я не мог сосредоточиться ни на какой мысли, а они бегали, кружились не задерживаясь и никак не цепляясь ни за одну извилину в голове. Единственное, что я чётко осознавал, так это то, что язык давно прилип к пересохшему горлу, и очень хочется пить. Выпив залпом целую бутылку противной тёплой воды, я начал приходить в себя. Потихоньку в мозгу стало выстраиваться всё навалившееся за последнее время. Силы начали воз-

вращаться ко мне. Приводя себя в порядок, я где-то подспудно чувствовал, что что-то всё-таки не так. И точно: я не слышу лязга железа, и сопения перетруженных спортивными занятиями тел из коридора, импровизированно переделанного под спортивный зал. Назвать все эти сооружения коридорами, спортзалами, штабами можно только с большой натяжкой. Это «шанхай» из строительных вагончиков, которые появились в непонятные времена, после чего переоборудовались, достраивались, накрывались крышами переходы между ними, и получилось непонятное строение, в которое архитектурная мысль даже не заглядывала. Но для особо одаренных педантичный Скорняков изготовил табличку «Штаб», куда я и стремился за пропущенной мною из-за стрессняка информацией. Вскочивший мне навстречу Гена чуть не прокричал:

— Там идёт бой!

Затем, переведя дыхание, продолжил на той же нервной ноте:

— Алханов за Старыми Атагами развернул колонну и через Гойты несётся в Урус-Мартан, с ним Шаравин и Хаджибеков. Все наши убоповцы в полном вооружении с собрами ждут команду на выезд.

Связи ни с Алхановым, ни с Шаравиным, ни с Хаджибековым не было уже полчаса. Я сорвал голос, крича в радиостанцию так, как будто при отсутствии связи я мог докричаться до них и без её помощи. Треск эфира продолжал взвинчивать нервную обстановку, щекотал нервы и слух. Никакой информации... Появившийся на пороге Долгов вылупил на меня красные с бодуна глаза, как будто пытался увидеть на мне ответы на все свои вопросы, после чего ошаршил меня сообщением:

— Омоновцы возвращаются на базу, есть потери.

И опять застыл, упершись в меня взглядом, в ожидании какого-либо решения. Но решение было одно: схватить штабную машину и галопом в ОМОН. Бойцам — отбой тревоги до особого распоряжения, а ты — со мной! Полетели!

И понёсся синий разъездной «жигулёнок» на базу ОМОНа.

Преодолев змейку из бетонных блоков, мы подъехали к КПП, где очень смурной боец, опечаленный тем, что именно в этот день ему достался наряд нести службу в расположении базы, а не быть вместе со всеми в бою, с нотками раздражения сказал, что командир на выезде, и пропустить нас он не может. Я предъявил ему специальный пластиковый пропуск РОШ по Северному Кавказу, где на обороте почти во всю карточку написано: «Всем военным и гражданским властям, правоохранительным органам! Предъявителю настоящего пропуска оказывать помощь и содействие! ВСЮДУ!» и сказал, что мы дождёмся руководство в штабе. Но пропуск на него не возымел никакого воздействия, и он с упёртостью барана стоял на своём рубеже. Я уже начал раздражаться, но где-то в недрах карманов камуфлированной куртки моего оппонента прозвучал радиоголос: «Я — Патриот. Командирам рот собраться в штабе». Препирания сразу же потеряли всякий смысл, и металлическим голосом, не терпящим возражений, я приказал ему доложить «Патриоту» о нашем прибытии. Через пару минут рьяно выполняющий свои обязанности боец была сама любезность. Но он уже был неинтересен. Информационный голод гнал нас в серое двухэтажное здание. Но как бы мы ни торопились, мы встали, склонив головы, отдавая дань признания минутой молчания у мемориала из гранитных фотографий погибших бойцов, в центре которого Герой Российской Федерации, первый командир чеченского ОМОНа Муса Газимагомедов. Увидев нас из окна, Бувади спустился и молча встал рядом с нами, пропуская через боль в сердце жизненный путь каждого бойца с фотографии. Взглянув на меня, он прервал молчание и торжественно произнёс:

— Лёха, мы сделали это! Мы вытащили твоего доходягу. Тощий. В чём только душа держится?

И, сделав очень большую паузу, как будто вновь переживая все события того страшного боя, добавил:

— А у меня три «трёхсотых» и один тяжёлый...

И опять затянувшаяся пауза. Он мысленно был далеко от нас, он всё переживал, думал о том, где, как и что он мог сделать, чтобы не прозвучали эти слова, простые и жуткие, как сама война. Короткие обрывистые фразы он выдавливал из себя с большими промежутками, впервые не проявив никаких эмоций, диктуемых кавказским гостеприимством.

— Руслана не тревожь. Он — настоящий командир. Он сейчас с ними в больнице...

И опять — тишина. Молча поднявшись на второй этаж, он широко распахнул дверь кабинета, приглашая нас войти, а сам тяжело опустился в своё рабочее кресло и, подняв телефонную трубку,

стал разговаривать с неизвестным абонентом на чеченском языке. Суть разговора улавливалась точно: он старался всячески организовать помощь раненым товарищам. Закончив разговор, он обратил на нас внимание:

— Не успели мы расставиться по плану, заметили они нас, вот и пришлось работать с колёс.

Телефонный звонок прервал его, и вновь, теперь уже повышая голос, он кричал на собеседника, перемежая чеченскую речь с крепкими русскими словами. Бросив трубку, он ещё продолжал ругаться, вскакивая и размахивая руками, затем, немного успокоившись, произнёс:

— Как вы и говорили, русского они сразу в лес поволокли, его даже искать не пришлось, но потом...

Он запнулся и опять ушёл мыслями в этот бой, проживая его снова и снова:

— Сначала двое, потом ещё один. Русского с двумя бойцами мы к федералам отправили, а сами — наших вытаскивать. А тут и командир с бойцами. Он своих не бросает, он мгновенно сориентировался и отработал этих шайтанов по полной.

Последние слова он произнёс с особой гордостью за командира ОМОНа. Вдруг до этого молчавший Долгов задал давно сверлящий меня вопрос:

— А где освобождённый?

Бувади даже обиделся:

— Я же сказал, что к федералам отправили. Куда и кому — не знаю. И не до этого мне было, у меня трое раненых на поле боя.

Да, с такими аргументами не поспоришь:

— Ну, хотя бы данные его записал?

Он посмотрел на нас осуждающе и произнёс:

— Некогда мне там было писаниной заниматься.

А затем, как-то подобрев, осознавая, что всё-таки мы правы со своими вопросами, на которые у него нет ответов, он, заглаживая свою вину, сказал:

— Твоих убоповцев я отправил в Ханкалу. Они отличные боевые ребята! Ты извинись за меня перед ними, что не взял их с собой. Я что им, то и тебе говорю: вы нужны не только здесь, но и в своей Москве, в своём Новосибирске. Честные и знающие милиционеры там нужны не меньше, чем здесь. А я здесь и только здесь! Я на этой земле родился, я здесь живу, я её защищаю, в неё и сложу свою голову!

И он сдержал своё слово... 13 сентября 2006 года на границе с Ингушетией, в боевом столкновении с бандитами Бувади Султанович Дахиев заслонил собой зарождающийся хрупкий мир Чеченской Республики, получив полную грудь свинца, не дав долететь ни одной пуле на территорию родной ему Чечни. Вечная ему память!

И покуда живо наше поколение, всегда будут помнить нелёгкий и смертельно опасный труд солдат правопорядка и с благодарностью смотреть на ветеранов боевых действий на Северном Кавказе дети и внуки освобождённого человека, который так и остался для нас неизвестным русским, прошедшим через горнило плена Чеченской войны. Так мы о нём и будем думать.

И поминать добрым словом боевую машину «жигулёнок»...

Берега Памяти

Вячеслав Мельников

Вячеслав Вячеславович Мельников. Родился 18 сентября 1984 года в ПГТ Глазуновка Орловской области. С 1988-го по 2010 год проживал в городе Орёл. В 1992—2002 гг. учился в школе № 23 с углублённым изучением английского языка. В 2002-2007 гг. проходил обучение на юридическом факультете ОГУ. В 2007—2008 гг. служил в рядах ФСО. Параллельно с учёбой работал грузчиком, помощником продавца, оператором эфира в нескольких рекламных агентствах. После армии проходил службу в рядах ФСКН в 2009—2010 гг. В звании лейтенанта уволился по собственному желанию. С 2010 года проживает в г. Балтийске и работает на 33-м судоремонтном заводе экономистом. Хобби — чтение, туризм, фотография

Грозный 2020

Рассказ

Диктор вещал из телевизора звонким голосом, чеканя каждое слово. Картинка студии сменялась видами метрополитена. В подземке проносились на сумасшедшей скорости новые составы. Студия же была заполнена преимущественно усатыми и чёрными мужчинами.

— Это двадцать шестой по счёту метрополитен нашей страны. Да, товарищи. Двадцать шестой! И мы рады, что он открыт именно в нашей Республике. Мы гордимся этим. Ветка из семи станций введена в эксплуатацию сегодня, и этот день... — Руслан убавил громкость телевизора и потянулся в постели. Самое время вставать. Впереди его ждал насыщенный день. Неспешно пройдя в ванную комнату, Руслан уставился на своё отражение в зеркале. Над левым глазом выскочил прыщ, за три дня отросла небольшая щетина, новых морщин не прибавилось. Взяв зубную щётку, он повертел её в руках и улыбнулся. Затем выдавил на неё зубную пасту, открыл воду и начал быстро чистить зубы. Приняв душ, он вылез из ванной и прошёл в комнату. Картинка в телевизоре сменилась. Теперь вместо нового метрополитена показывали известного барда. Он приехал с концертом в Республику.

Недавно бард серьёзно поменял имидж. Сбрил легендарные усы и стал носить парик. В газетах сразу поднялся вой на тему того, что не к лицу взрослому и серьёзному мужику молодиться. На первых полосах замелькало морщинистое лицо под кричащими заголовками. Руслану же нравилась манера исполнения, до внешности барда ему не было дела.

Бросив взгляд на часы, Руслан начал торопливо, но без суеты надевать брюки. Застегнул рубашку и нацепил галстук. Галстуки завязывать он не умел. Идеальным вариантом он считал галстуки на застёжках, как в армии, но взрослый мужчина такие не должен был носить. Этикет не позволял. В итоге Руслан наловчился снимать галстук, не развязывая. Немного ослабив узел, он вытаскивал из него голову и вешал галстук на вешалку. Так же аккуратно и медленно он его надевал.

Вернувшись в ванную комнату, он ещё раз глянул на себя в зеркало.

— Ну, с Богом. — Сделал вид, что трижды плюнул через плечо и, обувшись в туфли, вышел в подъезд. В подъезде было тихо и прохладно. Лишь через открытую форточку доносились звуки большого и шумного города. Там сновали машины, бежали куда-то люди, кипела жизнь.

На остановке в ожидании автобуса скопилось человек десять. Руслан наклонился и доверительно поинтересовался у пожилой бабули, давно ли уехал автобус.

— Давно, милок. Давно. Стою уже минут пятнадцать. И метра они пустили, и всё хорошо у них по телевизору, а автобусы ходят так же отвратительно, как и в прошлом веке. Загубят страну. — Бабуля многозначительно замолчала. По её лицу было видно, что она знает все тайны мироздания и ей ведомы секреты управления страной. Руслан улыбнулся, вспомнив цитату вождя про каждую кухарку и руководство государством. Судя по всему, идти следовало пешком. Он в пятый раз взглянул на часы. Время позволяло прогуляться до работы. Не успел он отойти от остановки на несколько метров, как услышал позади себя знакомый говор.

— Вай, Руся, чего ты пешком? Садись давай! — за рулём жёлтой «шестерки» сидел пожилой аксакал в шляпе.

— Дядя Джохар! Рад приветствовать вас!

— Вай, дорогой, садись-садись, и поехали.

— У вас, как всегда, нет времени и вы торопитесь?

— Конечно. Мне сегодня лекцию вести ещё, потом в часть надо, дел много. — с Джохаром Руслан познакомился ещё во времена, когда ходил пешком под стол. Его отец служил в одной части с дядей Джохаром, но, в отличие от Джохара, давно уже никуда не спешил, а предпочитал сидеть дома. С тех пор, как умерла мама, отец уехал в аул и постоянно сидел дома. Иногда он звонил Руслану и начинал цитировать по памяти то Пушкина, то Есенина. Руслан подозревал, что папу следует показать врачу, но каждый раз откладывал эту затею.

— Как ты, Руся? Всё там же?

— Ну да.

— Ай, надо было тебе стать военным. Сейчас бы уже дослужился до полковника. Отец-то майором на пенсию ушёл, а мог бы ещё служить. Эх... — Джохар махнул рукой. Дальше ехали молча. Руслан разглядывал морщинистое лицо отставного полковника и размышлял о его нелёгкой судьбе. Когда-то, в самом начале 90-х, Джохар мог стать творцом истории. Вписать своё имя в учебники, но вместо этого выбрал путь простого преподавателя. Чему он обучал молодёжь, Руслан не знал, но догадывался, что, скорее всего, это было как-то связано с выявлением диверсантов на территории Республики.

Тогда, в 90-х, события развивались стремительно. Руслан помнил, как у них на кухне собирались и обсуждали бесконечные планы по обустройству Республики. Бывал у них и дядя Джохар. Тогда он ещё носил форму и приходил всегда со своим помощником Тимуром. Тимур был персоной загадочной и молчаливой. Его Руслан необъяснимо боялся. То ли из-за бороздки шрама, пролегающей на его грозном лице, то ли из-за бороды, напоминающей лопату.

На тесной кухне собиралась пара десятков человек. Стульев на всех не хватало, и большинство стояло в проходе. Люди часто ругались, начинали спорить, переходя с чеченского языка на русский и обратно. По всей кухне висела тяжёлая дымка от сигарет, и стоял увесистый запах нестиранного белья. Абсолютная тишина наступала, когда говорил отец Руслана или дядя Джохар. Но такое бывало редко. Они больше слушали, о чём говорили пришедшие люди.

Однажды Руслан видел, как Тимур развернул большую карту на столе и молча показывал там какие-то направления. Толпа гостей тогда галдела пуще обычного. Кто-то размахивал руками и даже схватил кухонный нож. Тимур молча скрутил и выкинул на лестничную клетку любителя холодного оружия. Увидев испуганного и наблюдающего за этим процессом Руслана, он порывлся в карманах и протянул ему конфету. Руслан испугался ещё больше и убежал к себе в комнату. Тимур же пожал плечами и сам съел стеклянную «барбариску».

Всё это было словно в какой-то другой жизни. Спустя десятилетия Руслан понял, что там, на крохотной кухне, решалась судьба Республики. Не в огромных кабинетах, не в торжественной обстановке, а на самой обычной советской кухне готовился заговор против власти. Человек, размахивающий ножом, желал переворота и уговаривал отца с дядей Джохаром поддержать его. Часть старейшин его поддерживала, часть выжидала, что на это скажут профессиональные военные. Военные прекрасно понимали, что можно вывести на улицы тысячи людей, но что делать дальше? Залить Республику кровью и завалить её горами трупов? Или же получится договориться с Москвой о каких-то льготах и свободе?

Вообще, сам факт переговоров с Москвой не укладывался у многих в голове. Большинство старейшин считало, что можно и довести дело до открытой войны, но отец и дядя Джохар были категорически против. Они, в отличие от большинства собиравшихся на той кухне, бывали в Москве и представляли себе всю мощь державы. Они могли предсказать все действия центра по усмирению взбунтовавшейся Республики. И все эти действия сводились к большой крови и страшному горю.

— Приехали, Руся. Забавно, что наши министерства рядом расположены, не правда ли?

— Ага. А вообще, странно.

— Ничего странного. Это мы в конце 90-х пробивали этот проект. И про метро тогда же мечтали.

А прошло каких-то 20 лет, и центр стал здесь. Вообще, идея о том, что раз в десятилетие столица должна перемещаться, нам принадлежала.

— Да, со столицей это вы здорово придумали. Неожиданно. Нигде ж такого в мире нет.

— И не будет. Весь мир безнадёжно отстал, — дядя Джохар махнул рукой. — Да чего о них говорить? Вот Польша присоединилась, Иран вошёл в состав Союза. Китай смирился, и почти его подавили уже. Тоже войдёт же. Никуда они не денутся. Мы — самые сильные, — Джохар довольно улыбнулся. — И я безумно рад, что всё это вижу своими глазами. Ты только погляди, метро у нас теперь в Грозном есть. На ближайшие семь лет мы — столица. Население — почти два миллиона человек уже. У всех по пять-шесть детей в семье, — тут дядя Джохар запнулся. — Один ты у нас, Русик, никак не женишься. А пора уже...

— Да знаю, знаю. Не все дела ещё сделаны. Надо подождать.

— Надо слушать, что тебе говорят старшие. Они лучше знают, что важно. Ну, бывай! — они пожали друг другу руки, и Руслан пошёл в своё министерство.

В фойе его встретила прохлада. Ленивый вахтёр листал журнал о новейших достижениях промышленности. Глянув на глянцевого экскаватора, Руслан кивнул головой вахтёру и засеменил по ступенькам к лифту. Нажал кнопку вызова и стал разглядывать гранитную отделку.

В лифте было уютно. Несколько десятилетий назад мода лепить повсюду серпы и молоты прошла, и теперь везде царствовал минимализм. Минимализм Руслан любил. В идеале ему хотелось бы жить где-нибудь в горах, в крошечном домике без удобств, но работа не позволяла.

Выйдя на своём этаже, Руслан спугнул влюблённую парочку возле смотровой площадки. Размерно дошёл до своего кабинета. Кивнул секретарше и, усевшись в кресло, поглядел на миниатюрную карту.

— Да, Якутск был столицей, Хабаровск тоже, теперь вот до нас очередь дошла. А как билась-то, как билась... — пробормотал он, затем снял трубку телефона. — Мирошниченко можно к аппарату пригласить? Хорошо, жду. Здравствуйте, Игнатий Борисович. Как? Не стоит. Я, собственно, что звоню. Самолёт у меня вечером. Да. На хозяйстве вы будете всю неделю. Да. И совещание вам проводить и отдуваться, — Руслан засмеялся. — А вы как думали? Всё вот так просто будет? Нет уж. Поруководите объектом. С метро наши коллеги справились, теперь наша очередь утереть им нос. Сто восемьдесят этажей согласовали. Самый высокий небоскрёб мира будет же. Что деньги? Мы сами себе деньги. Мы — столица! И мы теперь решаем! Так что вы там танцами с бубном не занимаетесь, а рубите прямо всё и сразу. Да. И с Исмаилом чего делать решили? Вот и отлично. Всё, до связи, — положив трубку, Руслан потёр руки. — Ишь ты! Вот удумали. В Хабаровске стоэтажку построили за пять лет, а мы не сможем? — Он глянул на огромный портрет вождя и перекрестился. — С вождём, Христом и Кузькиной матерью справимся. Я им покажу! — Руслан потряс кулаком и, поёрзав в кресле, снова снял трубку. — Хоростова можно? Да. Жду. День добрый. Что у вас там стряслось? Да видел я репортаж, видел. Только что-то про нашу стройку ничего не было. Я вот... Так, не перебивайте! Не перебивайте, когда я говорю! В общем, как вернусь, надо добавить ваших телевизионщиков. И не отбрыкивайтесь! У вас старший сын в каком классе? Вот и думайте, куда и как он поступать будет. А то сошлют в какой-нибудь Чад его. Или в этот, как его? В Заир! Там ещё коммунизмом и не пахнет. Если только военным. Так что решайте вопрос по сюжету со стройки. Котлован там рыть уже начали, если что. — Руслан положил трубку и снова посмотрел на портрет вождя. — Ну что ты, картавый? Вот дел наделали вы с большевиками в семнадцатом. Эх, были люди... А сейчас мелюзга одна кругом. Мне бы вашу власть... — Руслан вспомнил, как в глубоком детстве ему доводилось видеть чиновников, передвигающихся на чёрных, громоздких машинах. С тех пор, как аппарату запретили ездить на любом транспорте, кроме общественного, собственная машина стала недостижимой мечтой. Не говоря уже о личной охране. Впрочем, за свою жизнь Руслан не опасался. После очередной чистки его одноклассник стал главой комитета, и в ближайшие семь лет можно было расслабиться. А дальше можно было бы подумать и о свадьбе.

Свадьбу Руслану хотелось сыграть где-нибудь подальше от Грозного. Бесконечные стройки и сутолока стали его раздражать. Ему нестерпимо хотелось тишины и покоя. Вечерний перелёт в Магадан тоже не предвещал ничего хорошего. Город пока ещё не дорос до мегаполиса, но с тех пор, как главный архитектурный ВУЗ Союза перенесли туда, Магадан, по мнению Руслана, испортился. В прошлом году до города дотянулась железная дорога, и некогда скромный посёлок начал

превращаться в муравейник. Руслан считал, что развивать Север надо было иным путём. Туризм, охота и рыбалка. Но вместо этого партия выбрала очередной амбициозный план. Железные дороги, аэродромы, огромные воинские части. По всей стране начался какой-то бум строительства метрополитенов. Словно кто-то хотел зарыться в землю. Владивосток, Хабаровск, Воркута, а теперь и Грозный превращались вместо скромных городов в бешеные мегаполисы. Народом овладела идея расширения границ и построения одного общего государства. Конечно же, были какие-то распри с Америкой, но где Америка и где Союз?

После провальной политики 90-х экономика США лопнула как мыльный пузырь. Тысячи переселенцев ринулись в СССР — просить убежища. Победа большевиков была очевидна. Конечно же, это было не пламя мировой революции. От этих блаженных идей пришлось отказаться, но, тем не менее, триумф советской системы был налицо.

— А всё почему? Да потому что Горбачёва вовремя арестовали! — хлопнул по столу Руслан. — Вот ведь были же умные люди, не предали идеалов. Не всё можно купить. Эх... — Он снова снял трубку телефона. — Можно мне чайку? Только не грузинского мусора, а нормального «Азерчая» завари. Я эту пыль грузинских дорог не могу пить. — Положил трубку. Внутри разливалась уверенность в завтрашнем дне. Для полного счастья не хватало лишь стакана крепкого и хорошего чая. Но и это не было проблемой. Чай скоро принесут...

* * *

— Приехали, вставай! — Руслан недоумённо вытаращил глаза на проводницу.

— Куда приехали-то?

— На кудыкину гору! Москва. Конечная. Пить меньше надо, дембель, — проводница отвернулась и пошла дальше по вагону. Руслан с трудом оторвал тяжёлую голову от подушки. Посмотрел на недопитый чай в стакане и вспомнил, как ещё неделю назад он стоял на посту в районе Гудермеса. Стоял, сжимая продрогшими руками автомат и думая о том, что скоро дембель. Шёл 1997 год. Из сорока человек его роты домой в тот год вернулось меньше половины.

Берега Рождества

Олег Куимов

Родился в семье офицера советской армии в городе Кировокане (ныне Ванадзор) Арм. ССР 13 ноября 1967 г. Обучался в Томском государственном университете по специальности гидрология суши. Окончил Литературный институт. Работал экспедитором, отделочником, разнорабочим, прорабом, предпринимателем, менеджером, опыт редакторства в журнале «Неопалимая купина». Сотрудничал с детским журналом «Рюкзачок с сюрпризом». Публиковался в журналах «Луч» (постоянный автор), «Наши современники», «Южное сияние», «Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Север», «Вокзал», «Отчий край», «Берега», альманахе «ЛитЭра», газетах России, Беларуси и Армении. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Отец четверых детей. Живет в Подмоскowie.

Случайная встреча

Рассказ

Температура в городе опустилась за минус сорок. Никто не хотел высовывать носа из дома без крайней нужды. Даже дороги опустели. Тишина. Непривычная для беспокойного города-миллионера, в котором почти невозможно теперь услышать, как громко, на сотни метров вокруг, скрипит под ногами прохожих на сильном морозе снег. Холод задирает, подгоняет пугливые натуры, но зато как покойно на обезлюдившей улице. Ничто не будоражит, не нагнетает суеты. А главное, оказавшись, наконец, в одиночестве в столь сильный мороз, осознаёшь внезапно свою зависимость от природы, с которой разучились, почти уже совсем, считаться; а с ощущением этой зависимости, подобно тому, как проклевывается из-под прохудившегося асфальта хрупкий росток, в душе пробуждается задавленная цивилизацией истинная натура человека; и она сразу замечает, как вспыхивают в крупных чистых снежинках звёздочки — жёлтые, оранжевые, красноватые, синие и даже бирюзовые. И что тогда до мороза, ведь сибиряк не тот, кто не мерзнёт, а тот, кто хорошо одевается. А Володя одет, как надо. И мороз ему по нраву. И идти вот так, когда суета большого города отступает, когда внезапно оказываешься один на один с собственными мыслями, которые, неожиданно выясняется, даже в мегаполисе, когда он пустеет, могут течь долго и не прерываясь, — идти тогда хочется больше, чем прятаться от непогоды в тёплой квартире. Идти, пока есть силы, пока укутанное одеждой тело держит тепло, идти целую вечность по хрустящему при каждом шаге снегу. Хрум-хрум-хрум. В каждой клеточке мозга отдаётся этот «хрум» радостью. И на самую малую подвижку мысли непременно приходит ответ, без которого всё это небо над головой, эти редкие проклюнувшиеся из мрака звёзды, эти внимательно глядящие на тебя окна, освещённые манящей желтизной электрического света, — словом, весь этот мир вокруг был бы пресен. Солью жизни в такой миг напитывается мир. И ты ощущаешь её вкус, покуда замерли в гаражах промороженные машины, покуда прячется в своих норах человек спешащий, человек суеятящийся, человек, утративший себя в этом чудном загадочном мире. Ты чувствуешь и знаешь это до той поры, пока не исчезли морозы, и пока этот притихший на миг человек, ищущий опоры в разрушении, не обретёт пошатнувшуюся от страха самоуверенность. И лишь тогда, гордо встряхнув головой, он вновь вспоминает о своём величии и тут же забывает о том, с какой робкой надеждой глядел только что в разверзшуюся над ним чёрную молчаливую бездну, ощущая незримую с ней связь и веря, что там, за её краем, о нём помнят.

— Помогите! Грабят! Сумочку украли! — вырвал Володю из размышлений пронзительный женский крик.

Догнать и скрутить грабителя труда не составило, хотя тот и был ощутимо крупнее; однако на деле оказался рыхлым, сам же Володя когда-то как никак всё-таки был кандидатом в мастера спорта по лыжам. Сдавать в милицию наглого вора он не стал; тем не менее и отпускать безнаказанным было не в его правилах. Будучи по характеру человеком отнюдь не мягким, Володя с силой пнул лиходя в бедро. «Отдохнёшь на больничном, бегунок, — криво усмехнулся он катавшемуся от боли на снегу жулику. — Некогда с тобой по милициям вольниться, а так хоть какой-то урок».

Ограбленной женщине тоже было не до вора: жажду возмездия с лихвой компенсировала радость от совершенно неожиданного возвращения сумочки.

— Что же вы в такое время по парку одна ходите? — позволил себе лёгкое недовольство Володя.

Женщина смутилась.

— Да я... ну... дура, конечно, — вдруг улыбнулась она виновато; улыбка из-за только что пережитого потрясения получилась напряжённой, но глаза выдавали человека редкостно доброго. — Никак не ожидала... Такой морозяка. И кому охота сопли морозить? Срезала дорогу на свою голову! А вообще, даже не знаю, как вас благодарить. В сумочке, по большому счёту, ничего ценного нет, но у меня там документы на усыновление одного нашего мальчика. Я в детском доме работаю... директором. Их бы, конечно, восстановили, но это столько потерянного времени, нервов. А главное, и новые родители (прекрасные, кстати, люди) уже ждут не дождутся, тем более, что переводят их скоро в Саратов, и самой ребёнка не терпится поскорее в хорошую семью отдать.

— Никогда не думал, что в детдоме такие молодые директора работают, и даже не на машине, — пошутил Володя.

— Бывает, — рассмеялась женщина, — меня, кстати, Лидией Сергеевной зовут, лучше просто Лида. А машина в автосервисе стоит, сцепление меняют.

— Понятно. А меня зовите просто Владимиром.

— Хорошо, так и буду вас звать — «просто Владимир».

— Договорились, — отшутился он. — А давайте я вас провожу. Вам далеко?

— Ну, чуть больше остановки осталось.

Лида повернула голову и окинула его долгим взглядом.

— А вы знаете, сегодня сочельник, особенный день. Если кто благое дело для деток сделал, то может многое в награду получить. Вот загадайте желание! Ваше обязательно сбудется, ведь вы же полному сироте помогли.

— Зачем? — недоумённо пожал плечами Володя. — Я не особо-то верую... так... как все, не фанатею. И потом, моё желание не из тех, что сбываются.

— Почём знать? Пока жив, надо верить и надеяться, а иначе, зачем жить-то тогда?

— Ну, не знаю, — неопределённо, чтобы оставить эту тему, протянул Володя.

Завидев приближавшегося к ним рослого мужчину, Лида воскликнула:

— А вот и мой муж! Ещё раз благодарю от всего сердца, от наших детишек. Заезжайте к нам в детский дом, будете желанным гостем. Обязательно приезжайте. Обязательно, — повторила она. — Нашим деткам не хватает общения, особенно с такими мужчинами, как вы.

— Какими такими?

— Ну, с настоящими — добрыми, сильными. Да ещё с тренерами. Так вы приедете? — с надеждой спросила слегка смущённая Лида.

— Ну, хорошо, — не смог отказать Володя, — приеду.

Поздоровавшись с подошедшим мужчиной, Володя поспешил распрощаться:

— Вы меня извините, я побегу: жена ждёт.

Неподалёку находилась остановка, и Володя направился к ней: и так сделал лишний крюк в сторону, а дома — Маша звонила — ужин стынет. Время было ещё не позднее, и маршрутки пока ходили.

Душа ликовала! Не оплошал: за добро постоял, жулика проучил, ребёночку, получается, помог. Замечательный вечер. И сам не заметил, как запел, но осёкся, стесняясь внезапно проشمыгнувшего мимо него подростка. Стоило лишь тому скрыться, Володя тут же замурлыкал под нос снова. Подумаешь, мороз принялся щипать нос — прижал к лицу варежку, задышал в неё тёплым воздухом,

отогревая, и снова затянул тихонечко: «Ой, моро-оз, мо-ор-о-о-оз, не морозь меня...» Скоро дом, тепло, горячий чай и мягкий диван с недочитанной книгой Куприна!

Однако расстаться с ролью спасителя не получилось. Возле остановки, под окном дома, прямо в сугробе спал пьяный мужик. Две женщины с ребёнком ожидали маршрутки, и никто из них, к его внутреннему возмущению, не удосужился подойти к замерзавшему на их глазах человеку. Утеплён тот хоть был и добротнo, однако против такого мороза и овчинный полушубок — не доспехи, и унты на собачьем меху — не спасение.

Володя принялся растирать ему снегом щёки, и пьяный немного пришёл в себя.

— Ты, чё меня... ты чё меня муча... муча-и-ишь? — занемевшие губы его еле двигались.

Везти пьяного домой пришлось на такси, потому что жил Игорь (так он представился в машине) неблизко. Володя опасался, что тот мог ошибиться с адресом, однако после того, как они вошли в указанный подъезд по его «таблетке», Володя, наконец, перестал переживать.

Дождавшись, когда Игорь откроет дверь, Володя поспешил ретироваться: «Ну, всё, тут уже ты и без меня обойдёшься. Я пошёл, счастливо оставаться!» Но Игорь вдруг застонал: «Нога! Ногу жжёт! У-у-у...»

Володя со злостью выдохнул из себя воздух: дома ждала жена, и вообще, давно уже пора было вернуться, а тут... из-за этого пьяного недотёпы приходится задерживаться.

— Дома-то есть кто? — скрипучим из-за сдерживаемого раздражения голосом проговорил он.

— Миша.

— А это кто? Сын?

Однако Игорь вместо ответа снова застонал. Отбросив всякие церемонии, Володя громко крикнул:

— Михаил!

Никто не отозвался.

— Михаил! — ещё громче выкрикнул он, и снова без ответа.

«Наверное, дома нет», — подумал Володя.

Дверь в комнату была открыта настежь, и пробивавшийся из коридора свет выхватывал из темноты диван у стены. Володя уложил на него Игоря, стянул с его ног унты, а затем, преодолевая брезгливость, снял заношенные до дыр вонючие, лоснившиеся от пота и грязи носки. Ледяные мурашки пробежали по телу опытного тренера, не впервой сталкивавшегося с подобным: правая нога была белой, как снег.

Не дожидаясь, пока приедет вызванная им «скорая», Володя набрал в ванной полведра холодной воды и опустил в него ногу бедолаги, чтобы смягчить его страдания. Тот облегчённо выдохнул.

— Сейчас за тобой «скорая» приедет, — сказал Володя.

— «Скорая»? Угу... — недовольно сморщился в ответ Игорь. — А это... а Миша как же?

— Какой Миша?

Игорь словно не слышал и продолжал своё:

— Мишу-то с кем оставить? Маленький он ещё.

— Какой Миша? Сын, что ли? Сколько ему лет?

— Четыре.

— А мать где?

— Умерла. Вчера сорок дней было. Сердце у неё... порок с рождения.

Володя сочувственно покачал головой:

— Да... соболезнаю. Как же ты тогда такого маленького сына одного оставил, а сам бухаешь где-то?

— Племянник он мне, сестры сын.

— Всё равно нельзя так, — сдерживая недовольство, с лёгкой укоризной сказал Володя.

Игорь, на удивление, хоть и был нетрезв, а спорить не стал, сокрушённо опустил голову.

— Конечно, нельзя. Я думал быстро обернуться, пока он спит. Тётю Зину с ним оставил, соседку. У неё и ключи есть, если что. Я ей звонил: всё нормально, — Игорь недовольно поморщился, — с товарищем одним заболтался... ездил насчёт работы. А в больницу мне нельзя... никак нельзя. Родных у нас никого. Заберут ещё в детдом, попробуй потом забрать! Нет, я в больницу не пойду.

Володя присмотрелся к нему повнимательней: вроде не ханыга — обычный работяга. Пьющий, правда, сразу видно, однако же не опустившийся всё же.

В коридоре послышалось шлёпанье босых детских ножек.

— О! Миша! — обрадовался Игорь при появлении заспанного белоголового мальчугана. — А тётя Зина где?

— Дяденька строитель позвал. Дядя Игорь, сикать хочу, — захныкал тот.

Володя остановил жестом собравшегося было подняться мужчину.

— Лежи, я сам отведу. Не напрягайся.

Обычно к детям Володя относился ровно, Миша же чем-то приглянулся. Может быть, забавным сочетанием очаровательного лепета и необычно развитой для такого малыша речью.

Мальчик присел возле него на стульчик и стал расспрашивать, как его зовут, кем работает. Затем рассказал, что, когда вырастет, станет работать дядей в белом халате и будет глядеть в подзорную трубу.

«Мой Васятка был бы сейчас таким же, — с горечью подумал Володя, — так же лепетал бы. Да... Эх, Васятка... если бы ты сейчас был жив». И вспомнился крошечный гробик, крышку которого не открывали, потому что лежали в нём растерзанные взрывом кусочки собранного по частям тельца. Два таких гробика похоронили в тот день рядом — их Васятки и Егорушки-соседа. Только Егорушку похоронили вместе с родителями, а Васятку — с бабушкой. В тот день похоронили многих из их подъезда.

А вообще, не зря говорят, что человек чувствует смерть близких. Они с Машей смотрели в театре спектакль, и вдруг на обоих напала необъяснимая сильная тоска, что хоть волком вой. «Володя, — зашептала в ухо жена, — мне что-то не по себе. Боюсь, как бы дома чего не случилось». «И мне тоже...»

Без лишних слов поспешили покинуть зал. Праздничная атмосфера фойе вмиг утратила всю свою торжественность, и оба, не находя себе места, метались по длинным коридорам в ожидании, когда же, наконец, бесконечно длинные гудки прервутся родным голосом Машиной мамы, но она не отвечала. Какой уж тут театр?! Домой!

А дома уже не было. Вместо их квартиры и верхней, над ними, зияла страшная чёрная дыра. На земле лежали раскуроченные бетонные панели, в окнах уцелевших соседних квартир торчали осколки разбитых стёкол. А дальше всё, как в тумане, из которого появлялись и вновь растворялись в нём сосредоточенно-скорбные лица пожарных, спасателей, медиков. Взрыв газа...

— Что говоришь? — очнулся от горестного воспоминания Володя.

— Я говорю, зря «скорую» вызвал! Всё равно в больницу не поеду. Заберут иначе племянника.

— Почему заберут-то? — удивился Володя. — Ты же не один на белом свете! Оставь на друзей; соседи, наверное, есть хорошие.

— Точно, тётю Зину попрошу. Она на пенсии, соседка моя, — вдруг вспомнил Игорь, одобрительно поднимая кверху большой палец. — Во-о-от такая женщина!

День продолжал выкладывать свои сюрпризы: тётя Зина, которая, как по заказу, появилась в квартире сразу же после слов Игоря, оказалась бывшей классной руководительницей Володи. Самое приятное, что Зинаида Ивановна признала его, даже несмотря на то, что за двадцать-то лет Володя успел вырасти, возмужать, измениться, само собой. А главное, была очень рада ему, как и он — ей.

Однако Игорю, как ни сокрушалась, помочь ничем не могла: завтра у неё операция.

От Зинаиды Ивановны исходил запах щей — какой-то особенный, поднимавший из самых глубин памяти что-то неуловимое, ускользавшее от фиксации, но точно что-то радостное, откуда-то из детства. И этот запах породил в Володе неожиданное, умиротворяющее спокойствие. «Как, оказывается, мало нужно человеку для равновесия, — подумал он. — Всего-то, а на душе уже так хорошо». Мысли его потекли спокойнее, и он сразу понял, что должен делать.

Лида, с которой Володя связался по телефону, сразу же согласилась:

— Да, конечно же! Привозите! В принципе, если ситуация безотлагательная, привозите хоть сегодня — я позвоню и распоряжусь. Но если есть возможность, лучше завтра с утра.

— Знаете, Лида, самое сложное, что дядя мальчика категорически против официального оформления. Можно будет обойтись без оформления? Это ненадолго, недели на две.

— Ну... — Лида задумалась, — пару недель, пожалуй... м-м-м... можно, а дальше посмотрим. Будем вас ждать, — сказала она на прощание.

Отключив телефон, Володя обратился к Игорю:

— Я вот что хочу предложить. В больницу тебе определённо надо, не то без ноги останешься. Мишу я отвезу на это время к одной замечательной женщине в детдом. Она там директором. Оформлять, ты уже слышал, не будем. Так что в этом плане никаких проблем у тебя не будет. А чтобы ты не боялся, что незнакомому дядьке ребёнка доверяешь (мало ли кто я?), вот смотри, мои права. Видишь? Бондарь Владимир Иванович. И Зинаида Ивановна подтвердит мою личность.

— Конечно, Игорь, соглашайся, — охотно подтвердила учительница, — это Вова Бондарь, мой ученик.

Володя быстро зашёл в интернет с телефона и набрал в поисковике свои данные.

— Ну что, видишь? — протянул он телефон Игорю, — Вот моё фото. Узнаёшь?

Игорь внимательно посмотрел на фото, затем — на Володю, после чего утвердительно кивнул головой.

Володя мягко положил ему на плечо руку.

— Видишь: Заслуженный тренер России по лыжным гонкам, извини уж за нескромность, известный. Найти меня проще простого. По-хорошему мне оно не надо вовсе — тебя, дурака, жалко, а больше мальчика. Ну, думай, решайся. Я уговаривать не собираюсь, просто останешься без ноги — и всё!

Игорь находился в нерешительности, и Зинаида Ивановна поспешила поддержать Володю:

— Игорь, ты не бойся, я Володю со школьной скамьи знаю, семь лет классной руководительницей была. Он очень ответственный человек. Если слово дал, то в лепёшку расшибётся, а сделает. Он с детства такой — надёжный. Я тебе говорю, поверь мне. Это и в самом деле для тебя выход, а я, ты уж меня прости, никак не могу за Мишей присмотреть — оперируют меня завтра. И потом, — продолжала она убеждать, — они с Мишей уже и общий язык нашли, а это немаловажно. Доверься, Игорь, ты же меня знаешь, я плохого не посоветую.

Игорь, низко наклонившись, оглядел с хмурым видом обмороженную ногу.

— Ладно, тётя Зин, я согласен. Только телефон мне свой дай, — обратился он уже к Володе, — и директора детдома тоже.

Домой добрались быстро. Правда, таксист заломил цену в два раза выше обычной, но деваться было некуда. Открывая дверь, Володя переживал, как встретит его с чужим ребёнком жена, и мысленно уже готовил защитную речь. В прихожей горел свет — Маша ждала, не ложилась.

— Ну, что за сюрприз, о котором ты говорил по телефону? — появилась она.

— А вот! Знакомься — Миша! Наш постоялец. Утром отвезу в детдом. Давай, жена, накрывай на стол — всё расскажу.

Маша внимательно, как строгий врач, посмотрела на мальчика и приветливо улыбнулась ему, отстраня мужа в сторону.

— Ладно, сюрпризник, иди отдохни. Я сама раздену мальчика. Отойди.

Сняв с малыша верхнюю одежду, она с грустью шепнула мужу:

— Как он похож на нашего Васятку — такие же белые волосики.

— Маша, да ведь в этом возрасте все дети похожи, — Володя крепко обнял жену за плечи.

Но и на следующий день Миша остался у них. Игорь, к которому Володя приехал вместе с мальшом, охотно с этим согласился, услышав от племянника, что ему «у дяди Володи и тёти Маши весело».

А Миша, и правда, быстро освоился в их доме; от серьёзного поначалу выражения на его личике не осталось и следа. Особенно полюбились ему сказки, которые Маша читала по вечерам. Миша слушал их с таким забавным выражением лица, какое бывает только у маленьких деток: округлённые от восхищения глазки, приоткрытый ротик; и сам он вытягивался вперёд, позабыв обо всём на свете и видя перед собой только доброго и отважного героя Ивана-царевича, преодолевающего страшные дремучие леса по пути к своей прекрасной Василисе.

«Наш Васятка был бы сейчас таким же», — с грустью улыбнулась про себя Маша и погладила мальчугана по головке.

— Читай, тётя Маша, читай скорее! Не отвлекайся! Что там с Иваном-царевичем? Он же со змеёй драться сейчас будет, — смешно залепетал Миша.

Маша приобняла своего внимательного слушателя.

— Читаю, читаю. Никуда наш Иванушка от нас не денется. Мы в этой вот книжке везде его отыщем.

— Правда-правда? — детские глазки загорелись восторженным удивлением.

— Правда-правда, — рассмеялась Маша, ещё крепче прижав к себе ребёнка.

От её первоначального желания сохранять вежливую доброжелательную дистанцию с мальчиком давно уже не осталось и следа. Поначалу сдерживало опасение прикипеть к Мишутке, ведь после ожидало расставание, да и мальчику это после смерти матери может разбередить душу; вдобавок ко всему она испытывала непонятную, странную вину перед умершим Васяткой, если кто-то из чужих детей вызывал у неё сильное притяжение, желание приласкать. И как-то само собой получилось, что именно теперь, когда это белоголовое, озорное и непоседливое чудо всё время находилось рядом, не смогла всё-таки устоять перед тем обволакивающим её теплом, которое рождалось в ней при обращённых на неё совершенно распахнутых, как бывает только в чистых детских душах, взорах Мишутки. Машу тянуло к этому жизнерадостному сорванцу, и потому, в конце концов, она не удержалась: а будь что будет! Какая дистанция?! Не слишком ли она и в самом деле понапридумывала себе?!

За дверью послышалось бряцанье ключей. «Ой, Васят... — она осеклась на полуслове, — Мишутка, пошли дядю Володю встречать.

Не разуваясь, он сразу подхватил мальчика и, держа его на руках, крепко прижал к себе жену.

— Какое сегодня число, дорогая жёнушка?

— Десятое января

— Запомни этот день навсегда — десятое января! Я сейчас, — Володя отстранился от Мишутки с Машей и, весь в каком-то лихорадочном возбуждении, быстро разделся и повел их в зал.

Маша в молчаливом ожидании смотрела на мужа, заинтригованная его поведением.

Володя вынул из портфеля папку и, глянув в напряжённо устремлённые на него глаза жены, просяя окончательное, не в силах более сдерживаться:

— А Васятка-то наш жив! Нашёлся!

— Вова, ты что... ты что такое говоришь?! Как он может найтись?! Откуда он может найтись?! Он же...

— Да вот же он! — Володя подкинул мальчика. — Это и есть наш Васятка!

Маша побледнела, выпрямилась в напряжённую струнку: что там ещё муж выдумал? А ведь и у самой проскакивала сегодня поддразнивающая фантазия о том, что как хорошо было бы, если бы вдруг этот самый мальчуган оказался её собственным сыном. Мечтала об этом, как верят в сказки, — добрые, светлые, в которых сбывается всё, во что даже и поверить страшно, но в глубине души всё равно понимала, что это и в самом деле всего лишь простая и совершенно несбыточная грёза, вроде тех, что бывают у детей-сирот: а завтра за мной придёт мой папа, и все узнают, что он главный начальник.

Однако сейчас что-то и в самом деле происходило необычное, она видела это по лихорадочно-счастливому возбуждению мужа, чувствовала разлетавшиеся от него, как электрические разряды высокого напряжения, счастливые токи. Что-то произошло точно. Но что?

— Володя, что за шутки?! Какой Васятка?! Нет уже Васятки, — губы её дрогнули, но она сдержалась.

— Хорошо! тогда фокус-покус номер один, — торжественно провозгласил Володя, раскрывая папку. — Ап-ле!

Мишутка в недоумении поворачивал аккуратную стриженую головку то в сторону дяди Володи, то в сторону тётя Маши. Он ничего не понимал. Вначале дядя Володя был отчего-то странный и совершенно несолидный — не как всегда, а теперь что-то стало происходить с тётей Машей. Она разглядывала какую-то фотографию и отчего-то замерла, даже перестала дышать.

— Откуда у тебя этот снимок? Это же... — Маша откинула назад голову, устремив напряжённый

взгляд снизу вверх на возвышавшегося над ней Володю. Она не могла поверить. — Это же Васятка! Ну да, точно Васятка. Но у нас никогда не было такой фотографии. И одежда чужая. Где ты её взял?

Мишутка тоже посмотрел на фото.

— Ой, да это же я! — и ткнул пальчиком на снимок. — Она у нас дома в серванте стоит. Это я когда ещё маленький был.

Маша побледнела, руки её бессильно свесились.

— Вова, этого не может быть! Мы же его... — губы ее задрожали.

Муж крепко сжал ей руку.

— Да, Маша, может. Я сам боялся поверить, но всё сходится.

Мишутка совсем растерялся. Что с ними происходит? И почему они так странно смотрят на него?

— Вова, это всё-таки фотография. А вдруг это всего лишь невероятное сходство? Я... я боюсь ошибиться, это будет невыносимо, — слабо прошептала Маша.

— Я тоже боялся. Поэтому и не стал тебе сразу рассказывать. А теперь смотри. — Володя приподнял на мальчишке маечку. — Видишь?

Машины глаза наполнились слезами.

— Родинка... как у Васеньки — под лопаткой.

— Да, Маша, точно на том же месте. Это она самая и есть. Помнишь, когда он у нас родился, — Володя кивнул на мальчика, — я сразу сказал, что по этой родинке всегда смогу его отыскать. И, если бы не она, то... я когда мыл его в самый первый день, сразу её заметил. Ты же обратила внимание, что я тебе Ми... Васятку мыть не давал и одевал сам, — чтобы ты не переживала раньше времени, ведь и в самом деле: а вдруг? Я и сам поверить не мог, сам же хоронил. Сказать по правде, меня и раньше часто сомнения одолевали, просто не хотел говорить, чтобы не рвать понапрасну душу: почему так мало нам от нашего, — Володя запнулся, — от... останков ребёнка дали, а главное — черепных костей? Ты же помнишь, нам тогда сказали, что тельце разорвало, и кусочки смешались с разрушенным материалом; больше, мол, ничего не удалось собрать. Так вот, поехал я на следующий день после того, как нашего Мишутку-Васятку привёл, на его квартиру. Я же тебе уже говорил, что соседка этого Игоря — моя бывшая классная руководительница. Ну, поговорил с ней по душам. Так вот она сказала, что сама толком не знает, потому что жила тогда полгода в Хорватии — у её сына там квартира. Чтобы Ира была в положении (так её покойную соседку звали, ну, ту женщину, с которой Васятка жил) — не помнит. И с мужем Ира в разводе была. К тому же она брюнетка... была. Видишь, Маша, вот уже первая зацепка, пока ещё так себе. Теперь слушай дальше. У Зинаиды Ивановны ключи от квартиры Игоря хранятся. В общем, фотографию я там и взял. Это второе. Дальше: там же и метрики Васяткины на полке лежали. И вот тут вообще интересная картина складывается: жила женщина в таком большом городе, а рожала в крошечном райцентре. С какого перепугу? Там что, сервис особенный? Или профессура обслуживает? Помнишь, я вчера по делам ездил. Так вот я туда и мотался. У меня же в милиции знакомых хватает, любую информацию дадут. Выяснил: тётка покойницы работала в ЗАГСе. Племянница ей рассказала всю правду, как она сама думала: что семья погибла и что жалко стало такого чудного малыша в детдом отдавать. Тётка тоже малыша пожалела — сделала на него документы.

— Вова, это что, правда? Неужто?..

— Да, Маша, «ужто», самое что ни на есть «ужто». Тётке этой я слово дал, что разговор наш никаких последствий для неё иметь не будет, что это только для меня лично — не более. Ну, она мне всё, как было, и рассказала. Ира в тот вечер проезжала мимо нашего дома на машине, взрыв на её глазах произошёл. Видишь, всё сходится. Она сразу бросилась на помощь. Хорошая, видимо, женщина была. А Васятку нашего в сугробе нашла: волной выбросило в окно. Ни царапинки не получил, даже замёрзнуть не успел. Ира его сразу же в машину отнесла, чтобы отогреть. Выскочила на минутку, когда Васятка уснул, чтобы у подъехавших медиков насчёт него узнать, а тут рядом две женщины между собой сетуют, что в двенадцатой квартире...

— Это же наша квартира... — слабо выдавила из себя Маша.

— И я о том же! Так вот! Слышит эта Ира, как женщины говорят, что в ней даже младенец годовалый — все погибли: и родители, и последняя живая бабушка (судьба, мол, такая: как раз на

взрыв приехала). Ну, в общем, поняла Ира, что это они про Васятку говорят, и жалко ей стало его отдавать: такой хорошенький, жизнелюбивый — разве можно его в детдом? К тому же у самой детей не могло быть.

— Да, да, — рассеянно ответила Маша мужу, веря и не в силах поверить, что жизнь гораздо на такие невероятные сюжеты с чудесным концом.

Радостное возбуждение теперь уже охватило и её, и она заплакала от счастья.

Мальчуган дёрнул Володю за рукав.

— А что тётя Маша плачет?

— От счастья, сынок, от счастья.

Мальчик успокоился: всё у неё хорошо. И ему тоже у них хорошо.

Обнимая жену и новообретённого сына, который, к его удивлению, прильнул к нему, Володя произнёс:

— Да, Маша, послезавтра Олег Пименов должен получить результат теста на ДНК, я его очень попросил, чтобы в минимальные сроки, у них аппаратура сейчас новейшая. Но это уже для официального разбирательства, а нам уже и так всё понятно.

Маша, сдерживая наворачивающиеся слёзы, согласно кивнула головой:

— Да, Вова, нам всё понятно.

И детский голосок подтвердил их слова, вызвав всеобщий смех:

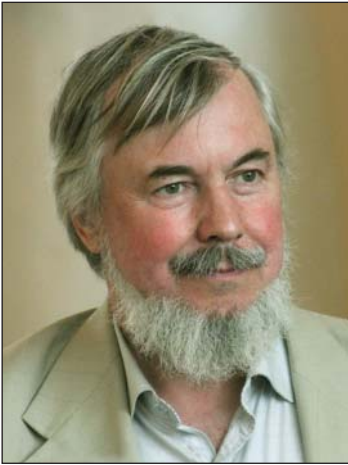
— Да, Вова, нам всё понятно.

А сам счастливый отец, машинально рассматривая иллюстрацию в лежащей на столе книге сказок, думал в эту минуту о том, что у каждой необычайной истории скрывается где-то кончик ниточки, за которую потяни — закрутятся вихрем события, покатаются клубком по тропинке и выведут к счастливому концу. А не потянешь... Но это совсем другая история. Да и история ли, если она даже не началась? И при этой мысли Володя невольно передёрнул плечами от страха: а что было бы, если...?

Поэзия

Александр Казинцев

Родился 4 октября 1953 года в Москве. В 1977 году окончил факультет журналистики МГУ, в 1981 году — аспирантуру факультета. С 1981 года работает в журнале «Наши современник», с 1991 года — ведущий авторской рубрики «Дневник современника». В 1995 году участвовал в выборах в Государственную думу по списку движения «Держава» (не прошло 5-процентный барьер). В 1996 году — доверенное лицо Г. Зюганова по Москве на выборах президента. Автор шести книг и около 200 публикаций в журналах «Наши современник», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Октябрь», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Завтра» и др. Секретарь Союза писателей России. Лауреат литературных премий.

Лето 1973 года

От автора: Эти стихи написаны 42 года назад. Я учился тогда в Московском университете и дружил с замечательными поэтами-сверстниками — Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским, Бахытом Кенжеевым и Алексеем Цветковым. Мы издавали неподцензурный альманах «Московское время», который в двадцати экземплярах печатала на пишущей машинке «Эрика» (помните: «Эрика» даёт четыре копии) моя жена Нина. Потом друзья разлетелись по свету. А следом ушли и стихи.

* * *

Какая связь меж флоксом, облаками —
и Суздаль сахарный сияет в синеве.
Чьи мысли в нас, что управляет нами? —
леса, века теснятся в голове.

Казалось бы — нет связи ни малейшей,
тут и не пахнет Суздадем, но вот —
восходит из-за леса край белейший,
ликует и о Суздале поёт.

И бабочек бессмысленны узоры,
но кажется — рисунок луговой
переманил на лёгкие соборы
весёлый суздальский мастеровой.

Здесь луг и лес выходят из-под спуда,
на мысль уже не давит мыслей гнёт,
смородиною пахнет это чудо,
как ветерок, влетевший в огород.

Стрекозья лёгкость прорастает сразу,
и облака сияющий обрез
задвинут на прохладную террасу,
с крыльца которой я смотрю на лес.

В природе дышит всё воспоминаньем
и узнаваньем. И опять, опять
великолепным суздальским сияньем
лесному облаку над флоксами сиять.

РОЗА ВЕТРОВ

«Роза ветров» — как в тиши
отдалённый таинственный зов...
Где бурь перекрёсток лежит,
растёт эта роза ветров.

Маршруты старинных судов,
обрывки долгот и широт —
чудесная роза ветров
над детством неярким растёт.

И если пойти на восток,
на северо-запад пойти,
увидишь её лепесток
в конце ветрового пути.

Есть магия слов. Есть слова
с крючочком, с зацепкой к душе:
прочтёшь, повторишь раза два —
и всё завертелось уже,

И в серые тучи Москвы,
«где дождик, и сырость, и мгла»,
цитатой, обрывком молвы
далёкая роза вошла.

* * *

О чём поёт несвязный хор стекла?
— я горкой выношу его из дома —
а, кажется, о том, что, если бы могла,
земля была бы так же невесома.

Она бы выбегала за порог
спелёнутого тяготеньем тела
и в чудных измереньях — четырёх —
как занавеска дачная летела.

И задыхаясь быстрой высотой,
лучащеюся радужною спазмой,
плыла бы над собою, над землёй,
прозрачной, невесомой и алмазной.

Она бы опрокидывалась вниз,
и вот уже, темнея незнакомо,
сады в ней невесомые неслись
и ели проносились невесома.

И ветер мстит за землю, за мечту,
за неподвижности гнетущую заразу.
Мотает рамы, хлещет на лету —
и сыплются осколки на террасу.

ТИШИНА

Тут с тишиною нету сладу,
тут шорохов ночных содом,
тут сад всю ночь ведёт осаду
и сдавливают тьмою дом.

Лишь только выйдешь на террасу
и упадёт подальше свет —
обступит шелест капель сразу:
весь сад дождём с ветвей одет.

Ты в скорлупе из жёлтых брёвен
прислушиваешься к ночи.
А мир огромен и бездомен
и в ставень ветками стучит.

* * *

Сад раскидывается под дождём,
капли тянут с собою листву. —
Непогоду с тобой переждём
и не сразу поедем в Москву.

Загремят осторожно ключи,
затворяясь от всех непогод,
и трепещущий отсвет свечи
вверх по брёвнам опять поползёт.

Мокрый ветер, из чащи летящий,
щёки пышат, разгорячены.
Как наполненный музыкой ящик,
дом стоит посреди тишины.

* * *

Я впущу в себя звуки дождя,
тёплого, шепелявящего по пыли...
Лето оглядывается, уходя —
были ли дни эти долгие? Были.

Были без края и без конца,
сотканы из белоснежной вискозы,
дни, славословящие Творца,
где на осоке повисли стрекозы,

где над рекою завесою ив
стлалась прохладная зелень урёмы,
где за деревней, как дальний разрыв,
грохот белоголового грома,

там, где в испарине блещущих тел,
в острых песчинках слепящего кварца,
полдень июльский грозью кипел,
с ширью земной не хотел расставаться.

Светлана Супрунова

*Глубокоуважаемая Светлана Вячеславовна!
Сердечно поздравляем с 55-летием и благодарим
за вдохновенное творчество, лучезарность, тепло души,
мощный поэтический талант, целеустремленность,
желаем оставаться такой же яркой личностью,
дорожащей справедливостью и подлинностью!*

Родилась в 1960 году. Окончила Ленинградское медицинское училище, в 1985 году уехала в Афганистан, работала медсестрой. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. Проходила воинскую службу в Таджикистане, затем работала литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ», сейчас возглавляет редакцию научного журнала в Калининградском государственном техническом университете. Печаталась во многих отечественных и зарубежных изданиях. Автор четырёх поэтических сборников. Лауреат ряда российских и международных конкурсов. Член Союза писателей России.

* * *

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,
Мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется, в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый — калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

* * *

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно — один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» — расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться? Стоит».

Так ответит — легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? — ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в доме.

* * *

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз:
«Мы на часок». Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда,
И зажелтели окошки.

Думы — что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут — дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

* * *

Пожитки в нескольких пакетах
Для холодов и для дождей,
В цветастой юбке, старых кедах
Сидит на паперти своей.

Лицо молодки, взгляд старухи —
Всего намешано в судьбу,
И на платок садятся мухи,
И серый пот течёт по лбу.

Сидит под солнцем, одинока,
Чего-то там жуёт порой.
Печали мира так далёко,
Что мир уже как неродной.

Поднимется, возьмёт пакеты,
Когда проклюнется звезда,
Пойдёт встречать свои рассветы.
Хотя бы голос: «Ты куда?»

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколение глухих деревень.

Всё едино — дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

В старом доме

Старый дом и новый дом.
В первом — тусклые окошки,
Жуткий запах, бродят кошки —
Всё не так, как во втором.

Вечно охает, скрипит
Дверь расшатанная тяжко,
На ступеньке грязной Пашка
Беломориной дымит.

Ни мыслинки дельной нет,
В голове темно с похмелья.
Комнатка его — как келья:
Стол, кровать и табурет.

Потянуло сквозняком,
А на Пашке лишь тельняшка.
В щель дверную видит Пашка
Только снег и новый дом.

Как там держится народ? —
Переброситься бы словом,
И не знают в доме новом,
Как тут Пашка, как живёт.

* * *

С годами видится простое,
И всё яснее каждый год.
Обиды, суета — пустое,
И правда в том, что снег идёт.

Всё заметёт к утру, похоже.
Фонарь под окнами горит.
Светло, и в этом правда тоже,
И в том, что город этот спит.

И знаешь, что не одинока,
Что где-то высоко луна
И чьи-то голоса далёко.
Благословенна тишина!

И вот фонарь потух. Светает.
Мы все у белого в плену.
А снег идёт, а снег не тает
И продлевает тишину.

* * *

Не хочется сегодня, как когда-то,
Беспомощно в толпу бросая взгляд,
Доказывать, что ты не виновата.
Махну рукой — пускай себе винят.

Задумаюсь, как после панихиды:
Шумим, шумим, и шума не понять.
Бледнее с каждым выдохом обиды —
Наверное, пришла пора прощать.

И замечать уже другие лица —
Неброские, без всполоха страстей,
И, подустав от шума, сторониться
Затей лукавых и пустых речей.

И принимать погоду понарошку —
Пускай дожди, и грязь, и неуют,
И, подойдя под звёздами к окошку,
Не постучать, когда тебя не ждут.

И в старых туфлях под потоком света
Ступить без замиранья на паркет,
И не гадать за дверью кабинета,
Кому ты угодила или нет.

И не дуреть от возгласов слащавых,
И всякий люд, как строгий педагог,
Не разделять на правых и неправых.
А может, правда, разберётся Бог.

Коля

Без волос, неприметный,
Разговоры тихи.
Одинокий, бездетный,
Коля пишет стихи.

Захудалая хата,
Пуст холодный подвал.
Был бухгалтер когда-то,
Всё на счётах считал.

Что-то там не сложилось,
Поиздёргался весь,
Где-то там не решилось —
То ли в небе, то ль здесь.

Но ему не обидно,
Сам себе господин.
Ноги голые видно
Из коротких штанин.

И в глазах полусонных
То ли вечность, то ль миг,
И на полках казённых
Нету Колиных книг.

Лишь тетрадка про травы
Да снега под луной.
Коля, хочется славы?
И ответит: «На кой?»

* * *

Как много красавиц игривых,
Раскрашенных, в модных пальто,
Неброских люблю, некрасивых,
Которых не любит никто.

Нисколько не мыслит заумно,
Простая, без ярких обнов,
Ступает легко и бесшумно,
Как будто из прошлых веков.

Не станет перечить кому-то,
Смолчит в разговоре лихом.
Дурнушка — таким почему-то
Ошибки прощают с трудом.

Не ждёт белокурого принца,
Живёт себе с тихой тоской,
Над мелкой ромашкой склонится —
Не тащит природу домой.

Уходит от взглядов холодных,
Как будто, не плача, не злясь,
Всю кротость у барышень модных
Она забрала, не спросясь.

* * *

Ненастье, дороги раскисли.
Уходим пустые во мгле.
Дела остаются и мысли,
С которыми шли по земле.

Уходим, никто не вернётся,
Не видим дороги впотьмах.
Как мало от нас остаётся,
Как мало мы были в гостях!

Смеялись, любили немного,
Шумели под небом всерьёз.
Мы так и не видели Бога
В стране кабинетов и слёз.

Дома и деревья застыли,
И нас омывает дождём.
Зачем мы сюда приходили?
Куда под ветрами идём?

* * *

Не дай мне, Боже, видеть трон
С усевшимся на нём нахалом,
И служек, каждый с опахалом,
И всех спешащих на поклон.

И с трона милости не дай,
Подальше бы от злого глаза,
Чтоб не коснулась, как зараза,
Рука простёртая — «Лобзай!»

Пускай бы благостные сны,
Чтоб ни злодея, ни кумира,
О, дай мне, Боже, тишины,
О, дай нам всем добра и мира!

Берега Рождества

Елена Канеева

Родившись в г. Калининграде в 1956 году, в семье майора, будучи четвёртым ребёнком в семье, рано выучилась читать. Окончив школу, поступила в институт, окончив который, стала инженером-судостроителем. По распределению пять лет работала в г. Корсакове на Сахалине, в Службе технического обслуживания флота, после чего вернулась в Калининград, уже с семьёй. В Калининграде работала на различных должностях в судоремонтных предприятиях, а также на авторемонтном заводе, в автобусном парке. После закрытия автобусного парка, выйдя на заслуженную досрочную пенсию, чем только ни занималась... Карандаш, как самый доступный для самовыражения инструмент, не выпускаю из рук с 14 лет.

Стихи, миниатюры, рисунки

* * *

Смеясь, входить в любой предмет,
Как и листву целует свет,
Как пьёт разбуженный рассвет
Язык таинственный и птичий...

Суть ощущений передать,
Чтоб изливалась благодать,
Тропой возвышенную стать
Посмел поэт косноязычий.

Когда б легко слова слагал,
То он стихи бы не писал,
Скорей — стихиями сверкал
Иль прозою до неприличий.

А так... среди небесных вод
Копытами о звёзды бьёт,
— Что спать спокойно не даёт,
А внешне — никаких отличий.

* * *

Стихи — как музыка.
А музыка — без слов.
Огромный храм,
Где всем хватает тени.
Где волен выбор
Образов и снов.
Ломает тень
Бетонные ступени.

* * *

Исписывал и рвал страницы,
Пуская по ветру. Они,
Летели, как идея птицы,
Светились, словно фонари.

Сжимал в руках. Бумажкой мятой
Отбрасывал тугой комок.
Тогда слова, как супостаты,
Врезались в человеческий мозг.

Два метра плоских изотопов,
Свернувшихся словами змей,
Кусают архидопотопно:
Скажи, хотя б как он — сумей!

* * *

Всё было просто,
Как земля.
И как вода,
Ещё — как небо.

Всё было просто,
Как война.
Вот только
Не хватало хлеба.

Снаряды сыпались
С небес,
И кровью заливало
Лес.

Путь млечный
Звёздным молоком
Лечил застывший
В горле ком...

Держа историю
В руках,
Хотела пересилить
Страх.

Но мать ученья,
Как всегда,
Ухмылкой глупою
— Беда.

И струйка пота
По спине.
Мне не хотелось
О войне.

Душа не плачет,
А молчит.
Ей стыдно
— Зверский аппетит.

* * *

Не знача ровным счётом ничего,
Печаль моя проходит стороною
Страны, и даже дома моего,
Не в поиске пропавшего покоя.

Она уж знает, что не знаю я,
Что выдержит и то, чем жизнь вершится.
Исчезнут книги, судьбы, имена,
Окованные каменной страницей.

Откликнется в пустыне не времён,
Не странствий, не пространств и истязаний,
В беспомощности, слизистым комком,
Возникшим из ничтожеств мира зданий.

* * *

Раздетое, безудержное солнце,
Без счёту льёт лучи, встречая день.
Мы тоже обнажаемся с налёту,
Отбрасывая всё, и даже тень!

Тень на песке, где много нас, мы голы,
Все поголовно снова рождены.
Все из воды. В воде. Медноголовы.
Мы в месте, где пока что нет войны.

Война во мне. В стеснениях и в мыслях,
В сравнениях. Но только не в мечтах!
Граничу с небом рваным коромыслом
Между песчинок, трав, скрывая страх.

* * *

Е.А.К.

Я подарила тебе этот мир,
Его леса и звёзды его.
Конечно, зачитанный мир.
До дыр. А более ничего.

Коровы гуляют по гулким полям,
Шум трав, лебединый плёс.
В осенних листьях и журавлях
О будущности вопрос.

Я подарила тебе этот мир
От веточек до корней.
Рисуешь узоры в нём, как живёшь,
Чем далее, тем больней.

Не ты ли придумала этот мир?
Мой маленький Ангел, мой Бог...
Качаются звёзды. Седой головой
Луны, упираясь в стог.

* * *

Божественная пустота глядится чёрным иногда.
Надоедает суета. Охота смыться.
Умыться чистой водой, дружить с древесною листвою
и птичьи песни сочинять синицам.
И разогнавшись до небес глазеть на разное,
на лес, гордыню скинуть хоть куда, чтоб легче стало.
Однако лёд, однако, сталь, круговорот не перестал
и что положено, познал, хотя устал.

* * *

Ах, как время идёт...
Как уходит
Блаженное время.
То не время уходит,
Ты, молча и жадно, идёшь.
От Руслановой голос
Звенит по промёрзшему радио,
Так, что тело бросает
В восторг и в промозглую дрожь.

Моя старость сметает
С дороги опавшие листья,
Моё детство ногами
Кленовую медь ворошит,
Моя юность парит
Над взлетевшими в высь
Письменами,
Любопытствуя, небо
Волшебною влагой дрожит.

Говори иль молчи,
Не скучай и не злись,
Если можешь,
Я грущу без тебя, опасаясь
За каждый твой шаг.
То читаю твою, как свою,
Потаенную повесть,
На клочках ржавых листьев,
Как в пепле истлевших бумаг.

Город где-то внизу,
Он возник и растаял, как горы,
Среди каменных рек,
Голосов и нечаянных рук.
Его серый бетон,
Словно дождика ритм,
Монотонен,
Где деревьев стена
В гулком шуме последних разлук.

Моя осень сметает
С дороги опавшие листья,
Старый дворник, как я.
Еле-еле метлу волочит.

Мои детство и юность
Ныряют,
А после взлетают,
Создавая пути,
По которым планета летит.

А.И.

Светит месяц, светит ясный
Прямо в горницу мою.
Месяц, погоди немного,
Тебе песенку спою.

Нам с тобою прогуляться —
Это пара пустяков,
Станут звёздочки смеяться:
Месяц вышел из оков!

Только ты не удивляйся,
И пылинки отмахни,
Когда солнечные глянца
Твои сменят галуны.

Удивительное дело,
Как же это хорошо,
Что однажды ночью белой
Месяц на небо взошёл.

Осень

Изящным слогом пишет осень
Слова в измятую тетрадь.
Навстречу осени вопросы,
Как листья поздние, летят.

И, не успев остановиться,
Гниют, притянуты к земле,
Кусочки пламенного ситца,
От революций в Октябре.

Проснётся в зыбке демонёнок,
Беззубо рассмеётся в снег,
Увидев, как стеклом играет
Мороз, как словом человек.

Ему не раз ещё придётся
Весну и лето повстречать.
А осень... и ему покажет,
Что дважды два, конечно,
— Пять.

***

Сухие листья шелестят в стеклянной вазе.
Причины нет, чтоб омертвелому — ожить.
Однако, шелестя разнообразием,
Мы умудряемся и вазу не разбить.

***

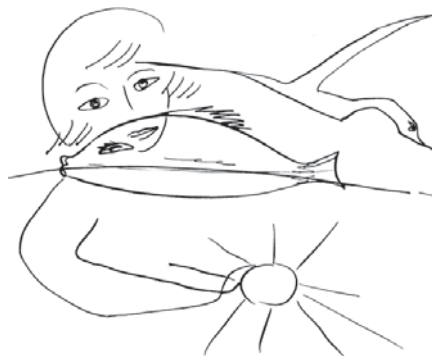
Когда б не превозмог
Молчания,
Русалки сгнули б
Со свету.
И вся фантастика
С богемами
Безумно хлопала б
Очами.

***

Какие руки этот мир лепили?
Кто этот дом заполнил допьяна
Клубами пара и клубами пыли,
И снами, нами, что душа полна!

Душа полна волшебных превращений,
Теряется от нежности испуг.
От новизны стихов, от ощущений,
От всплеска глаз, от вкуса тёплых губ.

Плыл птиц полёт, связуя сны и небо,
Плыл рыб косяк меж снами и водой,
И в этих снах я жил, как будто не был,
И солнца луч смеялся надо мной!

В Городе моём...

Поздняя осень сменилась снегом с дождём. Облака заплетаются за фонари, которые везде, особенно внутри сумеречных улиц, потому что декабрь, и темнеет уже днём...

В Городе моём, в Городе моём! В Городе моём песню ему поём, всегда, когда по улицам идём, а деревья ветками по ветру танцуют вслед и обвивают рассеянный туманный свет зажигающихся люминесцентных светляков фонарей его, и я тоже танцую в ответ, не обращая внимания на недостойные внимания обрывки газет, бутылки из-под пива и окурки, уже набросанные к этому времени в Городе.

Меня всегда удивляло, как я в нём очутилась? Вообще-то, не всё равно, в каком виде, месте или времени живёшь? Лишь бы был повод для радости — собственно, тело, любимое или хоть какое-нибудь дело, друзья да несколько глупых малышей с влюблёнными глазами новеньких — Детей...

В нём жили немцы, в Городе моём, а теперь мы живём. Ходим по каменной, кое-где сохранившейся брусчатке улиц,зираем на Королевские Ворота, Форты.

Быстро, потому что время заворчалось, заурчало и пошло чавкать устаревшими формами и формулами, выплёвывая обрывки мыслей, потуг и предложений, дорвавшихся до бесплатного ханжей и внезапно обогатившихся недорослей, усердно изобретающих способы приращения Капитала, меняются облики Города — его рекламы, привычки и даже хозяева. Иногда кажется, что Он, как змея или ящерица, сбрасывает, меняет свою кожу. Можно уехать из Города, а вернувшись через год, не узнать его.

Раньше, пока не построили Храм Христа Спасителя на площади Победы, я чувствовала Город чужим. Теперь же, когда похожие на рыцарские шлемы купола Храма заблестели — хочется сказать — сусальным золотом, привыкаю к Городу, становлюсь частицей его истории и истории Вселенной, проникающей в него сквозь ясные звёзды безоблачными ночами. Многовековые деревья и старые мостовые, изо всех сил истребляемые новенькими, как десятирублёвки, деятелями, помнят, кто ходил по этим улицам влюблённый, кто пел Городу песни, кто страдал от непонимания, неразделённых чувств. Кто замучен в гестапо, в концентрационных лагерях, на подземных заводах. Кто ликовал, задетый славой, в его Концертах и Музеях.

Такая не очень весёлая кёнигсбергская патетика звучит во мне, соскучившейся по глубинным русским просторам, по широте простой деревенской души в центре Европы, в Нью-Америке, русском Гонконге, в средневропейской калининградской глуши...

На кухонном столе ночью

— Уважаемая госпожа Лампа! — фыркнул рассерженный лук. — Нельзя ли светить поскромнее, я же прорасту!

— Нельзя ли пахнуть потише? — возразила Лампа. — Здесь каждый выполняет своё задание, и нечего сердиться.

— Кто его придумал, это задание? — проскрипел Лук.

— Ну, поскольку я кое-что освещаю, я думаю, что знаю Этого.

— Кого?

— Дявола, — простонала Лампа. — Он тёмн и могуч, и всеяден. Он пожирает даже лунные ночи! Он и тебя съест! У него мощные жвалы.

— Боюсь! — вскричал Лук, — боюсь, боюсь, боюсь!

— Ну, если ты думаешь, что страх способствует жизнедеятельности, то бойся. Я так думаю, что ты нужен Этому для еды. Я ему нужна для поглощения ночи. Но живи, пока весел и здоров. А если прорастёшь, то, может статься, твои семена взойдут! Потому что тебя посадят в землю. Не всякое неудобство нежелательно, — закончила разговор Лампа и погладила Луковку лучом.

Утюг слушал и решал шахматные задачи. Он обожал шахматы! Когда Этот сидел рядом и играл в шахматы, Утюг наблюдал с удовольствием. Он бы давно перегорел, так ему надоело гладить вещи. Да ведь хоть что-то новенькое увидишь, не то, что Карандаши в стакане.

— Нам бы какую лягушонку в коробчонке или рыбку вяленую разглядеть! Славно бы повеселились! — переговаривались они.

Надвигалась полночь...

Басни

Юрий Шевченко

Юрий Викторович Шевченко — поэт-маринист, писатель-фантаст, баснописец. Родился в Крыму, в городе Керчь. Офицер запаса, военный журналист, обозреватель редакционного отдела газеты Балтийского флота «Страж Балтики». Член Союза писателей России. Автор 15 книг поэзии и прозы.

Гончар и поэт

Перед собранием народа
Читалась пафосная ода.
К любви поэт в ней призывал,
В азарте к небу вскинув руки.
Народ в ответ страдал от скуки
И беззастенчиво зевал,
Внимая лирике топорной,
От рифм хромых, метафор спорных,
Где шатких строк корявый слог
Рвал ткань стиха за клоком клок.
Терзало слух творенье это.
Взяв под сомненье дар поэта,
Всяк шёл за рубль серебра
Купить горшок у гончара.
Хоть из обычной глины слеплен,
Но был горшок великолепен.
Они у каждого встречались на столе.
Гостям в них вина подавали,
И знатоки их называли
Сонетами в гончарном ремесле.
А мысль поэта вслух роптала:
«За что молва предпочитала
Горшок творению пера?»
Был зол поэт на гончара.
А тот в ответ смеялся с чувством
И объяснял без лишних слов:
«Любое творчество — искусство
И в то же время — ремесло.
Чтоб слог твой был искусно связан,
Ты ремеслом владеть обязан».

Две истины

Ходила истина по свету,
И кто встречал особу эту,
Тот до своих последних дней,
Шёл неотступно вслед за ней,
Её прельщенный чистотою.
Считалась истина святою,
И потому людей число
День ото дня вокруг росло.
И цель у всех была благая,
Чтоб рядом истина жила.
А между тем народу шла
Навстречу истина другая.
Святой считалась и она,
Людской толпой окружена,
Что тоже к истине тянулась.
Святые истины столкнулись,
И все вокруг лишились сна.
Одни с другими спорить стали
Какая, в частности, верна?
Потом на стенку шла стена,
Чтоб с боем выяснить детали,
Когда иссяк запас речей,
И аргументы вышли в споре.

Различие всех святых теорий
В истолкованье мелочей.

Грибница

Дана всем поровну удача от судьбы.
 Сумей-ка лишь воспользоваться этим.
 Однажды ранним утром, на рассвете,
 Отправилась девица по грибы.
 А там, в лесу, нет времени для грусти:
 Куда ни глянь, всё — рыжики да грузди.
 Была девица норовом строга.
 «А ну! — кричит. — С дороги, мелюзга!
 А то, едва лишь нацепили шляпы,
 А к девушке протягивают лапы!»
 И прочь пошла, лишь фыркнув зло.
 Ей на грибы в тот день везло:
 Встречались крупные и ростом невелички,
 И белый гриб, и рыжие лисички,
 И шампиньоны в шёлковом белье,
 Ей кланялись, как истый шевалье.
 Но всяк для ней был чем-то непригоден:
 Толст боровик и в шляпе старомоден,
 Лисичка-гриб был приторный на вкус,
 А шампиньон, так вовсе не француз.
 Пока перебирала и ершилась,
 Пора её грибная завершилась.
 И возле пня, кряхтя, как старичок,
 Торчал один лишь гриб-сморчок.
 Тут молвит он: «Приветствую, подруга!
 Бери меня, коль встретили друг друга!
 Других не будет. Экие дела!»
 Скривилась женщина, вздохнула... и взяла.
 Под вечер одиночество — не манна,
 Тут и сморчок обрадует порой.

Для женского последнего романа
 Уже не важно, кто его герой.

Муха

На томик Пушкина, распахнутый с утра,
 Испачкав лапки в капельке чернила,
 Слетела муха с кончика пера
 И по странице вдоль засемила,
 Для пущей важности жужжа на все лады.
 За ней тянулись чернильные следы,
 Меж строк стараясь втиснуться упорно,
 Где памятник себе нерукотворно
 Тому назад две сотни лет
 Воздвиг в истории поэт.
 А числиться у гения в знакомых —
 Как раз и есть инстинкт насекомых.
 Влечёт талант, как лампа среди тьмы.
 Чем ближе к свету, тем заметней мы.

Того как раз та муха и хотела,
 И, наследив, поспешно улетела,
 Жужжать большим и малым в ушки,
 Мол, в книге рядом я и Пушкин.

Чтоб по бумаге перышком водить
 Нуждаемся ль мы в творческой натуре?
 Коль не оставил след в литературе,
 Тогда в ней можно просто наследить.

Лис и бараны

Крутую тропкою над яром
 Вёл пастырь агнецев и ярк.*
 А по другой его конец —
 Пастух баранов и овец.
 Шли их стада когда-то рядом,
 Да разошлись вожатых взгляды,
 Хоть скажем так: из них любой
 Вёл ту скотину на убой.
 Шли врозь. Друг с другом не якшались,
 Пока отары не смешались,
 Как в мире люди разных стран.
 Пойми, где агнец, где баран.
 Все на одно обличье стали.
 И пастырь, и пастух устали,
 Скликаая сбившихся с пути.
 А те не знают, с кем идти.
 Пастух, на пастыря похожий,
 Да и кричит одно и то же.
 На месте топчутся стада.
 А мимо лис бежал тогда.
 Кричат бараны: «Слышь-ка, рыжий!
 За кем податься? Подскажи же!
 Самим путь выбрать мудрено».
 Лис отвечал без всякого желанья:

«Коль ты баран, не всё ль тебе равно,
 Каким путём погонят на закланье?»

Свинья и петух

Свинья в свинарнике обычном родилась.
 А где ж ещё родятся свиньи?
 Жила в грязи, с соседями дралась
 За порцию отваренной ботвиньи.
 Её судьба по молодости лет
 Была сойти на дюжину котлет.
 И та судьбы своей бы не минула,
 Когда бы не вмешательство извне.

Фортуна раз в свинарник заглянула
И просто улыбнулась той свинье.
А для Фортуны нет ни званий, ни фамилий!
Свинью тотчас отмыли, подкормили,
Провозгласив под громкое «Ура!»
«Мисс Свинство» скотного двора.
Вот так свинье теперь досталось
Всё то, о чём и не мечталось.
Уж та теперь дорвалась до добра!
И золота набрав, и серебра,
Всё на себя напялив без разбора.
От гордости захватывало дух.
Её увидев, старенький петух
Чуть не свалился в ужасе с забора,
Воскликнув по душевной простоте
От блеска драгоценного металла:
«В какой росла ж ты в жуткой нищете,
Что столь убогим разум воспитала?!»

Отцы и дети

Ах, эти дети! Нежности цветы.
Мы их растим, лелеем, но бывает,
Чем больше мы им дарим теплоты,
Тем сердце их быстрее остывает.
И мы добра всё ищем от добра!
О том, как раз, и поведём мы речи.
Сынка однажды, усадив на плечи,
Отец пошёл на рынок со двора.
Такую вот заботливость отца
Родители высмеивать не станут.
На рынке жизни глупого юнца
Злодеи и обидят, и обманут.
Ну, кто б своё дитя не пожалел?
О жалости родительской — подробней.
Прошли года, ребёнок повзрослел,
На шею перебравшись поудобней.
А там лишь знай, что папу торопи:
«Купи мне то, и это вот купи!»
Куда на рынке от соблазнов деться?
И то хочу, и это подавай!
А папочке лишь только успевай
По всякой детской прихоти вертеться.
Для сына и старался, и радел,
Хоть тот уже давно обородел,
А всё твердил заученную фразу.
Всё «папа, дай!» А «папа, на» — ни разу!
Вот этим-то, как раз, и потрясает
Родительской заботы феномен.

Хоть руку ту, что кормит, не кусают,
Но ничего и не дают взамен.

Два филантропа

От знаний умный силы ищет,
А глупый получает без труда.
Где вьётся тропка вдоль пруда
Сидел убогий хмурый нищий.
Кишела рыбою вода.
Был на базар тот пруд похожий.
Была у нищего уда,
А он всё клянчил у прохожих:
«Голодному подайте, господи!»
И вот одной из божьих троп
Шёл как-то мимо филантроп.
Увидев нищий облик жалкий,
Он обучил его рыбалке.
Ведь тот, кто знаньем обладал,
Уж никогда не голодал.
Но вскоре там же утром рано
Шёл филантроп другого плана.
Взглянув на нищенский улов,
Тот благодетель именитый
Дал рыбаку без лишних слов
Брусок взрывчатки-динамита.
И научил себе под стать,
Что делать с ним, и где достать.
Взял просто так и удружил.
С тех пор в пруду... никто не жил.
Сему есть в басне толкованье
И вразумительный ответ.

Дашь дураку образование,
Так он погубит целый свет.

Глупец и бестолковый

По морю жизни на челнах,
Пустившись в путь рисковый,
Гребли, качаясь на волнах,
Глупец и бестолковый.
И всяк, кто видел греблю их,
Тотчас в уме прикинет,
Кого там первым из двоих
Волнами опрокинет?
Один на греблю вид имел,
Да с вёслами не ладил.
Другой не знал и не умел,
И был умом внакладе.
Вот так и плыли день-деньской.
И, стало быть, не новость,
Что вскоре с глупостью людской
Столкнулась бестолковость.
Разбились в щепки их челны,
Круша борта носами.

А те, кто их спасать должны,
При этом гибли сами.

И свет увидит свой конец,
Скажу в последней строчке,
Коль бестолковый и глупец
В одной столкнется точке.

Философ и пьяница

На праздник по дороге в Парфенон
Шагал мудрец по имени Зенон.
А следом на почтенном расстояньи
Ступал за ним нетрезвый афинянин.
Философа случайно повстречав,
Он шёл за ним и блажью докучал.
Всё толковал доходчиво вполне
Об истине, что кроется в вине,
И сколь процесс её познания приятен:
«Хлебнул глоток, и мир вокруг понятен,
Да вот в речах — словесный бурелом,
И мысли языку не поддаются.
Меня послушав, жители смеются
И величают истинным ослом.
Хоть всяк вином не жажду утоляет».
Мудрец вздохнул: «Ты прав наверняка.
Кто этой истиною злоупотребляет,
Тот чаще и похож на дурака».

Мужик и грабли

Однажды по дорожке по лесной
Куда-то шёл мужик честной.
Никто ещё не видывал такого!
О пройденном вздыхая горячо,
Он шёл вперёд и как-то бестолково,
Оглядывался вспять через плечо.
А на пути, утерянные с лета,
Валялись грабли на дороге где-то.
Уж то-то он ругался и вопил,
Когда на эти грабли наступил!
Хоть по лбу и досталось рукояткой,
А шёл мужик по-прежнему, с оглядкой.
И грабли попадались под пятой
С какой-то постоянной частотой.
Мужик в ответ на лешего блажил,
Мол, грабли по дороге разложил,
Крестился и плевал через плечо.
И вдруг услышал: «Я-то тут при чём?
Хоть я и бес, скажу, как другу,
Ты, глядя вспять, идёшь по кругу,
И не понять тебе, невеже,

Что грабли тут одни и те же!»

А вот тому достойный эпилог:
История — ошибок каталог,
На лбах записанный дубовой рукояткой.
И сколь её уроков не тверди,
Когда живут на прошлое с оглядкой,
То грабли не увидеть впереди!

Ворона и лисица

Воспринимать хвалу с иронией
В миру готовы, но не все.
Ведь сыр-то Бог послал вороне,
Да вот достался он лисе.
Достался просто, без усилья,
Хвалой прельстилась простота.
Ворона зло кусала крылья
И рвала перья из хвоста,
И головой об ель, бывало,
Стучала, глядя вниз с тоской,
Где сыр лисица смаковала,
А сыр был знатный, костромской.
Теперь вороне, знай, поститься.
За всё сама себя кори:
«Какая, к чёрту, я царь-птица!
С таким-то носом, да в цари!
Ещё красавицею сделаться успела.
Какие пёрышки! Какой носок!..
Когда ворона от роду не пела,
Откуда ангельский возьмётся голосок?
Ну, как птенца, надули на мякине!»
Лиса в ответ: «Пора б и повзрослеть!»

О будущем задумывайся ныне,
Чтобы потом о прошлом не жалеть!

Дождь

От зноя чахли нивы и леса.
Подобной засухи не ведала Природа,
Взывали к Богу тысячи народа,
Чтоб дождь им ниспослала небеса.
Молились о ненастье со слезами,
Собравшись в храме миром впопыхах,
Усердствуя, и каялись в грехах,
И лбом стучали перед образами.
Но службу отстоявши на ногах,
Пошли домой, задумчивы и строги,
И видят, что навстречу по дороге
Мальчонка шёл в плаще и сапогах,
Тогда, как солнце яростно палило.

И это вот народ развеселило.
«Зачем, — кричат, — оделся мудрено»
Дождя, поди, не будет всё равно».
Глаза мальчонки удивлённо округлились,
И молвил он смущённо, погода:
«А я-то думал ждать дождя,
Когда вы так усердно помолились!»

Два льва

Ещё не выйдя из пелёнок,
В саванне потерялся львёнок.
Был непохож ещё на грозного отца,
Когда нашла его овца.
С тех пор при ней найдёныш и остался,
С ягнятами в семействе побратался,
И вместе с ними, чуть живой,
Дрожал, услышав волчий вой.
Стал жизнь он стадной меркой мерить.
И царь зверей решил проверить
Давно идущую молву,
Что юный лев жуёт траву
Среди баранов твердолобых.
Пришёл. Спросил без всякой злобы,
Схватив за гриву молодца:
— Ты кто такой?
— Овца, Овца! — заблеял тот, дрожа от страха.
Царь головой качал да ахал:
— Ты — лев, дружок! Имей в виду.
И подтолкнул его к пруду.
— А вот и мысли продолженье,
Вглядишься в своё ты отраженье,
Себя отыщешь в таковом.
Нашёлся львёнок в результате.
Чтоб льва узнать в бараньем штате
Наставник сам быть должен львом.

Теряясь в жизни, как в саванне,
К самопознанию путь мудрён.
В нас тот раскроет дарованье,
Кто сам талантом одарён!

Потерянная коза

Благое вспомнят, а дурное не забудут.
Простить — простят и выдавят слезу.
О том, как раз, и речи в басне будут.
Мужик однажды потерял козу.
Вот он бежит, зовёт её и свищет.
Но, позабыв, кого он нынче ищет,
Вопросами прохожим досаждал:
«Моей, ты, мол, пропажи не видал?»
Но отвечали те не очень-то учтиво,

Да, благо, повстречал он детектива.
А сыщик тот для поисков в ответ
Пропажи начал требовать примет.
Но наш мужик их выложил не густо.
«Даёт пропажа шерсть и молоко
И очень любит свежую капусту, —
Добавил он, вздыхая глубоко, —
А там, как сытый зверь любой,
Вот это оставляет за собой».
И указал он сыщику под ноги.
Тот глянул долу взглядом строгим,
Где подле ног, в пыли дорог
Рассыпан козий был горох.
И вмиг решил задачу сыска с блеском,
Лишь глянув на подножный материал:
«Так это же козу ты потерял!
Её я видел там, за перелеском».

А вывод приблизительно такой:
Не всё в порядке с памятью людской.
Хоть век живи достойно и культурно,
А помнят люди всё, что пахнет дурно.

Осёл и бараны

Случилось это в середине века.
Утратили бараны вожака.
Служил один им молодой да ранний,
Но строг был и умён не по-бараньи,
Учил их жить по-агнецки, видать.
И те его решили забодать.
И забодали. Глазом не моргнул.
А тут осла им случай подвернул.
Тот был безрог, а значит, безоружен.
Иной вожак баранам и не нужен.
И серый, и умом не оснащён.
Осёл был перепуган и смущён.
Но на своём бараны настояли.
Да и осла сомненья обуяли:
«Наверно, я достойней и нужней.
Баранов много. Обществу видней».
И вот осёл повёл баранье стадо.
А лис глядит, хохочет до упада.
Так при своей при глупости при всей
Осёл шагал, как сущий Моисей,
Ругал насмешника и дулся, и сердился...
«Ну и осёл! С чего б ты возгордился? —
Промолвил лис и фыркнул от души. —
Взглянуть, так сам апостол, не иначе!
Любой баран немало нагрешил,
И Бог им наказание назначил.
Так вот, осёл, скажу для простоты:
Их наказанье — это ты!»

Юбилейные даты

К 110-летию Г.Н. Троепольского

Михаил Фёдоров

Прошло 110 лет, как родился автор ставшего ныне всемирно знаменитого романа «Белый Бим Чёрное ухо» Гавриил Николаевич Троепольский. Гавриил Троепольский — один из удивительнейших русских советских писателей послевоенного поколения, плеяда которых так решительно, так яростно вошла в нашу литературу в незабываемые 60-70-е годы прошлого века, ныне несправедливо называемые «годами застоя». Ни в жизни нашей страны, ни в отечественной литературе застоя, конечно, не было. В полный голос звучала речь Валентина Распутина, Василия Белова, Юрия Бондарева, Фёдора Абрамова, многих других самобытных русских талантов. Не прошло незамеченным для общественного сознания и появление в советской литературе писателя из Воронежа Гавриила Троепольского. Однако мало кому тогда было известно, что за его плечами стояла сложная и драматичная судьба... Загадки жизни замечательного писателя взялся разгадать его земляк из Воронежа Михаил Иванович Фёдоров, который, собрав богатейший документальный материал, в 2014 году опубликовал биографический роман о Гаврииле Троепольском «Человек чернозёма». Повествование своё он начинает с рассказа о родителях писателя...

Человек чернозёма

Главы из романа

ОТЕЦ

Он выскочил на паперть кафедрального собора, счастливо разбросал по сторонам руки: из узких рукавов подрясника в небо вскинулись длинные ладони, и выдохнул:

— Рукоположили...

К нему со скамейки сорвалась молодка в белой блузке и каштановой юбке. Подбежав, хотела обнять, но только взялась за одну его кисть, которую он уже опустил, хотела прикоснуться к блестевшему на его груди кресту с распятием, но не дотронулась.

— Батюшка Николай... — произнесла восторженно.

— Матушка Елена, — улыбнулся.

Они пошли по дорожке.

— Ну, как там было? — теребила его за плечо. — Как?

— Перед литургией владыка вывел. А людей в храме, — говорил, сбавляя шаг, — тьма. Показывает на меня и спрашивает: «Аксиос?»

— Достоин? — на секунду задержалась молодка.

— Все: «Аксиос!», «Аксиос!», «Аксиос!»

Девушка сжала ручки в кулак:

— А я боялась — «Анаксиос».

— И я уже не мирянин, а дьякон, — шёл, останавливался и снова шёл. — А во время литургии крест протянул и: «Аксиос?»

Спутница вновь замерла.

— Все: «Аксиос!», «Аксиос!» И вот я — священник! — посмотрел на крест на груди. — А ты — матушка!

Она захлопала в ладоши.

Вдруг кто-то сзади как закричал:

— «Аняксияс!» «Аняксияс!» «Аняксияс!»

«Не достоин».

Отец Николай вздрогнул:

— Вот шельма!

Их вприпрыжку обогнал патлатый юноша в длинном платье.

— Это ты, Левантовский? — узнал подростка. — Ну, как дела?

Тот, не отвечая, замахал руками и запрыгал дальше по дорожке:

— «Аняксияс!» «Аняксияс!» «Аняксияс!»

— Был моим учеником, — сокрушённо произнёс батюшка.

— В духовном училище?

— Да... Я им про святость икон, а он по сидушке стучит: «Вот моя икона...»

— О, Боже!

— Теперь учится в семинарии...

— Какой безбожник! Хорошо, что ты ушёл из училища...

— Да, теперь у нас с тобой свой приход, а учительство — приходскую школу откроем...

— Да, чтоб таких... — глянула вслед семинаристу, — было поменьше...

Молодые шли по дорожкам, которые вились вдоль громоздкого короба собора к реке Цне. Встречавшиеся парочки и одиночки сторонились, уступали дорогу, а кто-то склонялся, складывал ладошки и просил:

— Благословите, батюшка...

Отец Николай крестил, тот целовал ему руку, от чего новоиспечённый батюшка по-юношески краснел.

Серебром отливала лужайка, срывались с одной пятнистой кроны и проносились на другую воробьиные стаи, с зеркала Цны тянул ветерок, а с главок собора в сочной синеве неба, словно озирались кресты.

Молодые находились в приподнятом настроении.

Они гуляли по парку, пока не присели на скамью.

— А поедем мы с тобой знаешь куда? — посмотрел в пойменную даль Цны отец Николай.

— Как поедем? — удивилась матушка. — С твоим опытом, твоими знаниями, и ещё куда-то ехать...

— А я что, племянник владыки? Я сын дьякона. И дочери дьякона...

Придавил пальцем вздёрнутый носик жены.

Та смутилась.

— Надо туда, где жизнь берёт начало. В глубинку. Мы поедем с тобой в Борисоглебский уезд...

— А где это? — побледнела матушка.

— Вот приедем и узнаешь. Есть село Новоспасовка. Владыка тамошнего священника убрал...

— Но-во-спа-сов-ка... — проговорила по слогам.

— Ты зачем под венец шла? Быть частью мужа, а муж — частью тебя...

Девушка, не в силах возразить, прильнула к плечу отца Николая.

— Успокойся... И чего нам здесь по углам скитаться? — погладил по русой голове спутницу. — Там будет свой дом. Своя земля. Всё что Бог ни делает, всё к лучшему...

Матушка Елена сжалась.

— Ты знаешь, я не хочу здесь бегать перед архиереем, — сказал проникновенно. — Я не хочу оглядываться по сторонам. Хочу настоящей жизни. А здесь её загораживают...

Елена прижималась к мужу, плечи её вздрагивали.

Деревья окутало прохладой с камышей. Кресты на башенках собора золотились и, казалось, поднялись, как на цыпочках, стараясь не упустить последний уходящий за горизонт свет. Молодые молчали. Они были счастливы, но вместе с тем огорчены. Счастливы, что вместе, что теперь у них

свой приход, а огорчало то, что кое-кого после рукоположения оставляли при кафедральном соборе, а кому-то выпадал удел священника в селе.

* * *

У длинного перрона вокзала пыхтел паровоз, зазывая пассажиров в вагоны. Отец Николай брал у сестёр и брата Елены сумки с вещами и заносил в вагон, затащил чемодан с незатейливым багажом и книжками.

Позвал:

— Елена Гавриловна... Матушка...

Елена обнялась с родными, и, поднимая полы длинной юбки, поднялась по ступеням в вагон.

Паровоз пронзил округу гудком.

Состав пополз вдоль фасада вокзала с вывеской «ТАМБОВЪ», мимо стоек с ребристым навесом, за которыми виднелись купеческие дома, а дальше, словно омытые, сверкали купола собора.

Отец Николай стоял у окна рядом с Еленой и умилялся, наблюдая, как она порывисто машет близким. Никто не знал, куда она едет, как сложится её с мужем судьба, где окажутся сёстры и брат матушки, но все были возбуждены, и улыбки не сходили с лиц.

Увидев, как матушка протёрла глаза платком, отец Николай обнял её. К горлу подступил комок. Ведь мог пойти к владыке и попросить место преподавателя семинарии. Три года преподавал в духовном училище, этого было достаточно. Мог попросить место священника в любом приходе Тамбова.

Но его словно гнало из города.

Почему? Это оставалось загадкой для самого отца Николая, в миру — Николая Семёновича Троепольского, но его влекло подальше от епархии, в глубинку.

А губы шептали:

— Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный...

Матушка тихо-тихо подхватила:

— Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые...
Короче, славный городок...¹

То улыбалась мужу, то виновато смотрела на него.

Когда пересаживались в Козлове, ныне Мичуринске, у отца Николая возникла мысль: «А не поехать ли на север? До Ряжска, а там повернуть в Сасово. В верховья Цны, где живёт мой отец — дьякон Семён Троепольский. Моя мать». Начинать службу среди родных легче, есть на кого опереться. Но он отмахнулся от этой думки.

Молодая семья пересела в поезд на Грязи.

Из Грязей тоже можно поехать, скажем, в Воронеж, и поискать счастья у тамошнего владыки, глядишь, для отца Николая нашёлся бы более приличный приход, но и тут они пересели на поезд в Борисоглебск, куда батюшка получил назначение.

— От Борисоглебска до Новоспасовки шестьдесят вёрст, — достал карту, высматривая населённые пункты, отец Николай. — А если сойти раньше на станции Терновка — тридцать. А если ещё раньше — на станции Бурнак² — ещё меньше.

— Откуда ты знаешь? — спросила матушка.

— А масштаб у карты какой?

Батюшка оторвался от линий, графических значков и названий, смотрел в окно на перетекавшие одно в другое черничные поля, которые кроили овраги; щуплые хатки, что щенятами сбегались к своим матерям — церковкам; речушки, вившиеся среди разукрашенных по осени роц: и всё это нет-нет и скрывало густым дымом, который разлетался над трубой паровоза, напоминая о вечном соседстве света и тьмы.

¹ Отрывки из поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша».

² Бурнак — железнодорожная станция, в 1905 году переименована в Жердевку.

Молодые сошли на станции Бурнак, долго искали коляску, пока не уговорили веснушчатого мужика отвезти их. И вот коляска под удары плети по крупу кобылы затряслась по колдобинам дорожки, обгоняя телеги с сеном, встречая пастухов со стадами овец, странников с котомками, которые при виде пассажира в рясе и с крестом на груди останавливались, крестились, а то и склоняли головы.

«Какой богомольный здесь народ! Не то, что в городе», — радовался отец Николай.

От дороги отходили просёлки — возница указывал плетью и говорил:

— Вон туда — Сукмановка... А за ней речка Савала...

«Сова ла-ла...», — играл словами батюшка.

— Туда — Питим... На Большой Елани, — извозчик тянул плеть в другую сторону. — А за Питимом — Пичаево... Липовка... А вон за горизонтом — Чакировка...

«Пить... Лань... Пить чай... Липовый цвет...»

— Есть и Русаново...

«Русая...» — глянул на косу матушки под косынкой.

Ему было запредельно хорошо.

Из-за ложбины показалось село с облепившими низину речки домиками, всё больше в один этаж, с соломенными крышами, со стелющимися по склонам фруктовыми садами и пасущимися на лугах козами и коровами.

— Козловка, — бросил возница.

«Козочки... Козлики...»

Коляска полезла на бугор и, чуть не свалив чемодан, который успел ухватить батюшка, выбралась на вершину, и снова закрипела колёсами по степи.

— А церкви пусть не кирпичные, но железом крытые, — подмечал отец Николай. — На долгие лета построены...

Матушка поправляла накидку, и то улыбалась, то хмурилась.

— Не всем же в губернских городах жить! — как будто бы сам себя уговаривал батюшка.

— Ну, что, малость передохнём? — спросил извозчик.

— А сколько ещё? — поинтересовался отец Николай.

— Напрямки — вёрст пять...

— Да поехали...

Отцу Николаю скорее хотелось увидеть то место, куда он был послан.

— Будь дождь, увязли бы, — говорил мужик, сбавляя ход лошади на рытвинах. — Тут если развезёт, так утопнешь...

— Чернозём...

Отец Николай смотрел на ссохшиеся комья, вывороченные с дороги в непогоду, и думал:

«А в Сасово и в Тамбове грунт рыжий. Там глина».

Поля шли перекатами, выступая залысынами бугров, зарастая в низинах камышом.

«Где-то речка», — решил отец Николай, увидев, как на солнце сверкнул плёс.

— Там рыбалят?

— Ещё как! Сомов — во каких вытаскивают! — развёл руки на метр извозчик. — Это речка Еланка... Что и в Козловке...

Впереди открылась широкая длинная пойма, за ней пологий подъём, на котором виднелись горошинами разбросанные в садах саманки, а на самой макушке подъёма заиграла медным куполом церквушка со стройной колоколенкой.

«Это тебе не кафедральный собор, — отец Николай вспомнил храм в Тамбове, — но и Тамбов — не Новоспасовка... Там такого раздолья не бывает».

Матушка, глядя на церквушку, прикусила кулачок.

...Отец Николай боялся, что церквушка с деревянным домиком произведут на матушку удручающее впечатление, но она взбодрилась.

Пусть и не в хоробах потечёт их жизнь, — решила она. — Но в своём уголке, в семейном кругу, со своим простым, мало отличающимся от крестьянского, достатком. Среди пьянящих просторов. А вздумается отдохнуть — в Тамбове это редко удавалось — рядом с храмом стояла церковно-приходская школа, в которой нашлась фисгармония.

— Ты помнишь, как мы познакомились? — Елена пробежала пальцами по клавиатуре.

— Пели в церковном хоре, — батюшка подхватил её, закружил. — Вот хор и организуем! — отпустил.

Матушка ударила по клавишам, и дощатые стены комнаты словно раздвинули звуки «Лунной сонаты».

* * *

Уже на первой службе отец Николай обратился к двум бабушкам и трём крестьянкам, пришедшим в храм:

— Вы уж извините, я испытываю волнение. Мне предстоит продолжать дело, а я даже не знаю, сколько здесь молятся Богу...

— Моя прабабка сюда ходила, — сказала одна из бабуль.

— Я рад, что мы встретились. Что вы пришли. Я думаю, у нас возникнут духовные связи. Я бы хотел, чтобы вы несли сюда свои радости, свои горести...

— Да скорби, — сокрушённо выдохнули бабули.

На следующую службу народу удвоилось, а через неделю-другую церквушка заполнялась по самые порожки. Батюшка видел, как истосковались люди по пастырскому слову. Прежний священник страдал присущим многим сельским священникам пороком: мог напиться и не прийти на службу, или прийти — и в храме упасть.

Теперь перед сельчанами предстал молодой батюшка, нацеленный на проповедь христианской жизни, веры в Бога, сам собой являя тому пример.

Отношения с прихожанами складывались наилучшим образом. Этому способствовала Елена Гавриловна, которая помогала мужу во всех делах, стала матушкой всем, кто шёл за отеческим словом, и уже мало кто обращал внимание на их молодой возраст, а детишки, которым батюшка на праздники позволял залезать на колокольню и бить в колокол, становились чуть ли не самыми верными его друзьями. Они таскали поленья на растопку, воду в чаны, в церковно-приходскую школу; ловили раков в Елани на трапезу; собирали землянику в лесу; вместе с батюшкой обрабатывали приходскую землю.

Бывало, батюшка выйдет в поле, подоткнёт рясу:

— Белка! — крикнет на пегую лошадку. — А ну, пшла!

Мальчишки вокруг плуга роем кружат, лошадку хлыстиками подгоняют. Она отмахивается хвостом, нос раздувается, плуг отваливает пласты земли.

Вскоре появился хор. Дети станут рядом, матушка Елена сядет за фисгармонию, одной рукой наигрывает мелодию, а другой дирижирует:

— Вянет, вянет лето красно;

Улетают ясны дни;

Стелется туман ненастный

— Ночи в дремлющей тени;

Опустели злачны нивы...¹ —

подхватывают школяры.

На службу в Новоспасовку потянулись жители из соседней Хомутовки, где тоже были батюшка и приход, но не было сердечной обстановки, какая поселилась в приходском храме отца Николая.

Зачастила дородная барышня из Хомутовки Романова, которую за вздорный характер прозвали Веркой. Но не такой уж вздорной она оказалась в общении с приглянувшейся ей матушкой. Весть о благочестивом священнике и доброй матушке Елене разлетелась по округе.

Не прошло и полгода, как в семье священника отмечали прибавление. 7 апреля (по старому стилю 24 марта) 1904 года на свет появился первенец — слабенькая девочка, которую назвали Зоей, потому что это имя означало: «жизнь». Родители боялись за малышку. Худенькая, слабенькая, однако голос младенца не могла заглушить и фисгармония.

Жизнь отца Николая всё больше набирала содержания. Всё больше он понимал, что не ошибся

¹ «Наташа», стихотворение Александра Пушкина.

в выборе пути. От постоянного общения с простыми людьми возникало понимание пастырского предназначения. И это радовало, придавало сил. Редкими наездами оказываясь в епархии, молодой батюшка мог убедиться, сколько сил мог потратить впустую, останься он в Тамбове.

Но огорчали сообщения в газетах о волнениях. Странники приносили вести. Присылали письма родственники матушки, из которых батюшка с матушкой узнавали о выходках студентов. От переживаний у Елены Гавриловны пропадало молоко, но после усиленных молитв батюшки оно появлялось. И тогда матушка с «лялькой» на руках прижималась к мужу, всем своим видом показывая, как верно они поступили, что уехали в глубинку подальше от бушующих в городе страстей.

...После рождения девочки вскоре появились признаки, что у неё скоро появится братик или сестрёнка. Когда матушка была на шестом месяце, к ним в гости заехал сокурсник мужа по учёбе в семинарии: круглолицый, румяный, дышащий здоровьем отец Михаил.

— Батюшка из Липовки, — обрадовалась матушка Елена.

Приходы в Липовке и Новоспасовке входили в один благочинный округ и священники часто встречались.

Гость заметил изменения во внешности Елены Гавриловны, осторожно поцеловал её в щёку, подал узелочек:

— Это гостинцы...

И спросил:

— А где Николай?

— Он служит. А мы с Зоенькой...

Отец Михаил отдернул занавеску, разделявшую комнату надвое, и посмотрел в люльку:

— Матушкой, небось, будет, — перекрестил девочку, а потом повернулся: — Люблю, когда дети на Божий свет являются... Я к батюшке... Мне надо с ним переговорить...

Задёрнул шторы.

Вышел в сени, прошёл мимо кустов сирени на дорогу, делившую село пополам, миновал церковно-приходскую школу и поднялся на ступени церкви.

Перекрестился и потянул ручку обитой железом двери.

На него пахло запахом ладана.

В тусклой глубине храма трещали свечи. Ближе к алтарю склонилась фигура отца Николая, который что-то говорил прихожанке в платочке.

«Вдумчивый. Не то, что наши попики: вякнул, и — пошла вон», — поймал себя на мысли отец Михаил.

Стоял, ожидая.

Вот прихожанка тихонько направилась к иконе в объёмной ризе, а отец Николай, заметив гостя в проходе, шагнул навстречу.

— Миша! Жалко ты на службу припоздал. Как пели! Какие всё-таки голоса! — трижды поцеловал гостя.

— Поздравляю... Скоро снова прибавление?..

— Даст Бог! — отец Николай перекрестился. — Ну, как там в Липовке?

— Служим... Ты бы заезжал...

— Места отменные, — вспомнил дорогу из Бурнака в Новоспасовку.

— А как липа зацветёт, не надышишься, — сказал гость и потянул на улицу.

На ступеньках огорошил:

— Коля, я вот к тебе с чем. В нашей семинарии бунт (это был март 1905).

— Какой бунт?!

— Семинаристы очумели. Вывалили в коридоры, — волнуясь, рассказывал отец Михаил. — Лампы загасили. И — давай бить стёкла, срывать двери...

— Ты что говоришь?

— Да! Кидают камни. Сквернословие. Свист. Кричат: «Бей!» «Долой!»...

— О, Боже!..

— «Свободы!», «Реформ!»

— Какой свободы? Каких реформ?

— «Марсельезу» поют! — продолжал гость.

— Понятно, революционеры, — помрачнел отец Николай. — А из-за чего?
 — Ума не приложу... Но ты же знаешь, в семинарии тоже много лишнего...
 — Конечно, глупые запреты, — прорвалось из отца Николая. — Нельзя в театр. Нельзя в библиотеку. Сиди, как в затворе. Разве можно так?..

— Нельзя...

Отец Николай не мог и предположить, что погромы возможны в богоугодном заведении. Это звучало вопреки всякому пониманию предназначения семинарии.

— А помнишь, как мы?

Одна отрада и утеха,
 Могуч оплот от мрачных дум, —

вдруг басом запел Михаил.

— Способна вызвать чувство смеха
 Заставить смело мыслить ум...,

— подхватил отец Николай более тонким голосом и с горечью произнёс:

— Напиться...

Вспомнил выпивох, а потом спросил:

— И что?

— Отчислили зачинщиков...

— А правильно ли поступили? — задумался отец Николай.

— Не знаю, не знаю...

— Разве это будущие пастыри? Какой позор для семинарии! — сокрушался отец Николай.

— Так я к тебе что? Ко мне приезжали. Создают «Союз русского народа», — сказал отец Михаил.

— Какой ещё «Союз»?

— В защиту царствующего дома...

— Царствующий дом уже в таком грехе погряз... — снова сокрушался отец Николай.

— Погряз-то погряз. А я хотел спросить тебя...

— Насчёт чего?..

— Вступить в «Союз» будешь?..

Отец Николай задумался ещё глубже.

— Вот тебе приглашение на собрание...

Отец Николай взял листок. Прочитал:

«...собрание «Союза русского народа» состоится 6 ноября 1905 года в здании Серафимовского духовного училища...»

Спросил:

— В моём училище?

— Да, ты там преподавал...

— Но мы всегда сторонились всяких союзов. У нас цель-то — спасение души. Но что мне тебе об этом говорить...

— Хочешь в деревеньке отсидеться?! — вдруг зло спросил гость.

— Послушай, Орфеев! — вырвалось у отца Николая.

— Я и без тебя знаю, что я Орфеев...

Отцу Николаю вдруг стало стыдно.

— Как же теперь? — допытывался гость. — Владыка с нами. А ты? Надо объединяться. Против бунтовщиков...

Отец Николай не хотел отсидеться, но и не хотел ещё большего разжигания страстей. Не хотел их и в Новоспасовке. где складывалась полноценная, отдалённая от напастей, жизнь. Лучше со своими прихожанами, со своей семьёй держаться подальше от всего этого. Но и поступить так оказалось нелегко.

Его семинарию сокрушали беспорядки, а в его училище собирались противники бунтарей.

Он постоял, постоял, помолился, а потом сказал:

— Но только я поехать не смогу. Матушка на сносях. Ты уж и от нас выступи...

— Добре, добре...

Они прошли в храм. Отслужили молебен за здоровье семьи Самодержца. Прощаясь с отцом Михаилом, батюшка Николай вспомнил семинариста, который кричал «Анаксисос», и спросил:
— А ты не скажешь, был ли там... Как его фамилия... Левантовский?
Отец Михаил пожал плечами.

* * *

Волна неприятных известий нарастала. Отец Николай старался держаться в курсе событий, читал газеты.

— Что происходит! Сожгли усадьбу помещика, — развернул газету «Русское слово». — В отместку казаки выпороли крестьян. И это в селе Павлодар...

Оторвался от дивана и с газетой прошёл к столу, нашёл географическую карту, развернул и искал, водя пальцем:

— Совсем близко! По дороге из Бурнака к Тамбову...

Дальше листал газету:

— Поймали агитатора и забили. В селе Русаново, — тут же на карте нашёл кружок между Новоспасовкой и Терновкой¹. — Это ж прямо под носом! Во, ещё... Крестьяне отбили арестованного учителя...

Мало кого не беспокоила покотившаяся волна насилия. Поджоги усадеб, казачьи порки крестьян, но под шумок распоясались и мужики. Самые низменные инстинкты полезли наружу. Это очень огорчало молодого священника. Он видел в разгуле страшный грех, призывал к противостоянию ему. Новоспасовке повезло: её волнения миновали.

У крестьян имелись надель, а барской земли, из-за которой обычно возникал сыр-бор, не было. Батюшке разве что выпадало увещевать буйных и пьяных мужиков, ездивших на подводах и кричавших:

— А почему б и нам не пограбить?!

Ему не пришлось прятать помещиков, хотя погромы в Хомутовке пережидала у них Верка, не пришлось уговаривать казаков оставить взбунтовавшихся крестьян. Казаки если и заскакивали в село, так только мимоездом. Заедут, покрестятся на колокольню, перекинутся словцом с батюшкой, и рысью дальше.

В эту пору случилось в семье отца Николая очередное радостное событие. 16 ноября 1905 года в церковь влетела девочка из хора и потянула батюшку за рясу:

— Отец Николай... Отец Николай... У вас...

— Уже? — всплеснул руками батюшка и выскочил на улицу.

Из трубы дома за приходской церковью в звенящую от мороза синеву летел дым.

— Мальчик, мальчик у вас... — бежала рядом девочка.

Отец Николай заскочил в сени, но дальше его не пустили бабули.

А даже вытолкнули:

— Не мешайся, батюшка!

Когда он взял на руки красноватый комок со сморщенным личиком в лунке одеяла, почувствовал то, что не испытал при рождении дочери. Теперь он держал сына. Сына сельского священника. Наследника. Продолжателя рода и дела Троепольских.

Невольно отмерил рост: сантиметров пятьдесят. Невольно взвесил: килограмма три...

«Мне до конца дней принимать младенцев! — счастливо несло в голове батюшки. — Крестить, венчать, вести по жизни... А на излёте земного пути отпевать».

Если Зою из-за слабости крестили на вторую неделю: не дай Бог отойдёт в мир иной некрещёной, то крепыша мальчика — на сороковой день.

— Крещается раб Божий Гавриил, — звучал голос отца Николая, который словно приподнимал купол и разлетался по земле. — Во имя Отца, аминь, Сына, аминь, Святаго Духа, аминь...

Малыш замирал в купели, не представляя, что ждёт его в жизни. Плакала матушка Елена. Пел хор девушек...

---

¹ Терновка — было селом Борисоглебского уезда.

СЫН

24 июня 1986 года в Москве в Большом Кремлёвском дворце начал работу VIII Съезд писателей СССР. Троепольский сидел в президиуме и со своего пятого ряда видел множество творцов пера, делегированных на собрание. Где-то сидела делегация из Воронежа. Гавриил Николаевич внимательно слушал тех, кто выходил за трибуну и думал, что бы на съезде сказал Александр Трифонович Твардовский. И ловил себя на мысли: «Вот Марков¹... вспомнил Александра Твардовского... Его традиции... Они не отошли в прошлое...». Вздыхнул.

«Мне уж восемьдесят, а Твардовскому было бы семьдесят шесть. Не дотянул мой друг и учитель». Выступления звучали одно за другим, и Троепольский невольно заметил, как стали замалчивать имя Александра Трифоновича.

Но вот зал оживился, Сергей Михалков² вспомнил журнал «Наш современник» и опубликованный в нём рассказ «Ловля пескарей в Грузии» Астафьева, а Ираклий Абашидзе³ пустил слезу, что такие рассказы не укрепляют дружбу братских народов. Троепольский состоял в редколлегии журнала и читал недавний, мартовский номер с рассказом. Он вовсе не удивил Гавриила Николаевича, написанный едко, говорил о болях, нищете и заброшенности не только русской деревни, в особенности северной — рассказ начинался на вологодчине, — но и о грузинских делах.

Приехавший к писателю в глубинку грузин-бородач, в красках рассказывал о том, как его тошнит от горских тостов, неспроста он поссорился с коллегами-филологами Тбилисского университета, у их кацо одно желание «урвать... побольше денег у русских», его родная Кахетия вырождается от пьянства, безделья, невиданного чванства. Всё это было знакомо Гавриилу Николаевичу, ибо в Тбилиси жили его дальние родственники, и ему оказалась созвучной боль филолога, который к тому же восклицал: «Бедная, бедная Россия... Бедный, бедный народ». Но удивился нападкам на автора рассказа.

Все смотрели на Виктора Астафьева⁴. Он сидел в президиуме на месте, где обычно сидел Сталин. И это сгустило атмосферу.

Кто-то из грузинской делегации выступил:

— Мы требуем, чтобы Астафьев сейчас вышел на трибуну и извинился перед грузинским народом...

Из зала полетело:

— Требуем извинения Астафьева...

— Требуем...

Взгляд Троепольского мучительно искал главного редактора журнала «Наш современник» Сергея Викулова и не находил. Он видел, что обстановка накалялась, Астафьев не выходил, Гавриилу было понятно: «А почему извиняться?.. В рассказе правда...» Но его волновало другое: не хватало ещё ссоры между грузинскими и русскими писателями.

Он поражался Михалкову, который «чиркнул спичкой». Так и хотелось спросить: «Сергей Владимирович! А что, разве не нищает наша глубинка? А в Кахетии?» И так и рвалось: «Эх, дядя Стёпа!»

Раздалось:

— Не извинится Астафьев, тогда мы покидаем зал.

Поднялись человек двадцать-тридцать и гурьбой направились к выходу.

Возникло некоторое замешательство.

Но съезд продолжил работу. Гавриилу Николаевичу было не по себе. В перерыве он видел Виктора Астафьева. Он стоял в кругу коллег и что-то напряжённо доказывал. Гавриил хотел с ним обсудить неприятную ситуацию, подошёл, но его оттеснили армянские писатели, которые стали

¹ Марков Георгий Makeевич (1911—1991) — писатель, с 1977 года первый секретарь правления Союза писателей СССР.

² Михалков Сергей Владимирович (1913—2009) — поэт и писатель, председатель правления СП РСФСР с 1970 года.

³ Абашидзе Ираклий Виссарионович (1909—1992) — грузинский поэт. С 1953-го по 1967 годы был председателем Союза писателей Грузии. В 1960 году стал также вице-президентом Академии наук Грузинской ССР.

⁴ Астафьев Виктор Петрович (1924—2001) — русский писатель.

просить разрешения у Виктора Петровича напечатать рассказ «Ловля пескаррей в Грузии» у себя в альманахе.

«О, боже!» — только посторонился Гавриил Троепольский.

Видел, как главный редактор «Нашего современника» подбежал к Астафьеву:

— Что делать? Вот «Коллективное письмо грузинских писателей»...

— Да печатай ты эту стряпню... — ответил Астафьев.

Конфликт разгорался...

Троепольский ночью не спал. Ворочался, вставал, садился за столик и включал лампу, хотел написать письмо в Президиум, чтобы его огласили. Но потом решил, что лучше скажет сам, когда дадут слово. Доверять такое дело литературным чиновникам было опасно. И думал о грузинах — не тех, что отъели животы, а о тех, кто пасёт скот в горах, кто возделывает землю. Кому затеянная возня, как когда-то в пятидесятые ловля «обезьянок» (Тогда за рассказ «Приключения обезьянки», опубликованный в 12-м номере журнала «Мурзилка» в 1945 году, пострадал Михаил Зощенко) — вовсе ни к чему: игра в гордость, когда лучше думать о том, как исправить положение. Но сказать это — значило повторить рассказ Астафьева... Ещё больше осложнить ситуацию. Тому было множество примеров в жизни.

Что бы сказал Твардовский? Что скажет Троепольский? Хотелось поступить, как поступил бы с сыном, с другом, с обиженным — поговорить по душам.

...Шёл второй день съезда. Снова затронули рассказ.

Савва Дангулов¹:

— Не могу отказать в справедливости тем, кто предъявил претензии ... в связи с публикацией известного...

В Гаврииле отозвалось: «И ты попёр? Эх, дипломат²...»

— Убеждён, что журнал оказал плохую услугу. Это тем более обидно, что Астафьев... внимателен к мнению редакции, — продолжал Савва Артемьевич.

«Что ты несёшь, дипломатишко? Ты бы хоть на Вологодчину съездил. Посмотрел. А Сергей Викулов, он родом оттуда. И знает лучше тебя. Ноешь, что зажимают братские литературы, а сам сидишь в Москве».

В пику Дангулову выступил Крупин³:

— Я русский писатель и вижу, что русская словесность находится в наиболее тяжёлом положении в сравнении с национальными литературами...

Ему хлопали, а кто-то шумел. Уже трудно было определить, какая часть зала за кого. Исчез из вида Троепольского воронежский председатель Новичихин.

«Видно, фотографируется», — подумал Гавриил Николаевич, еле удерживая себя в кресле.

Так и подмывало уйти, как ушёл бы с собрания в Воронеже, но покинуть съезд, где на волоске повисла судьба писательского союза, не мог.

Кто-то говорил⁴:

— У нас единственный российский журнал «Наш современник». Почему повсюду — от того же Михалкова — идёт постоянная критика в адрес этого журнала?..

Зазвучал грузинский голос⁵:

— Я прачёл рассказ... «Ловля пяскаррей...». — Раздражает неправильное русское произношение...

Всё это собиралось, копилось в душе Гавриила Николаевича. После нескольких бессонных ночей, когда пошёл четвёртый день Съезда, он не выдержал и направился к трибуне:

— Дорогие товарищи! — посмотрел в огромный, где полусонный, где сверкающий глазами, где стучащий кулаками, зал.

По рядам пролетело:

— Автор «Бима»...

¹ Дангулов Савва Артемьевич (1912—1989) — советский писатель.

² В 1966 г. вышел роман С.А. Дангулова «Дипломаты».

³ Крупин Владимир Николаевич (1941 г.р.) — русский писатель.

⁴ Сбитнев Юрий Николаевич (1931 г.р.) — русский писатель.

⁵ Инанишвили Реваз Константинович (1926 г.р.) — грузинский писатель.

— Будет говорить...

— У меня нет написанной речи, — произнёс размеренно, еле сдерживая волнение, — поэтому постараюсь быть более кратким... Хожу по залам Кремля, сижу в президиуме, и кажется, что всё время либо за спиной, либо рядом — Александр Трифонович Твардовский...

Многие шумевшие от упоминания когда-то опального поэта замерли.

— Кажется, он присутствует рядом со своей... Присутствует жадной жертвенности... Жертвенности, как литератора... Как литературы... Печально, многие забыли его, а жаль... — сказал, вскинул голову. — Есть большая советская многонациональная литература... И есть серая... С первой всё ясно... А с серой... Почему она живёт? Вот почему. Ведь серый, говоря о серости, никогда не назовёт серого серым. Как говорится: Серый Серого зовёт...

В зале засмеялись, кто переглядывался, кто тыкал в сторону коллег. Мялся у колонны Новичихин.

— Есть у нас настоящая критика... Но есть серая, — продолжал Гавриил Николаевич. — Где её истоки? Ответ в афоризме: на комара с дубиной, на волка с иголкой, на льва с гребешком.

Смех усилился.

— По дороге идёт настоящая литература и настоящая критика, а по обочине (несколько шире самой дороги) шествует серая литература и серая критика...

Гавриил увидел, что взял зал в руки и расшевелил даже тех, кто склонил голову на спинку кресла.

— Ну, а теперь... Дорогие товарищи из Грузии! — обратился, можно сказать, к тем немногим грузинам, кто после демарша делегации остался в зале. — Дружба русского и грузинского народов определена длительной историей. Скреплена кровью наших народов в защите Родины.

В зале послышались одобрительные возгласы. Многие поняли, о чём стоит говорить, а не точить друг на друга ножи.

— Лично я имею почти родственное отношение, моя тётя по матери жила в Тбилиси... Любовь и уважение к грузинскому народу у меня с детства...

Он остановился, что-то проглотил в горле, многие подумали: «Бим от волнения потерял голос».

Но Троепольский переборол что-то внутри:

— Я прошу вас, дорогие товарищи из Грузии, пусть не останется у вас отпечаток от того неприятного случая, о котором здесь говорили...

Зал слушал в гробовой тишине.

— Да, талантливый человек Астафьев... И если он и сделал ошибку, — остановился, помолчал, — пусть это будет его личным делом... И если хотите, от имени редколлегии журнала «Наш современник» приношу вам извинения.

Зал залился аплодисментами.

Но кто-то и пристыженно молчал.

Троепольский прошёл к креслу. Сел. Ему казалось, силы должны были покинуть его, а он выстоял, сказал своё, выстраданное, напутственное.

...Его поняли, сына священника. Он поступил не принципиально, как член партии, а как христианин. Ему нужен был мир. Не стал наносить контрудары, не стал тянуть одеяло литературы только на русскую, а обошёл это стороной, поступил иначе.

Быть может, кто-то выругался, но всем стала понятна жертвенность «деда». Он, может, отталкивая от себя часть русских писателей, переводил удар на себя, снимал неприязнь грузин. Он становился между молотом и наковальней, теперь недовольным было кого шпынять.

Между молотом и наковальней оставался Виктор Астафьев, но часть удара ушла, её взял на себя Гавриил, и ему легче было уезжать в свою деревеньку в тайге, Овсянку.

Теперь между молотом и наковальней был Сергей Викулов с «Нашим современником», как между ними оказался Твардовский с журналом после публикаций Солженицына. Если дни Твардовского после разгрома журнала были сочтены, то Викулов ещё продержался несколько лет, опубликовал письмо грузинской делегации в сокращённом виде, но прямого недовольства Гавриилу Николаевичу, взявшему инициативу спасения Союза, журнала и редакции на себя, не высказал, хотя и был огорчён его шагом.

Ему, вологодчанину, был дорог и понятен и писатель из Сибири Астафьев, и журнал, который он, как и Твардовский, оберегал, печатая Распутина, Шукшина, Пикуля. В этом отношении Троепольский ему оказался как бы защитой.

Конфликт стих. Грузинская делегация вернулась. Съезд завершился на позитивной ноте.

Гавриил понимал, что он поступил так, как поступал часто: без оглядки на других, без разрешения, чего неминуемо потребовали бы другие. Выражаясь иным языком, без полномочий, но у него были высшие полномочия, можно сказать, свыше — свести разбежавшихся по национальным квартирам писателей в Союз, сохранить мирную жизнь. Быть может, Астафьев оказался более дальновидным, описывая Грузию как почти отрезанный от России ломоть, что потом и получилось, но в 1986 году Троепольский был более прав, противился этому, как мог, даже принося себя в жертву.

А жертве не преминули напомнить, кто он и откуда. Один военный писатель назвал его «Иудой». Хотя оба понимали, какие они с Троепольским писатели, это было скорее раздражением и следствием разницы взглядов, чем убеждением.

Астафьеву воронежские писатели послали письмо с осуждением «штрейкбрехера» Троепольского. Гавриилу Николаевичу рассказали о письме, но он даже не стал выяснять, кто его написал.

Он знал, что, окажись все такими, как подписанты, давно бы ввергли страну в очередную разборку, поугробили ещё больше народу, чем за времена репрессий, и только с горечью думал о том, сколько ещё горя принесут твердолобые позёры людям.

А Астафьеву всё равно доставалось. Ему звонили оскорблённые грузины домой, грозили расправой, но не всякий кацо отважился бы приехать из Тбилиси в красноярскую глубинку.

Не до всех дошли увещевания сына священника.

...Силы были не те, чтобы ещё куда-то ездить восьмидесятилетнему Троепольскому. Сдавало зрение. А отказать «дед», как раньше не мог — так и теперь.

Ему позвонил Гамов:

— Гавриил, что делаешь?

— Да вот, сажусь писать...

— А у меня предложение есть...

— Какое?

— Да скоро сто пятьдесят лет со дня рождения Крамского. В Острогожске открывают памятник. Поедем?

— Памятник Крамскому? — проговорил Троепольский. — Этому острогожскому мальчику?.. Надо-надо...

— Ты прав, надо ехать...

Они сели в «Жигули» Троепольского и поехали. Когда выбрались из Воронежа, по встречной полосе в областной центр неслись машины. На встречу, обгоняя молоковоз, вылетела «Волга». Гавриил Николаевич еле успел вывернуть руль, машина ушла на обочину, а «Волга», поднимая пыль, пронеслась в полуметре от «Жигулей».

Гавриил воскликнул:

— Лихач! Лихач...

— Дорога — опасное место, — сказал Гамов.

— Я сам однажды чуть не попал под машину... Переходил улицу, а она на меня. Я понял, что собьёт, и прыгнул. Угодил на капот. Слава Богу, отделался ушибами...

— Это где было?

— Да давно, в Москве...

Они ехали по холмам, исчерченным рядами голых деревьев и вспоминали молодость, когда встретились в Острогожске, когда ещё не было войны:

— Вот Вася Кубанёв, что бы он нам сейчас сказал... Когда мы почти прожили жизнь...

— Да, многое бы сказал... Но мы своё дело делали. С честью... — говорил Николай Гамов.

— Честь-то честь, да сколько не сделали...

— Это да...

— Ни один писатель не успел всё написать, — произнёс Гавриил Николаевич с сожалением.

При въезде в Острогожск показал на бугры:

— Вот здесь погибли наши разведчики...

— Какие?

— Да приходили с того берега Дона, — показал в сторону Коротояка.

Что-то вспоминал.

— А ты знаешь, — сказал Гамов, — ведь острогожцы настороженно относятся ко всем, кто...

— Кто остался в оккупации, — понимая, о чём идёт речь, продолжил Гавриил, — и ко мне. Я это знаю. Это всех касалось. Ведь что было? С ума сойдёшь. Сыпались с неба бомбы. Я семена прятал...

— А я уже на фронте летал...

— Жаль, что не над Острогожском... Ты б их...

— Нет... Они тогда нас жали...

— Страшная правда, — проговорил Троепольский, а про себя: «А меня — и сын врага народа, и — предатель, и — штрейкбрехер...»

Душу выворачивало, но огромные пространства вокруг успокаивали.

...Когда стояли у скрытой материей скульптуры, Гавриил Николаевич смотрел на острогожцев, на строй девочек с белыми бантами в косичках и передничках, на мальчишек в пиджачках и с флажками, переводил взгляд с нависшей над бульваром каланчи на игравшие жёлтым цветом дома.

«Как всё изменилось... Когда-то были одни воронки... И руины... А теперь ухоженные улицы».

Взгляд улетал далеко за реку:

«Там моё Гнилое...»

Он словно увидел что-то далёкое, дышал прошлым, которое являлось новым, и, что бы не думали о нём острогожцы, он чувствовал себя неотрывной частью городка. Он здесь днём и ночью выводил семена, выкрадывал часы и писал, отсюда спешил на Дон, сюда прилетело известие о первой журнальной публикации, ему за себя не было стыдно. Глаза увлажнились, и это замечали многие, кто приглядывался к старику.

Когда слетела материя — все ахнули: художник с мольбертом с взглядом, устремлённым вперёд...

Гавриил сказал:

— Разглядывает Острогожск...

После окончания церемонии они с Гамовым прошли в музей, который занимал этаж под каланчой.

— А помнишь портреты Крамского? Портрет Толстого. Какой у него пронизательный взгляд. С укором, — говорил Троепольский. — Так и зовёт: загляни себе в душу... Помнишь?

— Помню...

— А Салтыков-Щедрин? Мощь и какая-то уязвлённость... Обида, что не так живём... А Суворин? Вот кого забыли воронежцы... Кого надо подымать...

— А ты знаешь, что Крамской ни разу не приезжал в Острогожск? — говорил Гамов. — Как уехал молодым, так и ни разу...

— Это знаешь почему, я скажу тебе... У Воронежа какая-то особенность — давить. Выдавливает...

— Мне рассказывали, чуть не утонул. Попал к какому-то иконописцу. Тот заставлял бочки с известью вытаскивать из реки...

— А харьковский фотограф как его использовал? А платил крохи, — сказал Троепольский. — Но выставил Ваня. И вырос в кого...

— Вот видишь...

Они оба радовались.

— Но всё равно, думаю, он хотел приехать сюда... — говорил Троепольский. — Видно, держали обстоятельства... Вот я двадцать лет не был в Новоспасовке, но приехал же... Вот в Острогожск — не знаю, приеду ли ещё...

Подошла шупленькая женщина в простой одежде:

— Гавриил Николаевич... Может, оставите что-нибудь на память?

Троепольский узнал зрителя музей.

Замаялся:

— Да у меня только книги...

— Но нам хоть что-то из вещей. Стол. Печатную машинку. Вот родственники Крамского пода-
рили стул...

— Вы всё это получите, — спокойно сказал Троепольский. — Потом... Родные передадут...

Зритель, смутившись, отошла.

Когда ехали назад, каждый думал о своём. Гамов о журналистике, на которую положил жизнь, Гавриил Николаевич о полях, которые обрабатывал и оставил другим, когда сменил поприще... И им казалось, что — при всем её разлете — мала жизнь, скудна, и что даже те, кто дотягивал до преклонного возраста, всё равно чувствовали неудовлетворение.

Это была последняя поездка Троепольского в Острогжск.

* * *

...Его всё больше тяготило другое, личное. Занятый делами других, он отодвигал свои. Но вот почувствовал: дальше тянуть нельзя. Может дойти до того, что заняться станет некому. И он пошёл к прокурору области. Знал, что его примут, отказать Троепольскому мог решиться разве что не читавший книгу о Биме и не смотревший про него кино.

Прокурор Воронежской области Горшенев¹ сидел в своём, похожем на маленький концертный зал, с рядами стульев вдоль стены полукругом, кабинете. В центре стоял огромный стол.

Секретарь доложила:

— Троепольский звонил... Сейчас придёт...

Он взбодрился.

— Чего он хочет? Вроде, по нашему ведомству ни в чём не замечен.

Когда на пороге появился высокий сухопарый старик с палочкой, Горшенев отодвинул бумаги и пошёл навстречу:

— Юрий Михайлович...

— Гавриил Николаевич, — пробежала волна по щеке старика.

Горшенев хотел вернуться за стол, а гостя усадить перед собой, но невольно прошёл за Троепольским к стульям у окна и сел около него.

Секретарша заглянула, кивнула чёлочкой: понятно, никого не пускать, и плотно прикрыла дверь.

Троепольский начал издали:

— Михалыч, мы же с вами земляки. Я из Новоспасовки...

Назови прокурора панибратски кто-нибудь другой — вылетел бы из кабинета с треском, но обращение старика, наоборот, расположило.

— Я сам из Верхнего Карачана, — ответил прокурор.

— Борисоглебская, нынче Грибановская земля...

— Новоспасовка где-то, где-то у Козловки...

— Да, старинное, а теперь махонькое...

— Сейчас везде так...

— Михалыч, подскажи мне, пожалуйста... Дело вот какое... Отец мой был благочинным... Старшим на весь хопёрский грибановский куст... И его в тридцать первом...

— Понимаю, — сжал губы Горшенев и потом произнёс. — Мы сейчас лопатим архивные дела НКВД.

— Ну, пусть напишут, реабилитируют моего отца.

— Я тебе не обещаю, — по-прокурорски перешел на «ты», — но подожди. Истребую дело, посмотрю и скажу, есть ли смысл или нет.

«Думаю, смысл всегда есть», — хотел сказать, но промолчал Троепольский.

---

¹ Горшенев Юрий Михайлович (1938-2011) — прокурор Воронежской области с 1981 по 1992 г.

Горшенев, словно желая успокоить «деда», поведал:
— Ходил я не то в шестой, не то в седьмой класс, а мать учительницей была в Карачане. Приехала туда, а там чернички, мы ведь жили у неё, три года отбыла...

Гавриил смотрел на прокурора, не отрывая глаз.

— Они плакали с мамой, — сказал, прошёл за стол, сказал в микрофон:

— Ко мне Акулову...

В дверях появилась подтянутая в синей форменной одежде шатенка:

— Слушаю, Юрий Михайлович.

Он показал на старика:

— Вот Гавриил Николаевич Троепольский...

— Понятно, — кивнула шатенка.

— Говорит, его отец арестован в 31-м году... Правильно? — посмотрел на гостя.

— Да, — тот глубоко вздохнул.

— Всё ясно, — с полуслова догадалась, о чём идёт речь. — Мне здесь взять заявление?

— Да, не откладывая.

Гавриил Николаевич прошёл к столу и на листке под диктовку Акуловой написал:

«...от Троепольского Гавриила Николаевича,

Адрес: г. Воронеж, ул. Чайковского, дом 8, кв. 13

...Прошу рассмотреть вопрос о реабилитации моего отца Троепольского Николая Семёновича. Дело 1931 года Борисоглебского уезда...»

Горшенев взял листок и размашисто написал сверху:

«Тов. Акулова, прошу истребовать дело, изучить и доложить мне.

Срок 5 дней».

Ещё длиннее расписался.

Когда Акулова вышла, сказал:

— Николаич, посмотрим... Ты уж потерпи пять дней.

— Пять? — удивился гость. — Да он ждёт пятьдесят семь лет!

Когда прокурор пожал руку писателю, подумал: «Вот, выбрал судьбу — в законах ковыряться... А сложишься иначе, мог бы тоже «Бима» написать».

Гавриил Николаевич не знал, что 9 сентября Акулова докладывала Горшеневу:

— Юрий Михайлович. Нашли такое дело. Троепольского Николая Семёновича, священники, дьяконы, монахи там, чернички, бедняки...

— Сколько их? — спросил прокурор.

— Пятьдесят три...

— С размахом работали ребята... И за что? — ушёл глубже в кресло.

— Дело церковно-монархической организации...

«А в Николаиче есть что-то от священника», — подумал и спросил:

— Какое решение?

— Тройка постановила: девятерых к высшей мере. Остальным высылка, кого-то в концлагерь.

— А Николая Семёновича? — имя и отчество отца писателя запомнил чётко.

— Он первым в списке девяти.

— Ясно, — заворочался в кресле.

Щёки вздрогнули, лоб засеребрился от пота, он покусал губу и сказал:

— А насчёт реабилитации как?

— Считаю возможной. Следственные действия без возбуждения уголовного дела...

«Какое ещё возбуждение?! Люди пропадали с концами», — отдалось в висках Горшенева.

— Обвинение неконкретное. Некоторым вообще не предъявлялось...

«Творили, что хотели».

— Не было защитника. Внесудебное рассмотрение...

— Понятно... Ну, а по материалам? Ты читала?

— Конечно... В вину поставили, что молились, а надо было в колхоз идти...

— Пиши протест, я подпишу...

...Когда через пять дней пришел Троепольский, прокурор сказал секретарю: «Меня нет». Открыл сейф, вытащил бутылку коньяка.

— Николаич, протест в облсуде...

— Значит, нашли... Нашли Николая Семёновича, — «деда» вмиг покинули силы.

— Да....

Язык онемел, голос пропал.

Горшенев заволновался: «деду» плохо. Но Гавриил Николаевич уже пришёл в себя, опёрся о палочку и пересел к столу, махнул кистью: наливай.

Когда выпили, Гавриил Николаевич спросил:

— Так что с Николаем Семёновичем?

Горшенев помолчал, а потом:

— Решала тройка, — и опустил руку.

— Я так и знал...

Все эти года терзавшие Гавриила Николаевича сомнения, что вдруг отец жив, отбывает срок, вот-вот вернётся, будет искать сына, и даст Бог, найдёт, развеялись. Его не было в живых. Не бы-ло...

— А давно? — спросил Троепольский.

Горшенев пожал плечами и добавил:

— Тройка заседала 2 июля 1931 года... А тогда, сам знаешь...

— Не тянули, — Гавриил посмотрел в окно...

Горшенев боялся, как бы с «дедом» чего не случилось, не раз родные репрессированных падали в обморок, а кого увозила «скорая», но Гавриил отошёл. В голове прояснилось. Почему, сначала понять не мог. Может, потому что узнал правду. Может, потому что тайно молился за здоровье отца пятьдесят лет — и хорошо, что не знал — смог написать повести о любви, преданности, надежде. А, зная, что чаяния бесполезны, обозлился бы, и не увидели бы читатели его напитанных верой работ...

Когда Троепольский собрался уходить, Горшенев спросил:

— А что ж перед приходом не позвонили?

Троепольский посмотрел многозначительно:

— По таким случаям не звонят... Да и моим домочадцам лучше меньше знать...

— Да, так жить легче, — согласился Горшенев, давно заметив в поведении пострадавших особенность — не втягивать в свои дела детей, оградить их от неприятностей.

— Можно мне посмотреть дело?

— Конечно...

...Через день он пришёл к Горшеневу, тот вытащил из сейфа и положил на стол четыре тома.

— Вот...

Гавриил Николаевич сел, поставил палочку рядом, взялся за корку первого тома, провёл рукой по картонной обложке, прочитал сверху:

«Комитет государственной безопасности Союза ССР

Управление по Воронежской области»

«Раньше ОГПУ», — вспомнил бывшее название ведомства и другие: «НКВД», «МГБ», «КГБ», которые словно вперемешку с крепкими молодцами в кожанках и гимнастёрках с синими петлицами проплыли перед глазами.

Ниже увидел жирным:

«ДЕЛО № ...

По обвинению Троепольского Н.С., Орфеева М.В. и др.»

«Отец...»

Различил архивный номер: «П-18206»

«Как скупое! Всего четыре тома. И этими бумагами хотели оценить жизнь... И как много! Буква «П», — прикинул: — Букв от «а» до «п» пятнадцать... Номеров на каждую букву десять тысяч. Получится сто пятьдесят тысяч дел... А в каждом деле ещё сколько бедняг...»

Стало жутко.

Гавриил отвернул обложку, под ней заблестела жёлтыми пятнами вторая, с ободранными краями.

«Кто-то облил».

Представил, как чекист пьёт и проливает чай на корку, как из его рук падает ломоть маслом вниз и он пальцем смахивает жирную массу и слизывает.

У деда заиграли желваки.

На второй обложке:

«ДЕЛО»

Буквы с хвостиками по углам напоминали пляшущих чёртиков.

И как штaketник, другой номер:

«№ 111»

Более подробно написано:

«По обвинению гр. Троепольского Николая Семёновича и др. всего в числе 53 человека по ст.с. 58-10 ч.2, 58-11 УК»

«Пятьдесят три... Все чёрным, а «53» фиолетовым дописали... Здесь где-то брался Николай Семёнович».

И он, словно ища следы, может отпечатков, может закорючек, рассматривал полинявший лист с царапинами и надрывами, с выцветшими штампами «учтено в... году», зачёркнутыми серым карандашом цифрами «13502», «298»...

«Это всё номера дела!»

Синим — «Г-11897». Фиолетовыми чернилами — «№ 1179».

«Сколько раз его переучитывали. А мне казалось, что забросили, и оно пылится в каком-то углу. Нет, у этих людей всё было учтено до мелочи».

Сместился на выцветший штамп с пустыми графами:

«ПП ОГПУ по ЦЧО Дело №__ начато __ окончено __»,

а в низу обложки чернела заполненная надпись:

«начато января 14 1931 г.»

Он поднял голову: «Отца забрали позже 14 января... Он ещё несколько дней был на свободе», — вспомнил, как к нему в класс с мороза вбежала сестра Валя со страшным известием, а он потом стоял на порожках школы, не чувствуя ни ветра, ни холода.

«окончено мая __ 1931 г.»

«Даже дату поленились поставить».

Ниже, как курица лапой:

«на 714 листах»

Горшенев куда-то звонил, что-то говорил, а Гавриил Николаевич словно ушёл в другой мир. Следующий лист открывал с трудом. Словно поднимал плиту, такой трудоёмкой казалась работа.

На обороте виднелось:

«Список обвиняемых, проходящих по следственному делу № 111»

Шли фамилии.

Пальцем двигал по фамилиям, надеясь не найти.

Читал:

«Зайченков Сергей Яковлевич»

Кто это? Уж не тот побирушка Сережа? Святой Адам... Тогда тоже пропал.

«Орфеев Михаил Васильевич»...

«Отец Михаил!» — отчётливо вспомнил батюшку из Липовки.

Палец двигался вниз. Под цифрой одиннадцать медленнее медленного, не веря буквам, прочитал:

«Троепольский Николай Семёнович»...

— Папа, — тихо произнёс губами.

Стёкла очков покрылись тонкой плёнкой, но он смотрел дальше:

«Михайлов Михаил Савватович»...

«Уж не тот ли спившийся батюшка, у кого Николай Семёнович принял благочинный округ», — промелькнуло в голове.

Палец двигался, глаза всё хуже различали расплывавшиеся фамилии, имена, отчества.

«Иона Иванович... Пелагея Степанов... Варсонофий... Агафья... Назар...»

Снял очки, протёр, снова надел, но они соскальзывали по носу.

Увидел: «53».

Всего людей по делу.

И: «Уполномоченный Степанов».

«Вот мы и встретились с тобой», — смотрел на ненавистную фамилию.

Он ни разу не видел уполномоченного, слышал про него только от матери, слышал также, что что-то случилось с ним потом, но что именно — не знал. Как и не знал об отце. Чекисты умели хранить тайны...

Гавриилу представился строй людей, может человек пятьдесят или больше, который идёт на него, а он стоит и не знает, что делать. А люди в рясах, дерюгах, рубахах идут. Приближаются. И уже ступают по нему валенками, ботинками, чунями. А он — непонятно, стоит или лежит — и на него всё это давит, давит... Он задыхается, пытается вырваться, но только насаждает строй...

Вскрикнул, пришёл в себя, огляделся: Горшенева не было.

Он ушёл, оставив его одного. Видя, как погрузился в скрываемое до сей поры, тяжёлое, что, несмотря на все горести, обязано было либо облегчить человеку жизнь, либо добить...

Вот тихо скрипнула дверь, и Гавриил Николаевич понял: за ним время от времени наблюдает секретарша.

Засерела бумажка:

«Постановление о принятии дела к производству... 1931 января 14 дня, уполномоченный оперсектора ОГПУ по ЦЧО Степанов рассмотрев... на Зайченкова... В Алёшковском, Жердевском, Токаревском, Русановском районах...»

«Мои... — подумал о районах. — Там приходы Николая Семёновича».

«...под руководством священников... устраивали читку Евангелия, к.-р. работа, доказывая, что колхозы — это антихристово дело, вступать туда не надо, надо держаться за религию, в 31-м году советской власти не будет»...

«Как страшно!» — невольно вспомнил бурьян на месте церкви в Новоспасовке, пустырь в Хомутовке.

Захотелось порвать листок, словно этим поступком он мог остановить дело, но ухмыльнулся глупости затеи, перевернул листок: «Чему это поможет теперь, спустя пятьдесят семь лет?»

Снова серенькая:

«Постановление о производстве обыска... 31, января 14 дня... Троепольский... обыск и арест на основании того, что у них может храниться антисоветская литература и переписка, а также учитывая необходимость их личного задержания...»

Её хотелось вырвать, если не порвать, то на худой конец сжевать, уничтожить. Но и тут только хмыкнул, думая о наивности желаний.

Выходило, чекистский маховик закрутился 14 января 1931 года. Он читал протоколы обысков, которые проводились на основании ордеров даже от 13 января, и позже, когда арестовывали и изымали вещи: у священника Орфеева взяли крест серебряный, дароносицу; у прихожанки — пачку свечей, образа; у старосты — серебряные деньги царской чеканки.

Увидел исписанный фиолетовыми чернилами и подписанный синим карандашом оборвыш:

«Ордер 31 года января 18 дня... Обыск и арест священника Николая Семёновича Троепольского в с. Александровка».

«Надо же, ордер выписывали задним числом!» — как прорезало.

«Протокол личного обыска... 31 года января 19 дня ... у священника Троепольского оказалось 94 рубля...»

«Протокол обыска на квартире (подумал: «Это уже не в Александровке, а в Новоспасовке») ... 31 года января 18 дня... изъято четыре папки с перепиской, две книги...»

«Большой улов оказался в руках безбожников».

Гавриил Николаевич покинул кабинет Горшенева вечером. Он шёл по улицам мимо гуляющих парочек студентов, которые и в мыслях не допускали, что не допускал молодой сын священника, но что потом калёным железом вошло в его жизнь. Он сомневался, стоит ли омрачать им юность, поведав им об этих ужасах, но был убеждён, что должны знать и понимать взрослые люди, знать и пресекать подобное в зародыше.

Ветерок ласкал лицо, малышки качались на качелях, мальчишки гоняли мяч, Гавриилу Троепольскому было тяжело и хорошо, словно это хорошо удваивалось, компенсируя всё плохое его молодости.

...Он приходил к Горшеневу. Его сажали в отдельной комнате, приносили дело:

— Изучайте... Протест рассмотрят только через двадцать дней...

У Гавриила было много времени. Он читал, подсчитывал: «13 января арестовали 14 человек, 16 января — 16, 17 января — ...» Жуткая зима 1931 года напоминала выборочную вырубку, когда убирались лучшие.

Во втором томе столкнулся с допросом Зайченкова. Понял: «Да, это тот Серёга, что назывался Святым Адамом. Странничал, побирался с Палагной, Святой Евой».

Их привечал Николай Семёнович.

А допрос, как облил ледяной водой. Странник рассказал о батюшках, которые говорили: «Проповедуй, чтоб шли за Христом, а не в колхозы»; рассказал о себе, что звал «отгонять от колхозного омута», что большевики раскулачивают, на север высылают...

А в конце шокировала фраза: «Я перед вами винюсь за то, что незаконные дела творил. Мне известно, за первую вину прощают. Простите».

«Жиденким ты оказался, Серёга. У тебя тело слабее веры, — Гавриил Николаевич отчётливо вспомнил заросшего подростка с котомкой за спиной, и подумал: — Выплакаться решил».

Невольно вспомнил коллег-писателей, которые выплакивали ордена, медали, квартиры.

Но увидев в конце протокола отпечаток пальца, прорвался: «А не такой уж и жиденкий. Не расписался. Но и не поставил крестик. Это символ. Если бы нарисовал крест, он бы утвердил запись. А он поставил — ничто. Не утвердил, что наговорил. Надо ж! А чекисты не поняли».

Допрос отца Михаила Орфеева подействовал удручающе. Было написано, что отец Николай (Троепольский) победил обновленцев, что состоял в «Союзе Русского народа», что монархист до мозга костей, что ведёт религиозную работу через кружки.

«Слова-то явно не священника!» — подметил Гавриил Николаевич.

Было написано, что советская власть неустойчива и интервенция неизбежна...

«Тучи сгустились над отцом», — подумал сын.

...Кто каялся, что затащили в псаломщики; кто рассказывал о пещерах, где молятся верующие; кто, не боясь кары, говорил: «В колхозы идут одни алкоголики и лодыри»; кто проклинал Серёжу, который изгонял «шутов» — бесов; кто восхищался старцем, заковавшим себя в вериги.

Кто подписывал протокол, кто ставил «х», кто крестик, кто три «х», кто три крестика, кто два крестика и «х», подтверждая написанное.

Гавриил Николаевич понял, что после таких показаний отцу Николаю ждать поблажки было бесполезно, карающая любое инакомыслие власть расправилась бы с ним в любом случае, но все равно в нём теплилось несогласие и жила надежда. Даже власть большевиков могла оказаться лояльнее к своим противникам.

И вот он увидел:

«Протокол допроса

1931 г января 25 дня... Троепольский...»

«Выходит, его долго не допрашивали, — сравнил даты. — А, может, и нет, просто записывать сказанное было не к чему. Отец не давал повода, чтобы оговорить себя».

Прочитал про себя: «Сын Гавриил. Учитель с. Махровка».

Подумал: «А ведь мог и не назвать», но сразу оборвал: «Как ты можешь, разве он мог утаить, что все знали?»

И произнёс:

— Папа, молодец ты!

Вспомнил, как отец отдалял от себя, переселял в Махровку.

«Дочь Зоя Погрешаева, 27 лет, проживает в г. Борисоглебске, жена военнослужащего РККА».

Можно было упрекнуть, что выплыла и Зоя, как жена военлэта, но язык не повернулся. Видел, как отец вёл себя. Не сообщил ничего, чтобы легло тенью на священников, прихожан, а достойно защищался, рассказывал, как отмежевался от обновленцев, нарушавших чистоту православной веры,

как вернулся в тихоновщину; что кружков с политической окраской не вёл, каких-либо разговоров с целью противодействия колхозному строительству не было...

Присмотрелся к длинной подписи:

«Н. Троепольский»

Она, его, родного.

Стало горько-прегорько...

Казалось, отец с честью должен был выдержать обвинения. Но его чернили допросы отца Михаила, псаломщика, Святого Адама. И вот увидел протокол допроса отца Ивана, того, из Чакировки, который преследовал, в войну оказался в Острогжске и остался лежать на снегу после удара «катюш».

«Протокол 31 год март 4 дня...

...Тихоновское духовенство, будучи воспитанным в монархическом духе, не могло мириться с существующим строем, оно лишилось прежних привилегий, их раскулачивают, облагают налогом, арестовывают, это к тому, что оно открыто и скрыто ведёт борьбу против советской власти...

Вокруг тихоновских приходов группируется кулачество, нищестующая братия, всевозможные юродивые, через которых укрепляется религия, то есть ведётся агитация против советской власти».

Пальцы сжимались в кулаки и разжимались.

«Коллективизация сельского хозяйства есть шаг к закрытию церквей...»

Тело немело: заложил с потрохами...

«Троепольский — заядлый монархист»....

«Иуда!» — чуть не вырвалось...

Вспомнилось, каким словом его назвал в кулуарах съезда военный писатель, когда он хотел примирить с грузинами, и только сделалось ещё горше: его несправедливо отнесли к людям, которые хотели предать и убить, а вот настоящих предателей и убийц батюшек не заметили.

Умеющий сдерживать себя в критические минуты, Гавриил Николаевич встал, заходил в узком пространстве комнаты. Появись сейчас отец Иван, он бы его... не простил.

Потом ещё что-то читал про «Протоколы сионских мудрецов», про мистические отклонения у дьякона: видит, как у одних изо рта летит пламя, у других — дым; кто-то наставлял: «Коммунисты — нечистая сила! Колхозники попали под власть Сатаны», кто: «Проповедовать Слово Божие в народе буду до конца жизни». Люди шли, кто в огонь, кто в воду, а кто-то хотел вылезти сухим из воды.

Гавриила уязвила расписка о возврате серёжек Орфеевой: выходило, у жены отца Михаила отобрали, но в протокол обыска не внесли. А выплыло — и вернули.

«Эх, обычные грешники эти чекисты...» — воскликнул.

И вот увидел:

«Постановление об окончании следствия по делу 111... признать предварительное следствие оконченным...

Уполномоченный Степанов...

Согласен:

Начальник ОПО»

Извилистая подпись с огромной «Л» и в конце завитком — и в скобочках «Лутков».

И ниже уже мало значащее:

«Утверждаю:

Начальник Оперсектора» подпись в скобочках «Сохин».

...Гавриил уже более хладнокровно долистывал последние тома, читал обвинительное, на котором тоже стояла подпись Луткова, но всё равно замер при виде бесцветной выписки:

«Выписка протокола

Заседания Тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО по внесудебному рассмотрению дела

2 июля 1931 г.

Слушали:

Дело 13502»

Подумал: «Сколько ж меняли номер дела...»

«...по обвинению Троепольского Николая Семёновича и др. в числе 9-ти человек...

По ст. 58/10 ч.2 и 58/11 ст. УК

Постановили:

Троепольского, Орфеева, ...»

Увидел фамилию батюшки из Дубовицкого: «Отца Владимира».

«...Зайченкова...»

Хотел остановиться, но взгляд полз вниз по листу и вот, как проглотил:

«Расстрелять».

...В этот вечер, поздно-поздно зашёл в кабинет Горшенева с бутылкой перцовки. Она пошла незаметно. Если бы было несколько бутылок, и они бы ушли влёт.

Помянули отца Николая... Батюшек...

Юрий Михайлович вспомнил Карачан:

— Там же нашли «Протоколы сионских мудрецов», — и добавил: — Мы же с тобой кровники...

— Почему?

— По одному делу шли наши земляки...

То, что потом вычитал Гавриил Николаевич: отец Владимир оказался осведомителем «Дубовицким», — его шокировало, он не поверил, что монах сотрудничал с чекистами, но по тому, что его тоже расстреляли, понял, пользы сотрудничество властям не принесло. А вот отец Михаил, который оказался осведомителем «Филимоновым», страшной кары избежал, отделался отсидкой в концлагере. Зато про отца Ивана из Чакировка никаких бумажек об осведомителе «Григорьеве» не обнаружил, даже закралось сомнение, помогал ли он чекистам, но потом дошло: отец Иван вышел сухим из воды и всё, касавшееся его, из дела убрали. Кого расстреляли, кого отправили в лагеря, попал в пекло Святой Адам, старец, но это уже не взрывало, и он понял почему: за голосами тысяч страдальцев голоса нескольких казались не слышны.

3 октября 1988 г. Президиум Воронежского областного суда удовлетворил протест прокурора.

Троепольскому выслали справку о реабилитации.

«Выдана... что постановление Тройки... от 02.07.1931 года в отношении Троепольского Николая Семёновича, 1879 г.р. постановлением президиума Воронежского областного суда от 03.10.1988 года в отношении других лиц и его производством прекращено за отсутствием в его деянии состава преступления...»

Троепольский и тут помог незаконно обиженным. Пятьдесят три человека реабилитировал суд. Мог сделать зарубку: одно из основных дел жизни выполнил. Снял метку с отца, с себя, с других людей и их родственников. Произнёс как молитву:

— Спасибо тебе, Бимка! Это ты подсобил...

Безбрежный Русский мир

Оксана Карнович

Интервью с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским
и бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном.

О князе Владимире Кирилловиче Романове. Побег

Письмо президенту России Владимиру Путину с призывом не допустить предоставления особого статуса княгине Марии Романовой, подписанное князем Никитой Лобановым-Ростовским, князем Александром Трубецким, графом Петром Шереметевым, графом Сергеем Капнистом, не только наделало шума в прессе, но и обострило противостояние российского дворянства за рубежом.

«Тема Кирилловичей» — очень болезненный вопрос для любого искреннего монархиста и особенно для барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна, которому 14 сентября 2015 года исполнилось 103 года.

Ещё в 1936 году Эдуард Александрович получил подданство княжества Лихтенштейн и баронский титул от правящего тогда князя Франца I. В течение пяти лет, с 1894 по 1899 год, будучи послом Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге, князь дружил с Николаем Алексеевичем Епанчиным, директором Пажеского корпуса, дружбу с которым очень ценил, как и впоследствии ценил общение с его внуком Эдуардом Фальц-Фейном. Это обстоятельство позволило барону организовать островок России в Лихтенштейне, и единственному жителю Вадуца отстроить дом в непосредственной близости от замка правящего князя.

Познакомившись с бароном, я обещала дважды в год бывать у него. Каждая встреча с ним уникальна. Навестив барона в октябре этого года вместе с князем Никитой Лобановым-Ростовским и поздравив его с прошедшим днём рождения, мы вернулись к «теме Кирилловичей». Меня интересовал вопрос, почему в 1945 году князю Владимиру Кирилловичу Романову не было предоставлено убежище в Лихтенштейне — в отличие от генерала вермахта Бориса Алексеевича Хольмстон-Смысловского.

«Последний из могикан», барон Фальц-Фейн, как всегда галантен и щедро делится воспоминаниями из своей удивительно насыщенной жизни.

О бароне

О.К.: Как прошёл Ваш день рождения? Вы говорили, что Вас приехали поздравить сто человек. Как же все уместились?

Барон Э. Ф.-Ф.: Гости начали приходить в девять утра. И последний человек ушёл в шесть вечера. Моя дочь устроила пикник с французским шампанским. Она каждый год это делает. Как всегда, было полно народу!

Князь Н. Л.-Р.: Из зарубежья?

Барон Э. Ф.-Ф.: Я нарочно в газетах запретил писать что-либо. Но, несмотря на это, полно было Оксана, ты откуда на этот раз приехала?

О.К.: Я специально приехала на один день из Москвы, чтобы увидеть Вас и поздравить с днём рождения! (В подарок барону князь Лобанов-Ростовский привёз обрамлённую фотографию, где они оба запечатлены с Сергеем Михалковым, полученную от фотографа Юрия Барыкина. — *О.К.*)

Барон Э. Ф.-Ф.: Оксана, что здесь написано?

О.К.: «Дорогой Эдуард Александрович! Хоть и с опозданием в двадцать лет, Ваше фото с Михалковым, надеюсь, будет интересно Вам, а может, и приятно. Привет из России, Юрий Барыкин».

Барон Э. Ф.-Ф.: Значит, фотография была сделана в 1995 году! Почему её так долго держали?

*Барон Э.А. Фальц-Фейн
и О.А. Карнович.
Вадуц, 12.10.2015*

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, С.В. Михалков и барон Э.А. Фальц-Фейн. Москва. 1995.

О.К.: Юрий Барыкин случайно встретил Никиту Дмитриевича в Москве, узнал, что он собирается Вас навестить, и передал эти фотографии. Никита Дмитриевич их обрамил и привёз Вам в подарок.

Князь Н. Л.-Р.: Так что, дорогой барон, в советские времена Вы встречались с верхушкой интеллигенции в Москве!

Барон Э. Ф.-Ф.: Я помню, как мы начали при советском режиме кокетничать с русскими. Всё-таки я от первой волны... Но как-то, не знаю почему, у нас всё вышло хорошо. Так что мы были правы. Мы первыми начали связи с советскими и навели мост.

Князь Н. Л.-Р.: А светлейший князь Васильчиков Георгий Илларионович меня порицал, что я езжу в Советский Союз, потому что он никогда туда не ездил. Мы оба работали в компании «Де Бирс». И потом, когда его начали туда посылать, он переменял свою позицию. Так что в эмиграции первой волны очень много людей смотрели с подозрением на нас, что мы ездим в Советский Союз!

Барон Э. Ф.-Ф.: Ещё как!

Князь Н. Л.-Р.: Меня упрёкали, будто я шпион КГБ! А советские думали, что я шпион ЦРУ. Так что с обеих сторон «обложили»! Вот такие были времена!

Барон Э. Ф.-Ф.: Скажи мне, ты же Надежду Данилевич знал? Она же у меня двенадцать лет была секретарём. Ты знаешь, что она вышла замуж за посла? И с тех пор они оба исчезли и ни разу мне не позвонили. Ему позволили служить послом здесь, в Швейцарии, восемь лет.

Князь Н. Л.-Р.: Он написал книгу, вспоминая Вас в ней.

Барон Э. Ф.-Ф.: Ты с ним встречаешься?

Князь Н. Л.-Р.: Я его не вижу и вряд ли увижу. Он написал книгу о Швейцарии. Я сделал опровержение по поводу того, что он пишет, будто именно он нашёл архив Соколова об убийстве царской семьи и через Вас уговорил князя Лихтенштейна Франца Иозефа вернуть его России. Это полная чушь. *(По совету князя Лобанова-Ростовского барон Фальц-Фейн организовал передачу «архива Соколова» по делу об убийстве царской семьи в Екатеринбург в обмен на домовые книги княжеского дома Лихтенштейн правящего князя Ханса-Адама II. — О.К.)*

Барон Э. Ф.-Ф.: Когда мы встречались здесь с премьером Черномырдиным, я снова напомнил ему о просьбе князя Лихтенштейна о возвращении ему домашних архивов, захваченных в 1945 году Красной армией в Австрии в качестве военного трофея. Архивы продолжали считать трофеем на протяжении полувека, хотя ясно, что это не так — княжество-то не участвовало в войне, сохраняло нейтралитет. Премьер внимательно выслушал мои аргументы и заметил, что «надо что-то дать взамен», то есть сделать какой-то подарок. По моему совету, князь за сто тысяч долларов приобрёл бумаги Соколова, а я договорился об обмене их на его архив.

Князь Н. Л.-Р.: Я разговаривал с Данилевич лет шесть-семь назад, когда она позвонила из Вашего дома и сказала: «Никита, в Вадуце делегация из русских музеев. Все говорят о сенсации, о том, что Вы продали собрание Путину. Как же Вы нам об этом не сказали?» Я ответил, что меня просили держать это в секрете. Она же потом меня допрашивала и тогда сделала большую статью на двух страницах «Известий». Это было первое публичное высказывание о продаже нашего собрания. После этого я не имел никаких связей с ней. Вот сейчас узнаю от Вас, что они живут в Баден-Бадене.

Барон Э. Ф.-Ф.: И с тех пор посол Степанов ни разу не был у меня. Мы же были близкими друзьями. Ни он, ни она не сообщили о свадьбе. Потом я узнаю, что бывшая Данилевич — мадам л'амбасадрис Степанова. Вот тебе и на! Обидно. Я же ей помогал в жизни. Но забудем эту историю.

Престолонаследие

Барон Э. Ф.-Ф.: Оксана, ты продолжаешь писать? (Рассматривает журнал. — О.К.). Там про меня?

О.К.: В этом номере журнала — продолжение «Бесед о престолонаследии». Здесь интервью с князем Дмитрием Михайловичем Шаховским. Никита Дмитриевич, расскажите о письме президенту.

Князь Н. Л.-Р.: Князь А. А. Трубецкой, граф П. П. Шереметев, граф С. А. Капнист и я послали письмо Путину, предлагая ему пересмотреть вопрос о семье Романовых и статусе княгини Марии Владимировны. Ничего другого, только пересмотреть этот вопрос. В результате этого письма было много интервью (по радио и телевидению) и печатных статей, в которых постепенно о ней стали говорить всё более и более объективно. То, что Вы попросили Оксану два года назад рассказать о неправильном восприятии руководства страны в отношении княгини Марии Владимировны, было осуществлено потому, что, по крайней мере, на время, вопрос о передаче ей дворцов в Санкт-Петербурге и дома в Москве закрыт. Я только недавно понял, почему эта идея была предложена депутатом Петровым, председателем Законодательного Собрания. Потому что тогда началась бы реконструкция их зданий, а контракты на реконструкцию получили бы люди, близкие к этому депутату. И сделали бы на этом большие деньги. Этот вопрос обсуждался и по каналу «Россия-24». Как Вы помните, у Вас была журналист Зинаида Курбатова, которая снимала фильм («Корона российской империи» — *О.К.*). С Первого канала (который государственный) ей тогда звонили и спрашивали: «Почему Вы показываете Марию Владимировну?» На что справедливо было отвечено: «Мне необходимо всех показать, чтобы интервью было сбалансировано». Чтобы были не только наши доводы, но и Марии Владимировны, чтобы публика сама судила, что правильно, а что нет.

О.К.: Так что, дорогой барон, всё началось с Вас! Вас волновала эта тема, и мы пообещали Вам, что в России узнают правду.

Барон Э. Ф.-Ф.: Неужели моё имя такое важное?

Князь Н. Л.-Р.: И Вы, и Ваша идея. Я помню, как Вы сказали Оксане: «Напиши! И сообщи это в России!» Что она и сделала. С этого всё пошло. То, что Вы начали, появилось в большой телевизионной передаче.

О.К.: Кстати, Зинаида Курбатова — внучка Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Никита Дмитриевич, Вы, наверняка, встречались с академиком?

Князь Н. Л.-Р.: Да, конечно! Британская академия наук (Royal Academy) официально пригласила академика в Лондон, оплачивая ему авиабилет и проживание. Но Лихачёв не мог принять это предложение, потому что к тому времени ему трудно было передвигаться самому. А Британская академия наук не могла или не хотела оплачивать расходы сопровождающему. Как-то за обедом сэр Исайя Берлин рассказал мне об этом. Я предложил ему «скинуться», и он согласился. Это дало возможность академику приехать в Лондон с дочерью Людмилой, которая говорила по-английски. Так состоялся первый визит Лихачёва в Великобританию для чтения лекций и консультаций по истории культуры. Через год, в 1988 году, он приезжал для презентации первого номера журнала «Наше наследие».

У меня есть письмо, подписанное академиком Лихачёвым, Мстиславом Ростроповичем, Владимиром Яковлевым (бывшим губернатором Санкт-Петербурга) и Лидией Арцишевской о нелегитимности Марии Владимировны.

Барон Э. Ф.-Ф.: Вчера после обеда была получасовая передача со мной по поводу Романовых.

Князь Н. Л.-Р.: Вы рассказали об инциденте, когда князь Владимир Кириллович приходил к Вам и просил протекции у правящего князя Франца Иозефа?

Барон Э. Ф.-Ф.: Он никогда с немцами ничего плохого не делал. После революции Владимир Кириллович попал с отцом во Францию. В Бретани они купили себе дом. Ну, а потом немцы оккупировали Францию. Отец умер, и Владимир Кириллович остался там. Немцы знали, что в этом доме живёт Владимир Кириллович, наследник русского трона. И с ним кокетничали, обещая, что если Германия выиграет войну, то они его представят как нашего нового царя. А когда англичане и американцы высадились во Франции, он увидел, что немцы отступают, взял автомобиль, загрузил царские сокровища и удрал оттуда. А так как он меня знал и помнил, то добрался сюда на своём «Ситроене». Ты так смотришь на меня, будто первый раз об это слышишь.

Князь Н. Л.-Р.: В первый раз слышу!

О.К.: Про сокровища Вы прежде не рассказывали!

Барон Э. Ф.-Ф.: Значит, продолжаю. Когда Владимир попал сюда, на границу, меня вызывают из правительства: «Сегодня ночью перешли пятьсот человек русских в немецкой форме — не владовцы, другие».

В Президиум
Компаса соотечественников
(для ознакомления)

от акад. Д. С. Лухарева

В Президиум Конгресса
соотечественников.

Глубокоуважаемые соотечественники!
Я присоединяюсь к тем, кто считает, что
ветвь Романовых, восходящая к Кириллу Вла-
димирову, не имеет больших прав на нце-
ский престол, тем более. Княгиня Мария
Владимировна не имеет этих прав еще и пото-
му, что была ^{дочерью от} второй бра^{ком} (зачужден).

Еще менее имеет оснований находиться
на престоле Георгий Голицынский, прина-
длежащий к родственникам германского
императора Вильгельма II, пришедшего к нече-
стивым бедн России.

Я сомнеюсь в том, что полагает хорошим
решением выделить последние дни России со-
час преимущественно пограникам первой эмигра-
ции, потерявшей имущество и привилегии,
которые их предки пользовались в России.

С уважением

акад. Д. С. Лухарев
17.11.97

О.К.: Первая русская национальная армия генерала Бориса Алексеевича Смысловского (Артура Хольмстона). То, что Борис Алексеевич был генерал-майором вермахта, подтверждают лихтенштейнские исследователи Клаус Гримм, Хенниг фон Фогельзанг и Петер Гайгер, работавшие с материалами из личного архива Смысловского.¹

Барон Э. Ф.-Ф.: Да, от генерала Смысловского. И все русские одеты были в немецкую форму. Они воевали вместе с немцами против большевиков. Они сказали, что, мол, не будут воевать против англичан. Когда они сюда попали, меня вызвало правительство: «Приезжайте, у нас другого русского нет, который мог бы переводить. Они остались здесь на два года, потом Хуан Перон взял их в Аргентину. А к Владимиру князь Франц-Иозеф послал свой автомобиль на границу, чтобы с ним повидаться. Он хотел лично видеть, как и что, но спросил мнение швейцарцев. Они сказали: «Не дай Бог! Не берите его!» Потому что французские войска как раз заняли южную Германию. Они вошли бы в Швейцарию, чтобы забрать Владимира, который был на стороне немцев во время оккупации. Ничего плохо он не сделал. Когда человек имеет такую возможность вступить на престол России, то он не отказывается. Он же не знал, что немцы проиграют.

*«2 мая 1945 г. Части Армии подошли к Швейцарской границе и расположились в селе Нофельс. Ночью намечен переход границы княжества Лихтенштейн. Вечереет. По частям отдан приказ не отлучаться. Командующий Армии выходит с двумя адъютантами из штаба отдохнуть и направляется в расположение частей. В автопарке кипит работа. Все машины должны быть на ходу. Идём вдоль расположений частей. Все заняты пересмотром и упаковкой своего скудного багажа. Настроение невесёлое. Выходим на окраину села, к берегу Рейна. Нас обгоняет машина с офицером для поручений, отправляющимся в Фельдкирх за Великим Князем. Германский офицер, занимающий оборону на данном участке, увидев издали генеральские красные отвороты, спешит навстречу с рапортом. Генерал обменивается с ним несколькими фразами, затем, взглянув на часы, быстро возвращается в штаб. Там уже ожидают с докладом офицеры, производившие днём разведку границы. Вызывается начальник штаба. Через несколько минут он выходит и приказывает собрать господ офицеров. Значит, окончательное решение принято. Завтра прекращается наша вооружённая борьба».*²

Князь Н. Л.-Р.: Как долго он оставался в Лихтенштейне?

Барон Э. Ф.-Ф.: Несколько часов.

Князь Н. Л.-Р.: И куда поехал дальше?

Барон Э. Ф.-Ф.: Он повернул свой «Ситроен» и поехал обратно в Австрию, в оккупированный гитлеровской Германией Инсбрук. Там было ещё несколько самолётов. Один он нанял и полетел в Испанию. Несмотря на то, что вокруг были союзники, он без всякого труда попал в Испанию. И Франко ему позволил там остаться.

Князь Н. Л.-Р.: Так что? Из нацистской Германии на немецком самолёте Владимир Кириллович вылетел в Испанию?

Барон Э. Ф.-Ф.: Да. Так что Владимир ровно несколько часов был на лихтенштейнской границе, а потом поехал дальше. Но как его не сбили англичане — удивительно!

«Что касается Владимира, то, всерьёз опасаясь за свою жизнь, он перед освобождением Франции успел эвакуироваться в Германию, в Аморбах. В самом конце войны, спасаясь уже от наступающих советских войск, великий князь в компании Жеребкова оказался в Тироле. В первые дни мая они присоединились к колонне отступающей 1-й Русской национальной армии генерал-майора Бориса Хольмстон-Смысловского. Последний был кадровым немецким разведчиком и, заручившись поддержкой американцев, выводил на Запад ценные кадры русских коллаборационистов-диверсантов.

Интересно, что вместе с Владимиром и Жеребковым оказались и руководители французского пронацистского режима Виши — маршал Анри Петен и Пьер Лаваль.

¹ См.: Grimm C. Internierte Russen in Liechtenstein... S. 45, 73; Vogelsang H. von. Nach Liechtenstein — in die Freiheit... S. 15, 31; Geiger P., Schlapp M. Russen in Liechtenstein... S. 59. / <http://e-libra.ru/read/362429-osobiy-shtab-%C2%ABrossiya%C2%BB.html>

² Цит.: Неронов Г.П. Картинки прошлого / «Суворовец» (Буэнос-Айрес), 1952. № 18 (187). С. 3. / <http://e-libra.ru/read/362429-osobiy-shtab-%C2%ABrossiya%C2%BB.html>

В ночь со 2 на 3 мая 1945 года армия Смысловского перешла границу нейтрального княжества Лихтенштейн. Здесь русские пособники нацистов были интернированы и впоследствии избежали выдачи СССР. Что касается французов и Владимира, то власти княжества наотрез отказались предоставлять им убежище — все они были выданы представителям 1-й французской армии маршала Жана де Латра де Тассиньи. Великий князь в последний момент успел бежать на территорию Австрии, откуда по счастливой случайности ему удалось улететь на самолёте в Испанию.

По другой версии, Лавалья и Петена, а также Жеребкова сдал французам сам Владимир Кириллович — в обмен на собственную неприкосновенность и разрешение на вылет в Испанию. Там его уже ждала его тётка — инфанта Беатриса.

Побег во франкистскую Испанию, несомненно, спас Владимира Кирилловича от возможного возмездия за коллаборационистскую деятельность. Ещё в течение почти десяти лет он не рисковал выезжать за пределы Испании...»¹

Князь Н. Л.-Р.: Я хочу добавить к Вашей истории, что есть письменное его обращение к соотечественникам примкнуть к немецкой армии, чтобы бороться против большевиков. Некоторые люди считали, что режим в России это — второстепенно, важно выживание страны. И если немцы разбили бы большевиков, это был бы конец России в историческом контексте. И потому они сознательно воевали против немцев, чтобы спасти страну, а не режим. И тут была дилемма среди белой эмиграции. Одни говорили: «А что плохого, если мы воюем против большевиков?» А другие: «Мы боремся за выживание России». Это существенный вопрос.

Барон Э. Ф.-Ф.: Владимир остался в Испании. Его Франко не выдал. Де Голль заявил, что если Франко не отдаст Пьера Лавалья, то будет конфликт.

Князь Н. Л.-Р.: Лаваль был начальником французского правительства в Северной Африке, премьер-министром при правительстве Виши, коллаборационистом.

Барон Э. Ф.-Ф.: Пьер Лаваль... Я его лично встретил на границе. Потому что я был фотограф для правительства. Я сделал альбом о том, что происходило на границе в сорок пятом. Вдруг вижу, Пьер Лаваль в белом *cravate* (галстук — *фр.яз.*). Он всегда носил белый *cravate*. Но его сразу не приняли. На своём автомобиле он попал в Инсбрук, потом тоже на самолёте улетел в Испанию. Но Франция потребовала немедленно его выдать, а то французы войдут в Испанию. И тогда Франко выдал его. И на другой день после того, как он попал в Париж, его без суда повесили. Это был большой стыд и срам Франции. Я их обвиняю, потому что если ты хочешь такие вещи выделять, то тогда нужно судить человека. Без суда это не делается.

О.К.: Любопытное совпадение, что Пьера Лавалья и Анри Петена в сентябре 1944 года немцы эвакуировали в Зигмаринген, бывшую столицу княжества Гогенцоллерн — место эвакуации всех правителей режима Виши. Значит, Франко выдал Лавалья, но не выдал Владимира Кирилловича?

Барон Э. Ф.-Ф.: Да. А спустя много лет Владимира Кирилловича каким-то образом Романовы пригласили в Америку. Почему, не помню. Он там умер. На первом приёме встал сказать речь и упал мёртвый. Его привезли сюда в Европу, а потом всё-таки похоронили в Петербурге, в Петропавловской крепости...

Для меня это было уникальное время. Я составил рапорт для правительства, так как я был переводчиком и встречался со всеми — с Лавалем говорил, с Владимиром. И снимал, конечно. Там масса фотографий. Все эти подробности, которые я рассказываю, у меня в альбоме.

Князь Н. Л.-Р.: Наверняка там есть фотография Владимира Кирилловича в его «Ситроене». Это же уникальный материал.

Барон Э. Ф.-Ф.: Я в следующий Ваш визит приготовлю этот рапорт.

Князь Н. Л.-Р.: А Владимир Кириллович был один в машине?

Барон Э. Ф.-Ф.: Один. И автомобиль был переполнен царскими реликвиями, которые отец Кирилл забрал, когда он бежал в начале революции. И всё пропало... Вот такие дела. И Лаваль, и Владимир вместе были на границе 2 мая 1945 года — каждый на своём автомобиле. Я это помню, как будто это было вчера. И никого наше правительство не приняло.

¹ Цит. по: Жуков Д. Ковтун И. Наследники престола. Совершенно секретно. № 28/357 // <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4959/>

О.К.: В те годы Вы жили в этом доме?

Барон Э. Ф.-Ф.: У меня была маленькая квартира здесь, внизу. Я разбогател благодаря моему сувенирному магазину. Вы себе не можете представить! Такой маленький магазинчик помог мне устроить такой прекрасный дом. Это сувениры. Продавал карточки по 50 сантимов. В один год я стал миллионером.

Князь Н. Л.-Р.: Как называется пограничный пост, где Вы встретили Владимира Кирилловича на его «Ситроене»?

Барон Э. Ф.-Ф.: Шаанвальд (на границе с Австрией — *О.К.*).

О.К.: Был ли с князем Владимиром Кирилловичем некий Жеребков? (Юрий Сергеевич Жеребков — бывший артист балета, член нацистской партии, возглавлявший Комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции с целью их контроля со стороны гестапо — *О.К.*)

Барон Э. Ф.-Ф.: Нет. Не знаю такого. Не было.

О.К.: Встречались ли Вы с Леонидой Георгиевной?

Барон Э. Ф.-Ф.: Она вышла замуж за американского еврея, господина Кирби. Она жила с ним в Ницце, в большом палаццо. Потом развод почему-то. А затем Владимир взял разведённую Кирби как жену. Я там часто бывал, завтракал. А их дочка Елена живёт до сих пор в Испании. Не знаю, что она делает.

О.К.: Ваши впечатления от встречи с князем Владимиром Кирилловичем? Помните какие-то детали? Сам Владимир Кириллович просил Вас помочь остаться?

Барон Э. Ф.-Ф.: Конечно! А как же! Он же знал, что я здесь. Он же не знал, что правительство сильнее, чем я. Я же его раньше знал, во Франции. Он так обрадовался, когда меня увидел на границе. Он думал, что я великий человек и могу его принять. Но правительство всё-таки важнее меня. Швейцарцы сказали, что будет большой скандал, если французы придут и заберут его, если он здесь останется: «Не дай Бог! Не принимайте!» Так как швейцарцы нас защищают на границе, как и теперь, они имеют право сказать: да или нет! Это было удивительное время, 2 мая 1945 года. Это день, когда кончилась война. У нас же в Лихтенштейне не было войны, никто не стрелял. И вот когда 500 русских вместе с князем пришли, думали, что незаметно пройдут, но не вышло, всех проверяли. Но мне обидно, что все царские вещи он увёз в Испанию. Что с ними случилось, я не знаю. Наверное, он их продал там. У него денег не было. Это была трагедия Романовых.

О.К.: Владимир Кириллович — великий князь?

Барон Э. Ф.-Ф.: Он только князь, но не великий. Даже отец Кирилл не был им.

О.К.: Вы дружили с правящим князем Францем-Иозефом II?

Барон Э. Ф.-Ф.: Конечно. Мы же соседи. Когда у меня было столетие, его сын князь Ханс-Адам II, предложил называть его на «ты». Он мне не дал ордена, но сказал, что это важнее, чем орден. Теперь я единственный его на «ты» называю. Я последний, кто остался жив после революции и после войны. Всё, нет больше никого. Никого.

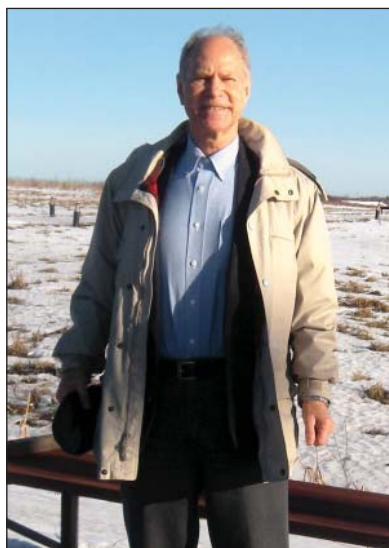
О.К.: И Вы единственный, кого на руках держал последний русский император Николай II.

Барон Э. Ф.-Ф.: Да! У меня была уникальная жизнь. Но личная, к сожалению, не вышла.

Безбрежный Русский мир

Владислав Краснов

Владислав Георгиевич Краснов, писатель, учёный и общественный деятель, доктор философии, глава Общества русско-американской дружбы «Добрая Воля», США, <http://www.raga.org>. Автор книги «Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению».

«От Полифема к Полифонии: Судьба России»

Эссе написано на основе доклада, прочитанного на Международном Рождественском литературном форуме «Русская литература — душа национальной идеи России» в Литературном институте им А. М. Горького 30 января 2014 г. (См. программу форума <http://www.pisатели.co.ua/index.php/afishi-vystuplenij/379-mezhdunarodnaya-rozhdestvenskaya-literaturnaya-konferentsiya>)

По пути на форум

По пути на форум в вагоне метро читал свежий номер газеты «Метро». На седьмой странице читаю: в городе Тольятти ячейка движения «Суть времени», основанного Сергеем Кургиняном, выступила против установки памятника Александру Солженицыну. Писатель якобы «сыграл большую пропагандистскую роль в деле огульного очернительства нашей исторической родины — Союза Советских Социалистических Республик. Его вклад в процесс развала Советского Союза был огромен». Инициатива установки памятника исходила от группы горожан, в их числе около двух тысяч бывших «врагов народа», реабилитированных благодаря деятельности Солженицына. И всё это — в городе, носящем имя вождя итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

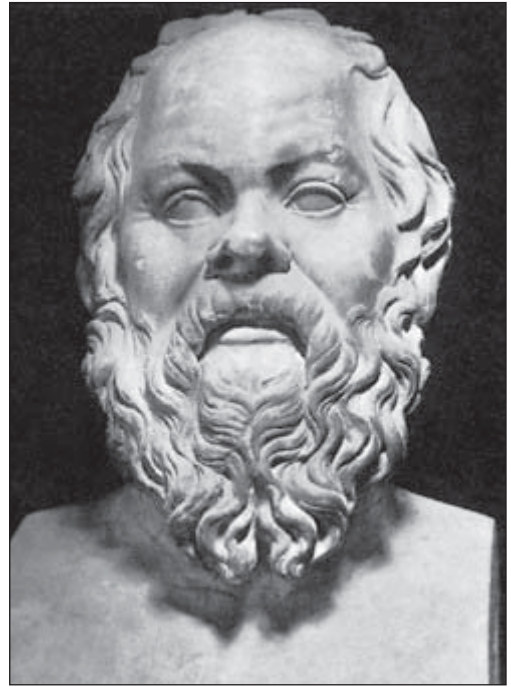
Видно, коммунистам в городе, да и во всей стране живётся привольно, а их жертвам нет. Эта тема должна быть центральной на нашем форуме, посвящённом Новой Культурной Политике, которую правительство собирается ввести для поднятия патриотизма в юном поколении.

Но в той же газете была ещё одна тема, которая так и просится на наш форум. На 6-й странице сообщалось, как в городе Ирбите Свердловской области во время спора, подогретого дружеской попойкой, 53-летний поэт утверждал, что поэзия превыше всего, а его 67-летний приятель настаивал, что настоящая литература — это проза. Поэт покончил с «прозой жизни» ударом ножа, убившим его приятеля. Увы, с диалогом современная Россия, даже литературная, далеко не в ладах.

Миф о Циклопе Полифеме

Древняя Греция знала миф о жестоком одноглазом Циклопе Полифеме. Один из вариантов вошёл в «Приключения Одиссея» Гомера. Возвращаясь с Троянской войны домой, на Итаку, Одиссей высадился со спутниками на Острове Циклопов и попал в пещеру, где жил страшный великан Полифем. Взяв пришельцев в плен, Полифем запер их в своей пещере и начал пожирать одного за другим. Шесть спутников были уже съедены, когда смелому и предприимчивому Одиссею пришла в голову хитроумная идея, как вызволить себя и товарищей из лап смерти. Узнав о склонности Полифема к хмельному, Одиссей щедро угостил его вином, и тот, понятно, захмелел. Под покровом ночи, дождавшись, когда Полифем уснёт, он выколол ему единственный глаз. Разъярённый Полифем хотел обрушить свою ярость на всех пленников. Но Одиссей и тут его перехитрил: затесавшись с товарищами в стадо овец, он вывел всех на свободу.

Мораль: смелость, находчивость, изобретательность и чувство товарищества сильнее любого Чудища, каким бы огромным, мощным и жестоким оно ни было. Надо только найти его слабое место. А самое слабое место Полифема было там же, где и его кажущаяся сила: в его Одно-Глазии. Необычный один-единственный глаз повергал людей в ужас и обеспечивал Полифему власть над его жертвами. Но одноглазие циклопа было и его самым уязвимым местом. Надо только одолеть страх, вселяемый ужасным видом одноглазого чудовища. Одиссей так и сделал. Не случайно все животные и насекомые имеют по два глаза. Только двуглазие способно дать перспективу на движущиеся динамичные объекты. Одноглазие же — это не только физический, но и умственный дефект. Одиссей одолел Одноглазого Циклопа именно своей Двуглазостью, то есть полноценным интеллектом, находчивостью, мужеством и чувством ответственности перед своими товарищами.

Сократ

Диалог в Древнем Мире

Древние греки научились одолевать Одноглазие деспотов и тиранов посредством поучительных мифов и демократических институтов. Философия, театр и литература учили их подвергать сомнению любое Одноглазие, любое Единоглазие и Единомыслие единоличных правителей, каким бы устрашающим оно ни казалось. Сократ и Платон создали целую школу совместного поиска истины, включая анакризу (вызов на диалог), синкризу (сопоставление разных мнений), симпозиумов (философские беседы за дружеским столом) и диалог, как поединок двух философов при соблюдении всех правил вежливости при беспристрастном арбитраже.

Целью диалогового общения было не поругание или словесное избиение оппонента, а совместный поиск истины. Вероятно, древняя греческая философия потому и остаётся эталоном здравого смысла, что она создала полифонию голосов философов с очень разными, но убедительными и достойными вариантами видениями мира. Увы, поиск истины никогда не нравился тем, кто хотел держать народ в повиновении. А для этого народ надо было сначала заковать в цепи веры в одну-единственную истину, которая якобы уже найдена.

Деспоты и тираны всегда вели себя как Полифем, стараясь запугать всех и вся своим уродливым Единоглазием и Единомыслием. То, что Сократ был обвинён в «подрыве нравственности и совращении молодёжи» и приговорён судом к смерти в демократических Афинах, не говорит ли о трудности нашей задачи? Ведь и мы живём в демократической стране, по крайней мере, в стране, чьё правительство провозглашает демократические ценности. А наша прозападная элита не столько борется за диалог, сколько тщится подражать США, где люди совести лишены возможности вступить в диалог с правительством.

Разумеется, гораздо легче признать свободу мнений и пользу диалога на словах, чем осуществлять её на деле, то есть сделать её нормой поведения и передавать эстафету свободомыслия из поколения в поколение. О нетерпимости к Солженицыну и поножовщине наших современных литературных спорщиков я уже говорил. Римляне достигли высот диалогового общения во времена Римской республики. С приходом же Империи стал преобладать монолог, разумеется, императорский, хотя формально Сенат продолжал собираться. Но и покорив Грецию, Рим подпал под чары греческой культуры, языка и философии, включая и понятие диалога.

Средние века в Европе и у нас

Не лучшим стало положение в средневековой Европе с распространением там христианства. Если многобожие древних давало хоть какую-то отдушину гражданам, недовольным императорской властью, то единобожие христиан, бывших некогда гонимыми диссидентами, вскоре выродилось в религиозную монополию, которая стала подавлять как другие религии, так и еретиков внутри христианства.

Особенно нетерпимым к другим философским взглядам оказались византийские императоры, которые претендовали на совмещение в своей персоне и светской, и сакральной власти. Такая концентрация власти вошла в историю под названием цезарепапизм.

Начиная с Ивана Грозного, традиция цезарепапизма пустила корни и в России. Первоначально самодержавие означало независимость от Золотой Орды, в отношении которой русские князья были вассалами и платили дань. Однако постепенно самодержавие стало утверждать себя в традиции византийского цезарепапизма. Тем не менее духовный авторитет московских митрополитов, а потом и патриархов, кое-как сдерживал самодержавный произвол. Этой же цели служили Земские Соборы, как зачатки представительной сословной власти. Земские Соборы и авторитет патриаршей власти смягчали и облагораживали самодержавие первых Романовых.

Порочная Европеизация

Положение изменилось не в лучшую сторону при Петре Первом (при всех его прочих заслугах). Во-первых, Пётр упразднил патриаршество и создал светский орган для управления делами церкви. Во-вторых, напрочь перестал созывать Земские Соборы. В-третьих, создав профессиональную армию, укрепил единоличную власть, которой все боялись. При его преемниках царская власть стала странным гибридом византийской традиции цезарепапизма и европейской абсолютной монархии с её «рациональной» верой в одну непререкаемую истину. Этот гибрид чурался всякого разделения властей, не терпел сдержек и противовесов.

Сейчас, вопреки советским попыткам приуменьшить и опорочить достижения России при царях, существует тенденция идеализировать монархию вообще и русское самодержавие в особенности. Но не надо забывать, что от самодержавия до произвола один шаг, что даже просвещённые самодержцы порой вели себя как эгоистичные и недалёкие самоуправцы. Волей-неволей царский произвол приводил к тому, что гигантская Россия порой напоминала Остров Одноглазого Циклопа.

Однако не прекращались и попытки выйти из плена государева. Были и свои русские Одиссеи. Ни Сенат, ни Церковь, ни родовитые бояре, ни служилое дворянство, ни богатые купцы, ни Дума не противились самоуправству лучше, чем русские писатели, начиная с Александра Радищева, а то и раньше, если вспомнить сожжение властями протопопа Аввакума и его соратников-староверов. Недаром самодержавие представлено Радищевым, как Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаляй. Недаром самодержцы надолго упекли его в ссылку.

Увы, если к концу XVIII века Европа отказалась от модели абсолютной монархии, то в России этот европейский анахронизм, удержался вплоть до XX-го.

В марте 1917 года самодержавие пало, но уже в октябре 1917-го на смену ему пришёл не демократический диалог, а идеологическая монополия первого в мире богоборческого государства. Уже в январе 1918 года, разогнав Учредительное Собрание, большевики задушили младенца демократии, «зачатого» 16 марта 1917 года манифестом Михаила Романова. И сразу же принялись пестовать и выращивать подкидыша — Одноглазого Циклопа, вооружённого броневой щетиной и единомыслием марксизма-ленинизма.

Монополия Советского Полифема

После падения СССР прошло достаточно времени, чтобы оценить это явление *sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). В масштабах мировой истории нельзя ли помыслить о СССР, как о гигантском, жестоком, одиноком и замкнутом в своей пещере на огромном пустынном острове Одноглазом Циклопе Полифеме? Разве не было Советское правительство абсолютно Одно-Глазым все

73 года своего правления? Разве не было оно привержено одной единственной системе ценностей, «единственно верной» марксистско-ленинской идеологии? Разве не понуждало всех своих граждан смотреть на мир Одним Глазом «научной» идеологии?

Эта идеология имела такое монопольное положение в политической, экономической, духовной, интеллектуальной, нравственной и эстетической жизни страны, что оставила далеко позади себя всех тиранов, деспотов, цезарей, абсолютных монархов и самодержцев по привычке устрашать и манипулировать своим и другими народами. Недаром эта идеология получила название тоталитаризм.

А где же была русская литература? Увы, по большому счёту, она стала частью советской пропаганды, за исключением тех литераторов, которые были изгнаны или эмигрировали за границу, уничтожены или замаринованы цензурой. Нельзя без содрогания читать предсмертные слова Александра Фадеева, многолетнего секретаря Всесоюзной организации советских писателей, автора романа «Молодая гвардия», на котором воспитывались поколения советской молодёжи. Прежде, чем покончить с собой в мае 1956 года, он написал письмо, которое советские вожди не осмелились опубликовать почти до самого конца СССР.

Фадеев писал: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; всё остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40-50 лет» (Русский фольклор сохранил предание о «Лихе одноглазом», дикаре, ослеплённом человеком, которого он хотел съесть. (Вячеслав Огрызко. ПЛАТА ЗА ВЛАСТЬ: Неизвестные документы об Александре Фадееве, Архив: №35. 9 октября 2015, Литературная Россия. <http://www.litrossia.ru/item/8271-plata-za-vlast>)

К чести русских писателей надо сказать, что, несмотря ни на что, они сумели сохранить и пронести самые ценные семена гуманности классического периода через весь советский период. И сумели дать нечто новое, чего не никогда ещё было в мировой литературе. Так, роман Евгения Замятина «Мы» положил начало новому жанру в истории мировой литературы, а именно антиутопическому роману. Джордж Оруэлл, которому обычно приписывается создание этого жанра, признавал первенство за Замятиным. Уникальны также творения Андрея Платонова («Чевенгур»), Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» (мениппея сталинского периода); Бориса Пастернака «Доктор Живаго», Даниила Андреева «Роза мира» и другие.

Как и у Циклопа Полифема, главная слабость СССР была заключена там же, где и его кажущаяся сила: в его Одноглазии. Конечно, Одноглазый взгляд вселял ужас во всякого, кто попадал в его прожектор. Его жестокость заставляла трепетать весь мир. Но его идеологический прожектор был неспособен уследить за быстро меняющейся динамической картиной мира. К тому же Советский Одноглазый Циклоп страдал миопией: за 73 года он ничего не видел, кроме неизменного лозунга газеты «Правда»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

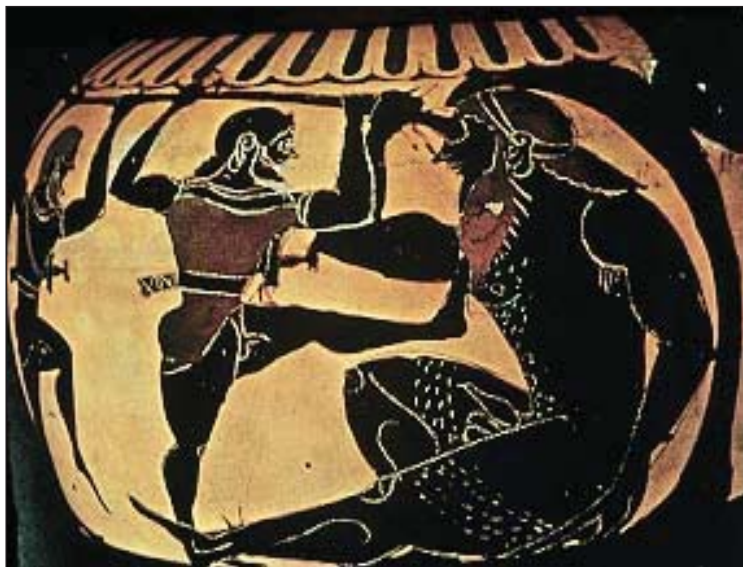
Эта изначальная близорукость советского руководства при Горбачёве перешла в полную слепоту, особенно, во внешней политике, когда советские вожди стали воспринимать своих врагов, как друзей. Даже запоздалое введение гласности, породившей замечательную полифонию в советской печати, не помогло горбачёвскому Политбюро сориентироваться во внешней и внутренней обстановке.— См. Владислав Краснов. Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению, изд-во «Литературная Россия», 2014 (перевод американской книги *Russia Beyond Communism; A Chronicle of National Rebirth*, Westview Press, 1991

За 70 лет Единомыслия правители страны разучились слушать и различать голоса друзей и врагов. Их упёртое Единомыслие и завело СССР и Советский блок в тупик. Не было нужды ослеплять захмелевшего Советского Полифема. А вот бежать из его лап было совершенно необходимо.

Советские узники и беглецы

В программе я вижу Льва Николаевича Краснопевцева, организатора и хранителя Музея предпринимателей, меценатов и благотворителей в Москве. Где он? («Не пришёл», — отвечает ведущий

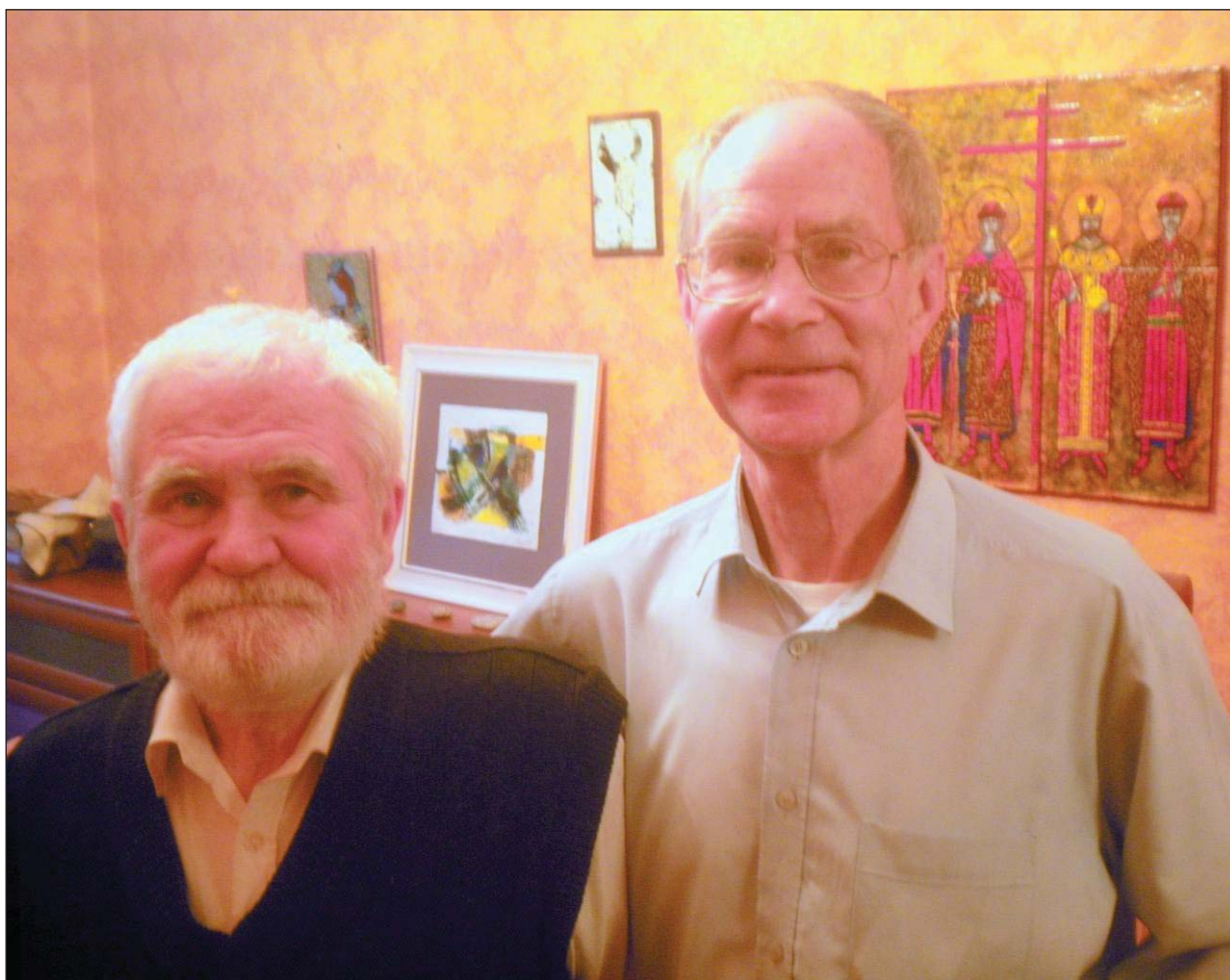

Одиссей выкалывает глаз Полифему

Анатолий Михайлович ИВАНОВ

Владимир Николаевич Осипов и автор статьи

Е.М. Ряпов). Зря не пришёл. Хотелось бы спросить его: почему он, будучи секретарём комсомола истфака МГУ, назначил именно меня секретарём первого курса? В активисты я никогда не лез, да и в комсомол поступил не по убеждению, а чтобы повысить шансы попасть в МГУ. Пробыв секретарём один семестр, я от должности публично отказался и тем навлек на себя недовольство комсомольской верхушки.

Сам же Лёва вскоре был осуждён на десять лет ИТЛ за создание подпольной «антисоветской» организации на истфаке МГУ. Вместе с ним было арестовано ещё с десяток студентов, которые тоже были приговорены в закрытом суде к разным срокам. Якобы за то, что распространяли в московском метро листовки с утверждениями, что власть у нас не рабочая, а номенклатурная. Позднее один из моих товарищей Анатолий Михайлович Иванов был арестован за распространение самиздата. (Конечно, это был зачаточный самиздат, то есть инакомыслящие — слово диссидент ещё не употреблялось — давали друг другу почитать книги и статьи, не одобренные властями, иногда копируя наиболее яркие страницы. Помню, нелегальная книга Милована Джиласа «Новый класс» произвела на нас сильное впечатление тем, что коммунист-идеалист отшатнулся от номенклатурной элиты).

Другой мой товарищ, Владимир Николаевич Осипов, выступил на комсомольском собрании с призывом протестовать против ареста Иванова, «ведь сказал же Никита Сергеевич Хрущёв, что у нас нет политических заключённых» — и тут же был исключён из университета. Позднее Володя попал в ГУЛАГ за издание самиздатского сборника «Вече», посвящённому горькой судьбе этнических русских в СССР. Отсидев срок, он не прекратил своей патриотической деятельности, начал издавать самиздатский журнал «Земля» — и был посажен ещё на восемь лет.

Мне же посчастливилось бежать из пещеры Полифема, с острова новоявленных Циклопов. Я стал одним из тысяч советских граждан, проголосовавших против системы ногами (Наиболее ёмкая книга о перебежчиках доступна только по-английски: Vladislav Krasnov, *Soviet Defectors: The KGB Wanted List*, Hoover Inst. Press, 1986)

Речь идёт о перебежчиках, невозвращенцах и эмигрантах, внешних и внутренних. Полифем советского Единомыслия провозглашал на весь мир лозунг «мирного сосуществования государств разных идеологических мировоззрений». Но каждый новый побег означал, что советское правительство неспособно сосуществовать со своими собственными гражданами, если те не подчинялись официальному Единомыслию.

Отсутствие оппозиционных партий, клубов и кружков вынуждало инакомыслящих идти на крайний шаг бегства за Бугор. Одноглазое состояние советского общества заставляло многих граждан чувствовать себя пленниками в своей стране. Стоит ли удивляться, что многие лояльные граждане выбрали побег, сопряжённый с огромным, подчас смертельным, риском для себя и для родственников, долгом совести? В Древней Греции остракизм считался одним из самых суровых наказаний. В СССР остракизм стал для многих вожделённой мечтой. После высылки за границу «философских пароходов» в 1922 году советское правительство отказалось от практики остракизма, и бегство стало чуть ли не единственным способом борьбы за совесть в коррумпированной номенклатурной системе.

Беглецы смели систему

Не от происков империализма, не от вооружённого восстания и не от коварных заговорщиков в Политбюро рассыпался Советский блок, потом и Советский Союз. Они рассыпались от неутолимой мечты одолеть Железный Занавес и Берлинскую Стену, которые держали поколения граждан взаперти, как Полифем держал своих пленников в пещере. В 1989-м немцы из ГДР начали брать Берлинскую Стену не в одиночку, как раньше, а целыми отрядами, чтобы узнать, каково живётся их сородичам в ФРГ. Им уже не надо было прятаться в стада туристов, как некогда Одиссей прятался в стадах овец. Прослышав о падении Берлинской Стены, граждане Венгрии, Польши и Чехословакии ринулись отарами переходить границу в ГДР, чтобы оттуда идти дальше за Бугор.

А после путча и контрпутча в Москве в августе 1991 года, номенклатурные парти-оты сами побежали на Запад оптом и в розницу, иногда физически, а чаще всего своими банковскими счетами и отсылая своих отпрысков за границу. СССР испарился в одночасье, как привидение. Новое руко-

Берлинская стена

водство в Кремле оказалось не только прозападным, но и в финансовом долгу перед Западом. Таков бесславный конец правления над Россией слепого и глухого Советского Полифема.

Как Полифем попал в СССР?

Но откуда же взялась такая приверженность СССР Одноглазию и Единомыслию? Во-первых, цезарепапистские потуги русских царей импонировали большевикам. Правда, накануне революции в России уже были разные политические партии, цензура практически прекратилась, политические заключённые то и дело сбегали из ссылок и тюрем, а большевики отдыхали за границей, набирались там сил и денежных средств. В стране звонко звучала целая полифония разных идеологических голосов — как в политике, так и в литературе. Среди бестселлеров были произведения Льва Толстого и Максима Горького, Фридриха Ницше и Карла Маркса.

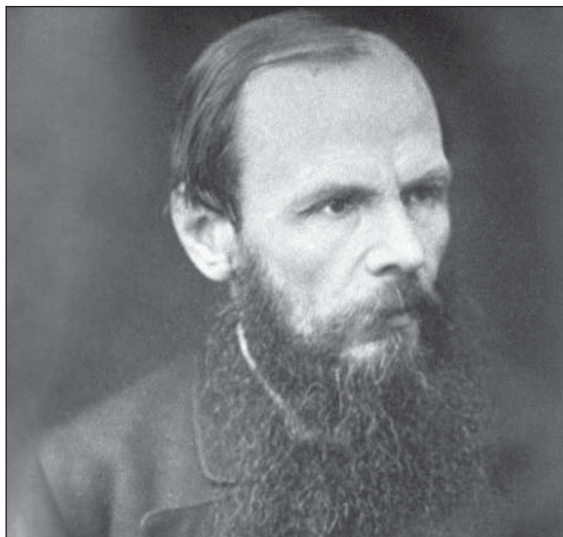
Как ни странно, Полифем пришёл в СССР с Запада. Ведь сама идеология большевиков страдала врождённым пороком Одно-Глазия и Одно-Мыслия. Генотип был заложен в 1848 году в «Коммунистическом Манифесте» Карла Маркса. В нём прямо сказано, что коммунисты отвергают все другие мировоззрения как буржуазные. Большевики же довели эту изначальную узколобость до абсурда, провозгласив теорию Маркса единственно научной и не подлежащей сомнению. Вероятно, подсознательный цезарепапизм самоуправства большевиков выродился в «научный» богоборческий атеизм КПСС.

Ленинский погром

Постольку тема нашего форума «Русская литература — душа национальной идеи России», надо признать, что именно Ленин сразу же лишил Россию её души. Ленинский тезис о существовании в России двух культур, «революционно-демократической» и «буржуазно-помещичьей (черносотенной и клерикальной)», стал призывом к погрому русской литературы под знаменем социалистического реализма. Мне уже приходилось выступать по поводу влияния этого тезиса на состояние советской литературы на форуме в Перми 4 октября 2012 года, поэтому ограничусь главным.

Этот погром стал национальной трагедией для страны, где литература всегда играла огромную роль. Не зря Солженицын называл её «вторым правительством». Даже в эпоху всевластия царей русским писателям — от Радищева, Грибоедова, Чаадаева и Белинского через Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевского до Салтыкова-Щедрина, Чехова и Горького — удавалось наполнить лёгкие русских читателей кислородом правды.

*Ф. М. Достоевский**Михаил Бахтин*

И вот теперь Ленин предлагал отсечь от русской литературы её «буржуазно-помещичью» часть. Разумеется, некоторых авторов надо было подвергнуть вивисекции. Пушкин, например, «в (свой) жестокий век восславил свободу», но он же был и решительным противником «бессмысленного и беспощадного бунта», к которому призывали Герцен и Чернышевский. Как нам показал профессор Александр Ужанков на примере пьесы Островского «Гроза», монополия социалистического реализма не только навязала жёсткую цензуру авторам советского периода, но и исказила наше понимание классических авторов. Уже со школьной скамьи мы научились (вместе с Белинским) порицать «Избранные места из переписки с друзьями» Гоголя, не читая их. Отсюда только один шаг до коллективных писем именитых советских писателей, осудивших роман Пастернака «Доктор Живаго», не читая его. Новая советская власть делала всё, чтобы свести всё литературное творчество в единый одноголосый хор.

Когда я учился в средней школе в Перми, Достоевского в программе вообще не было. Но пети-том объяснялось, что он не созвучен нашей эпохе как реакционер и христианский мракобес. Только попав на Запад, я узнал, что Достоевский входит в десятку классиков мировой литературы. Иные американские студенты признавались мне, что именно Достоевский удержал их от революционной деятельности.

Назад к Достоевскому

Увы, удержать от революции наших радикалов Достоевскому не удалось. Зато его предсказание о том, что бесы (вроде Шигалёва) доведут тиранию просвещенного меньшинства до абсурда, сбылось с лихвой. Вот и сейчас, когда президент Владимир Путин, говоря о необходимости единой школьной программы, осудил заигрывание с «единомыслием», именно наследие Достоевского даёт главный ориентир.

А наследие это состоит из двух частей. Одна часть формальная, а именно полифоническая структура его романов, как её описал Михаил Бахтин. Другая часть наследия Достоевского — это его призыв на открытии памятника Пушкину ко всем деятелям русской культуры, славянофилам и западникам: забыть старые обиды и объединить усилия на благо отечества. Полифоническая структура требует, чтобы автор не навязывал читателю своего главного героя, а давал ему свободу выбрать своего фаворита из нескольких сильных претендентов. Именно полифония может сыграть решающую роль в воспитании молодого поколения русских писателей, многие из которых остались без руля и без ветрил после обвала советской системы. Примечательно, что понятие полифонии было введено в советское литературоведение Бахтиным в книге «Проблемы творчества Достоевского».

По мнению Бахтина, именно Достоевский лучше, чем другие классики, сумел представить в своих романах диалог разных, иногда противоположных, взглядов на мир. У автора могут быть свои предпочтения, но главный посыл он выражает через систему образов, через полифоническую многоголосую структуру романа. Бахтин определил «формо-образующую идеологию» Достоевского, как христианский фундамент, покоящийся на краеугольных камнях персонализма, плюрализма, сосуществования и взаимодействия.

С Бахтиным можно кое в чём и не согласиться. Он слишком противопоставляет полифонию Достоевского монологическому искусству Толстого, Тургенева и Гончарова. Пусть Достоевскому удалось претворить полифонию ярче других. Но, во-первых, элементы полифонии были у многих других авторов, включая и этих трёх. Во-вторых, сама органика дореволюционной литературы была такова, что в совокупности она представляла широкую и разнообразную многоголосость авторов, которые как бы вступали в диалог друг с другом — и с властями предрержащими.

Решительно отвергнув предписанный советским литераторам политический монологизм, Бахтин советовал им взять романы Достоевского за образец. Он предрёк, что монологическая идеология социалистического реализма неадекватна жизненным задачам современной литературы и обречена на провал. Вскоре он был арестован и осуждён на пять лет пребывания в Соловецком лагере, но приговор заменили на ссылку в Среднюю Азию. Это был внутренний остракизм. Только через 34 года его книга была переиздана — в 1963 году.

Эстафета Солженицына

В это время в СССР уже поднялась звезда Солженицына. В 1967 году в интервью со словацким журналистом Павелом Личко он назвал свой творческий метод полифоническим, позволяющим населить роман множеством героев, не давая никому предпочтения. Исходя из этого интервью и опираясь на сочинения Бахтина, я подверг подробному анализу романы «В круге первом», «Раковый корпус» и «Август Четырнадцатого» и пришёл к выводу, что романное искусство Солженицына сродни искусству Достоевского, как структурно, так и идейно. Примечательно, что главными поборниками полифонии в России выступили три автора, лично пострадавшие от самоуправства: Достоевский при Николае I взойшёл на эшафот, но был помилован и ушёл на каторгу; Бахтин при Сталине был отлучён от советской науки и сослан в Среднюю Азию; Солженицын отработал исправительный срок в ГУЛАГе при Сталине, но не исправился, и был изгнан из страны при Брежневле. Не досадно ли, что активисты «Сути времени» выбрали своей мишенью человека, который больше всех сделал для освобождения России из плена Полифема ради полифонии общественных мнений, в том числе и «Сути времени»?

Душа Русской Идеи

Сейчас, когда президент Путин высказался при обсуждении нового школьного учебника по истории против единомыслия, (См. репортаж «Путин научил историков любить Родину» с цитатой из Путина

«Единые подходы к преподаванию истории не означают казенное, официальное, идеологизированное единомыслие. Стержневой линией должна стать объективность, непредвзятость и любовь к Родине») не менее важно противиться попыткам навязать единомыслие писателям, поэтам, драматургам и всем работникам культуры. В средневековой Европе и России литература была служанкой богословия. В советское время писатели и поэты стали слугами марксистско-ленинского человекобожия: служили Циклопу Полифему, прославляя Одноглазие и Единомыслие Острова СССР.

Сейчас литераторы опять свободны претендовать на роль второго правительства на благо страны. Хотелось бы, чтобы они ценили, уважали и практиковали диалогическое общение, создавая полифоническое видение общественного развития. Разумеется, нельзя вводить полифонию по приказу или социальному заказу. Важно, чтобы молодые авторы читали русскую классику, гордились ею, учились у мастеров, «возревновали бы о Славе Отчей», о славе Пушкина, Лермонтова, Грибоедова,

Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, Николая Гумилёва, Евгения Замятина, Пастернака, Булгакова и Солженицына.

Только тогда русская литература сможет стать той скрепой, которая объединит российский народ в отстаивании самобытности русской (российской) цивилизации как одного из важнейших факторов миропорядка. Эта задача делает русскую литературу — душой национальной идеи России.

Главные черты Русской Идеи были уже обрисованы в речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве в 1881 году:

Защищая свою самостоятельность и своеобразие, Россия не покушается на достоинство других народов внутри неё и за её пределами; напротив, она рада разнообразию опыта разных народов;

России близки все Европейские народы, ибо она разделяет с ними не только иудейско-христианскую традицию, но и впитала в себя идеи возрождения, просвещения, рационализма, свободы личности, прав человека, социальной справедливости;

Но Россия также сознаёт, что из Европы пришли также и разрушительные идеи Французской революции, якобинство, агрессия Наполеона и Гитлера, как и другие попытки объединить Европу силой и завоевать Россию;

Спор славянофилов и западников может стать наиболее плодотворным, если не доводить суждения до крайности и не забывать, что это спор между нашими людьми, которые желают лучшего для России.

Не все идеи Достоевского действительны сегодня. Его заявление о том, что человек не может называть себя русским, не будучи православным, было вероятно справедливо для своего времени. Сейчас же оно не отвечает реальности и может вызвать ненужный антагонизм и дискриминацию за убеждения или принадлежность к иной конфессии.

Россия прошла через искушение богоборческими и евроцентристскими идеями марксизма-ленинизма, пережила трагедию насильственной революции, братоубийственную гражданскую войну, подавление свободы творчества и передвижения. Более того, она вынесла шок разрушительного выхода из коммунистического тупика в лихолетье 1990-х.

Этот горький опыт может дать ей преимущество перед другими народами. Пётр Яковлевич Чаадаев предрекал, что Россия была создана специально для того, чтобы дать урок всему человечеству. Пока этот урок получился сугубо отрицательным: Не покупайтесь на соблазн классовой борьбы и насильственной революции, как якобы кратчайший путь к прогрессу человечества! Такой соблазн до сих пор существует и может ещё возобладать, правда, скорее за границей, чем в России. Поэтому мы обязаны делиться своим горьким опытом и предупреждать другие народы от выбора, подобного тому, который наши предки сделали в 1917 году.

Россия может и должна дать человечеству и положительный урок. Её нынешняя роль в мире должна быть миротворческой. Она должна удерживать другие страны от искушения революции, насилия и войны. Предупреждать безумство, обуздывать гордыню и всячески удерживать мир от сползания к революциям и войнам, особенно гражданским. А если таковые уже случились, Россия могла бы предложить услуги благожелательного посредника между враждующими сторонами и выступить как честный миротворец.

Но прежде чем браться за мессианскую роль во внешней политике, россияне должны навести порядок у себя дома. Прежде всего, нельзя опять допустить сползания к рецидиву опьянения западными теориями. Не допускать возвращения её литературы и культуры под власть Одноглазого Полифема. Читть её героев, шедших на казнь, каторгу, ссылку и изгнание, чтобы сказать своё слово правды, по совести, даже вопреки Государственному Монологу. Пусть спорят друг с другом все, кто любит Россию.

Вильнюсские берега

Владимир Кольцов-Навроцкий

Автор родился и живёт в Вильнюсе, окончил институт в Петербурге и весь производственный стаж (34 года) отработал на одном заводе.

Изучая историю края, в 2004-м и 2005 годах издал фотоальбомы «Православные храмы Литвы» с заметками паломника, за что был удостоен Благодарственного письма от Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Регулярно публикуется в периодической печати.

Эссе «Этот город храним...» (о поэтическом облике Вильнюса в русской поэзии), «Нет моих сил этот город забыть» (о виленчанах, ставших знаменитыми иностранными писателями), «Визиты в Вильну царствующих особ Дома Романовых», «Забитая церковь» и др. вызвали широкий резонанс среди интеллигенции русской диаспоры Литвы. По материалам некоторых статей силами литературного объединения «Логос» прошло несколько театрализованных слайд-композиций в школе

«Ювента» и доме Национальных общин Вильнюса. Как художник известен темой «Парят кресты над городом...», провёл свыше 20 персональных выставок графики. Рисунки помещены в сборниках поэзии и газетах «Обзор» и «Вильняле»

Царственные особы дома Романовых в изящной словесности

Первым, кто проложил «поэтический мостик» между российскими поэтами и монархами, стал бывший монах-базиликанец, принявший православие, Симеон из Полоцка, города, отвоёванного царём Алексеем Михайловичем (1629—1676) у Великого княжества Литовского. Симеон Полоцкий, в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович (1629—1680), один из грамотнейших людей своего времени, написал «Похвалу и привет многих веков высокопарному Орлу превысочайшего парения славою имени его в день святого праведнаго Алексия человека Божия ангела его великаго государя царя и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Бильшая России самодержца...»

Днесь весна красна в Росии сияет,
она же светлу память совершает
Богу человека свята Алексия.
Наша весна есть царь Россы всея...

...

Радуйся, царю, миру прежеланный,
свыше Российску царству дарованный.

После произнесения такой «орации» наш земляк занял должность наставника царских детей, благодаря чему они получили европейское образование. Тем самым, бывший воспитанник Виленской иезуитской академии стал причастен к формированию у будущих московских самодержцев политического мировоззрения. Он подчёркивал:

...Россия славу расширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги с сущым многовечным.
Не хоцем с солнцем мирови сияти,
в тьме незнания любим пребывати.

Это и начали воплощать, взойдя на престол, молодой царь Фёдор Алексеевич (1661—1682), сделавший робкий «пропил для окна в Европу», а затем и «прорубивший оно» его младший брат Пётр (1672—1725), ставший после этого «Великим».

Одним из первых россиян, окончивших Сорбоннский университет, стал Василий Кириллович Третьяковский (1703—1768). Переведя «фривольный роман» Поля Тальмана «Езда на остров любви», в котором «галантные кавалеры тонко ухаживают за дамами», он сразу занял место придворного поэта при дворе императрицы Анны Иоановны (1693—1740), адресовав высокой покровительнице одну из своих од:

Да здравствует днесь императрикс Анна,
На престол седша увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирию златой одета,
В императорском чине.

Служа в Академии наук, Третьяковский по праву занял первое место в историографии как переводчик на русский «Древней истории» и «Истории Рима». В историю философии он вошёл как исследователь творчества Фрэнсиса Бэкона. Кроме того, вводя в своих песнях образы любви-страсти, сладостно-мучительной любовной лирики, он оказал влияние на всю последующую поэзию.

Следующим, кто подхватил эстафету выражения своих чувств царственным особам «в изъявление истинной радости и верноподданного усердия искреннего поздравления», стал выходец из архангелогородских крестьян «верноподданнейший раб» Михайло Ломоносов (1711—1765). За двадцать лет он создал целый цикл дифирамбов — от «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» до «Оды Екатерине Алексеевне на восшествие на всероссийский престол июня 28 дня 1762 года».

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет,
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет...
...
В сии прискорбны дни природным
Российским истинным сынам
Ослабу духом благородным
Даёт Екатерина нам.

Его восхвалений удостоились также императрица Анна Иоанновна, император Иоанн III, успевший побыть на престоле только год и свергнутый Елизаветой, и император Пётр III, также низложенный супругой Екатериной Второй. Следует признать, что пафосный литературный приём был удобной формой диалога автора с царями, используя который учёный обнародовал свои мысли, идеи и планы, связанные с обустройством России. Прославляя «возлюбленную тишину», он подчёркивал, что основное условие благоденствия государства в «утверждении пользы наук и необходимости просвещения». Ломоносовым были заложены основы современного русского литературного языка. В некоторых строках он выступил и как оракул, за двести лет до известных исторических событий предостерегая, «что может Росская рука...» В связи с чем упомянул Клайпеду и Калининград, сменивших топонимику:

Посмотрим в Западные страны:
От стрел Российския Дианы
Из превеликой вышины
Стремглаво падают Титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кёнигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпрёя, хитрая река, -
Спросите своего Героя,
Что может Росская рука...

Иные литературные тенденции были в творчестве Гаврилы Державина (1743-1816). Его стихотворение «На рождение на севере порфиородного отрока», будущего императора Александра I (1777—1825), впоследствии станет песней:

Словом, все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляючи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нём, рек:
Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!

В 1783 году по заказу канцлера, князя Александра Андреевича Безбородко художник Дмитрий Левицкий пишет большой парадный портрет императрицы Екатерины II (1729-1796). На нём «Ея Императорское Величество, сжигая на алтаре маковые цветы, жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя и вместо обыкновенной императорской короны увенчана она лавровым венцом, украшающим гражданскую корону, возложенную на главе Ея...» В это же самое время Г. Державин, сумевший достичь из «низкой доли» и министерского кресла, и стула сенатора, создаёт олитературное видение портрета:

Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат.

Следует отметить, что у «Ея величества собственного автора», как подписывал Екатерине свои письма Державин, появилась и «гневная ода», переложение 81-го псалма «Властителям и судиям», где уже звучит лира поэта-гражданина:

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

В конце творческого пути этого представителя русского классицизма, нередко использующего талант для разрешения своих финансовых затруднений, появились и нотки предупреждения:

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

Хорошо знакомый всем со школьной скамьи Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837), после смерти названный Одоевским «солнцем русской поэзии», как известно, «памятник воздвиг себе нерукотворный» многочисленными произведениями, открыто «бичующими царизм».

Но однажды на аудиенции у Николая I на прямой вопрос государя о том, принял бы он участие в восстании декабристов, если бы был в Петербурге, прямолинейно ответил: «Да, принял бы». «Как! — сказал мне император, вспоминал он впоследствии. — И ты враг твоего государя, ты, которого Россия вырастила и покрыла славой? Пушкин, Пушкин, это нехорошо! Так быть не должно...» Подытоживает беседу поэт уже с изменившимся мнением: «Вместо надменного деспота, кнутодержавного тирана, я увидел человека рыцарски прекрасного, величественно-спокойного, благородного лицом. Вместо грубых и язвительных слов угрозы и обиды я слышал снисходительный упрёк, выраженный участливо и благосклонно».

Известие о примирении Александра Сергеевича с высшей властью быстро облетело литературные и «около них» круги обеих столиц, и на эту новость поэт и литературный критик Александр Воейков сочинил довольно язвительную эпиграмму:

Я прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд,
Но только царских шей отведал,
И стал придворный лизоблюд.
Но родоначальник новой русской литературы ответил на неё без злобы:
Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

На это стихотворение был получен ответ Бенкендорфа: «Что же касается до стихотворения вашего под заглавием «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано». До дуэли Пушкина, с роковым для него и России исходом, оставалось десять лет.

Действительный и почётный член Российской Императорской Академии наук по русскому языку и словесности Василий Андреевич Жуковский (1783-1852) занимал ещё и должность тайного советника. В связи с этим ему пришлось разбирать в январе 1837 года предсмертные записки А.С.Пушкина для передачи их императору Николаю I. Особых дифирамбов царям он не оставил, став только соавтором текста гимна «Боже царя храни» и отметив в поэме «Бородинская годовщина» роль Александра I:

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твёрдым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла чреда!

Некоторый период Жуковский был вхож в императорскую семью, так как служил чтецом при вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. Потом был учителем русского языка принцессы Шарлотты — будущей императрицы Александры Фёдоровны. А осенью 1826 года назначен на должность наставника при наследнике престола, будущем императоре Александре II, с которым объездил пол-России и часть Западной Европы.

Именно Жуковскому показал молодой Николай Некрасов (1821—1877) подготовленную к изданию книгу, желая услышать о ней мнение влиятельного мэтра. Тот же, выделив пару стихотворений «как вполне приличные», посоветовал остальные поместить без имени, сказав: «Впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи». Через несколько лет «последствие» наступило, и Некрасов, наблюдая из окон своей квартиры за «парадным подъездом», в котором жил его сосед — министр государственных имуществ М.Н. Муравьёв, играл в карты с властью имущими, а также построил личный винокуренный заводик, продолжая призывать к революционной борьбе и складывать песни о «нужде крестьян и народном горе».

Реагируя на реформы, затронувшие издаваемый им журнал «Современник», и высмеивая цензуру сатирическим циклом «Песни о свободном слове», Некрасов в то же время не постеснялся посвятить оду соседу Муравьёву, которого в народе называли «вешателем», за усмирение польского восстания 1863 года:

Мятеж прошёл, крамола ляжет,
В Литве и Жмуди мир взойдёт;
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг... и вздохнёт...

Круг общества, к которому принадлежал генерал Муравьев, ставший впоследствии графом Виленским, был до известной степени и кругом Некрасова. В него входили самые высокопоставленные члены Английского клуба. И «революционный поэт-демократ» своими привычками и вкусами ничуть не отличался от них: своя ложа в театре, выездная карета, первоклассный портной и француженка-содержанка делали его своим в узком кругу влиятельных помещиков, генералов и дипломатов.

И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведёт;
Царь, покончивший рабские стоны,
Вековую неправоту людей
И свободных сынов миллионы
Даровавший отчизне своей...

«Я пришёл к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало...» Афанасий Фет (1820—1892) долгий период был представителем «чистого искусства», воспевающего только красоту. Он не считал нужным затрагивать животрепещущие социальные вопросы, одновременно оставаясь убеждённым консерватором и монархистом. Неожиданно лишившись в юношестве всех привилегий потомственного дворянина, фамилии Шеншин и русского подданства, он только через сорок лет смог вернуть себе дворянские привилегии. В период военной службы в предместье Петербурга штаб-ротмистр Фет сблизился с редакцией журнала «Современник» и встречался с Некрасовым, Тургеневым, Гончаровым. На коронацию государя императора Александра III 15 мая 1883 года он написал:

Как солнце вешнее сияя,
В лучах не даром ты взошёл
Во дни живительного мая
На прародительский престол.
Горит алмаз, блестят короны,
И вокруг соборов и дворца,
Как юных листьев миллионы,
Обращены к тебе сердца.

К концу жизни стихотворения Афанасия Фета становились более философскими и в них появлялся идеализм, размышления о вечности и о единстве человека со вселенной.

Современник Фета, также размышлявший о «вечном и непреходящем», Аполлон Майков (1821-1897) вырос в семье академика живописи и писательницы. Возможно, поэтому его поэзия, как отмечают современные литературоведы, отличалась созерцательным настроением, обдуманностью темы, пластичностью и законченностью рисунка. Им были сделаны попытки нового переосмысления исторической роли Александра Невского и Иоанна IV:

Тут Грозный сам лежит!.. Последнего суда,
Ты чуешь, что над ним судьба не изрекала;
Что с гроба этого тяжёлая опала
Ещё не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенной души не появлялось...
Она — с алчностью добра — весь век во зле терзалась.
...
Под Серпуховом кто безбожного навёл
На своего царя и указал дорогу?
Мстиславский? Каешься?.. А Курбский? Он ушёл!
«Не мыслю на удел», — клянётся мне и Богу,
А пишется в Литве, с панами не таясь,
В облыжных грамотах как «Ярославский князь»!

Зарекомендовав себя и как прекрасный поэт-переводчик, Майков отдал дань уважения и своим собратьям по перу, написав стихотворения: «Юбилей Шекспира», «Жуковский», «Крылов», «Пуш-

кину», «Фету в день его 50-летия», а также великому князю Константину Константиновичу Романову как поэту, известному в литературе под псевдонимом К. Р.

Эти милые две буквы,
Что два яркие огня
В тьме осенней, в бездорожье
Манят издали меня.

Аполлон Майков, довольствуясь не только созерцанием непреходящего, любил посещать вечера первого социалиста М. Петрашевского, где собирались стремившиеся к переустройству самодержавия и крепостничества. Но в то же самое время он посвящал строки и правящему императору Николаю I (1796-1855), оставив, тем самым, загадку исследователям своего творчества...

Когда по улице в откинутой коляске
Перед беспечною толпою едет он,
В походный плащ одет, в солдатской медной каске,
Спокойно-грустен, строг и в думу погружён, -
В нём виден каждый миг державный повелитель,
И вождь, и судия, России промыслитель
И первый труженик народа своего.
С благоговением гляжу я на Него...

Дело петрашевцев было пресечено арестом сорока подозреваемых, из числа которых двадцать один человек был приговорён к расстрелу. Однако Майкова «Бог миловал».

Среди петрашевцев, признанных виновными «в злом умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка», был «один из важнейших» — Фёдор Достоевский (1821—1881). Выслушавший на Семёновском плацу смертный приговор и команду «к расстрелу», он в самый последний момент был помилован решением царя. Расстрел был заменён на каторжные работы, лишение дворянства и разжалование в рядовые.

Через четыре года солдат седьмого Сибирского линейного батальона Симбирского корпуса, переосмыслив своё положение и узнав о смерти Николая I, напишет пронзительные строки на смерть императора и передаст их с сопроводительным прошением начальству: «Если признаётся возможным, исходатайствовать высочайшее соизволение на напечатание оногo в одном из петербургских периодических изданий».

О, для чего нельзя, чтоб сердце я излил
И высказал его горячими словами!
Того ли нет, кто нас, как солнце, озарил
И очи нам отверз бессмертными делами?
В кого уверовал раскольник и слепец,
Пред кем злой дух и тьма упали наконец!

Это было принято к сведению, но осталось в делах военного ведомства. Известие о том, что будущий автор «Записок из мёртвого дома» стал писать верноподданнические стихи, быстро распространились, вызвав усмешки среди «передовых кругов» и петербургских литераторов. Но Достоевский вновь сделал попытку убедить правительство в своей благонадёжности, сочинив стихотворение «На коронацию и заключение мира»:

Эпоха новая пред нами.
Надежды сладостной заря
Восходит ярко пред очами...
Благослови, господь, царя!
Идёт наш царь на подвиг трудный
Стезёй тернистой и крутой;
На труд упорный, отдых скудный,
На подвиг доблести святой,
Как тот гигант самодержавный,
Что жил в работе и трудах,
И, сын царей, великий, славный,
Носил мозоли на руках!

Но, несмотря на все усилия опального писателя и хлопоты его военачальников, в отношении него всемилостивейше было повелено: «Рядового Достоевского произвести в унтер-офицеры, но учредить за ним секретное наблюдение впредь до совершенного удостоверения в его благонадёжности и затем уже ходатайствовать о дозволении ему печатать свои литературные труды».

Любезный всем виленчанам за строки — «Над русской Вильной стародавней...», а россиянам — «Умом Россию не понять», Фёдор Тютчев (1803-1873) не ввязывался ни в какие сомнительные мероприятия, как выше представленные поэты. У преуспевшего на дипломатическом поприще «имиджмейкера России» не было причин «глаголом жечь сердца» коронованных особ:

О Николай, народов победитель,
Ты имя оправдал своё! Ты победил!
Ты, господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...

Тайный советник канцелярии Николая I после тридцати лет усердного служения царю прозрел, написав панегирик «стихотворением на случай»:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей...

Позже тютчевская лира опять с прежним восторгом зазвучала уже новому, взошедшему на престол императору Александру II:

Царь благодушный, царь с евангельской душою,
С любовью к ближнему святою,
Принять, державный, удостой
Гимн благодарности простой!

Помимо цензоров, к редактированию и публикации стихов Тютчева имели отношение десятки людей, в том числе Некрасов и Майков, а в начале XX к ним присоединился основоположник русского символизма Брюсов...

Свыше восьмидесяти статей, посвящённых изучению творческого наследия Тютчева, Баратынского, Пушкина, Фета и Гоголя написано Валерием Брюсовым (1873-1924). Зная иностранные языки, он переводил Метерлинка, Гюго, Эдгара По, Расина, Мольера, Байрона, Гёте, и неслучайно у этого ярчайшего представителя серебряного века «в этом мутном городе туманов» (1913г.) «проскакали» «три кумира» — опоэтизированные императоры, чьи бронзовые памятники пощадила пролетарская революция, сметавшая многое на своём пути:

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;
А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,
Упоённый силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;
Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Через несколько лет приоритеты основоположника русского символизма сменятся и из воинствующего защитника «индивидуалистического искусства» он перейдёт в активные строители массового, став членом компартии, и напишет о новом забальзамированном кумире:

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
 Народных воль, кем изменён
 Путь человечества, кем сжаты
 В один поток волны времён.

Будучи студентом, Валерий Брюсов познакомился с Константином Бальмонтом (1867-1942), которому, по его мнению, «равных в искусстве стиха в русской литературе не было». Ещё один последователь символизма не поскромничал: «Я — изысканность русской медлительной речи, предо мною другие поэты — предтечи». Бальмонт также преуспел в переводах Блейка, Эдгара По, Шелли, Уайльда, Лерберга, Гауптмана, Бодлера, Задермана и других поэтов разных стран, в том числе и Литвы. На события Русско-японской войны 1904-1905 гг. он отреагировал циклом жестоких стихотворений:

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
 Наш царь — кровавое пятно,
 Зловонье пороха и дыма,
 В котором разуму — темно...
 ...
 Он трус, он чувствует с запинкой,
 Но будет, час расплаты ждёт.
 Кто начал царствовать — Ходынкой,
 Тот кончит — встав на эшафот.

Тяготеющий к злободневным проблемам общества, автор не стеснялся в выражениях, заканчивая стихотворение такими словами: «Ты должен быть убит, ты стал для всех бедой». Но парадокс — революции не принял и не пошёл на компромисс с новой властью. «Не хочу... Не могу печатать у тех, у кого руки в крови».

Дружба Бальмонта с литовским поэтом Юргисом Балтрушайтисом (1873-1944), ставшим послом Литвы в России, помогла ему уехать от начавшегося террора за границу, где в 1930 году он посетил Каунас: «Литва пригласила меня, как друга и поэта Литвы, участвовать в великом празднике Музыки и Песни, в котором, кроме всех литовских поэтов, будут участвовать несколько тысяч певцов и певиц...»

Через год поэт издаст книгу с символическим названием «Северное Сияние: Стихи о Литве и Руси». Обе страны очень тесно переплетаются в его творчестве.

В декабре 1942 года на кладбище в пригороде Парижа в последний путь одного из лидеров «старших символистов» провожали несколько близких друзей, среди которых были и супруги Балтрушайтисы, оказавшие помощь в установке на могиле гранитного памятника с надписью: «Constantin Balmont. Poete russe» — «Русский поэт».

По инициативе фонда имени Юргиса Балтрушайтиса и потомков поэта в мае 2011 г. в одном из вильнюсских парков появится памятник «с узнаваемой шляпой», на котором написано на литовском языке: «Poetui Konstantinui Balmontui atminti» — «Памяти поэта Константина Бальмонта».

С Литвой многое связано у ещё одного представителя Серебряного века — Георгия Иванова (1894-1958), родившегося и проведшего детство в родовом имении под Тельшяй. Переехав в столицу и вступив в «Цех поэтов», он напишет «Стихи о Петрограде», в которых пройдёт по всем ключевых личностям Дома Романовых:

Не время грозное Петра,
 Не мощи царственной заветы
 Меня пленяют, не пора
 Державныя Елизаветы.
 ...
 Анна Иоанновна, а ты
 В дворце своём не видишь крови,
 Ты внемлешь шуму суеты,
 Измену ловишь в каждом слове.
 И вот, одна другой черней,
 Мелькают мрачные картины,
 Но там, за рядом злобных дней,
 Уж близок век Екатерины.

После революции Иванов участвовал в деятельности издательства «Всемирная литература», входя в французскую секцию, возглавляемую Николаем Гумилёвым. Через 30 лет, став одним из лучших поэтов «русского беженства», он признается:

Я за войну, за интервенцию,
Я за царя, хоть мертвеца.
Российскую интеллигенцию
Я презираю до конца.
Мир управляется богами,
Не вшивым пролетариатом...
Сверкнёт над русскими снегами
Богами расщепленный атом.

К сожалению, творчество Жоржа Иванова, как шутил он о себе, было совершенно неизвестно на малой родине в Литве и незаслуженно забыто на большой — в России: «Творю из пустоты ненужные шедевры, и слушают меня оболтусы и стервы». И только в последние десятилетия о нём стали упоминать чаще.

Художников развязная мазня,
Поэтов выпренинная болтовня...
Гляжу на это рабское старанье,
Испытывая жалость и тоску;
Насколько лучше — бляенье баранье,
Мычанье, кваканье, кукуреку

С конца 1980-х в России переосмысливается наследие творческой эмиграции. Коснулся этот процесс и произведений нашего земляка, книги которого стали издавать пока только на «большой родине».

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны -
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Это стихотворение — один из лучших поэтических памятников семье Николая II.

Стихотворное посвящение одной из великих княжон Романовых — Анастасии на день её рождения, как ни странно, написано основоположником акмеизма Николаем Гумилёвым (1886-1921):

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.
Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить
Внизу приветственных стихов.
Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.
И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь Царскосельского дворца.

Ушедший на фронт добровольцем и заслуживший два Георгиевских креста, он оставил о той далёкой войне «Записки кавалериста», в которых узнаётся и наш край. На Рождество 1914 года в прифронтовую Вильну к нему приезжала Анна Ахматова, написавшая позднее сыну:

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.
Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

Завершает войну Гумилёв в составе русского экспедиционного корпуса во Франции. После революции, когда многие русские уезжали на Запад, он вернулся в Россию, так как был аполитичен. Но поэт был чужд новой власти, и возвращение не спасло его от ареста и расстрела. Последующие 60 лет в стране строго выполнялся запрет ЧК даже на упоминание его имени:

Не Царское Село — к несчастью,
А Детское Село — ей-ей!
Не лучше ль быть под царской властью,
Чем стать забавой злых детей?

Сын Ахматовой и Гумилёва, Лев Николаевич «не ел манную кашу за папу и маму», как поделился он своими воспоминаниями в Ленинграде в 1990 году с журналисткой из Литвы Татьяной Ясинской, «а отсидел за них в лагерях 14 лет, и ещё 17 лет за самого за себя — за письменным столом...»

В литературное объединение «Цех поэтов», возглавляемое Николаем Гумилёвым, входила и поэтесса Вера Гедройц (1870-1932), ещё одна представительница Серебряного века, «по совместительству» и одна из первых женщин профессором хирургии, к тому же награждённая медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте как участница Русско-японской войны 1904-1905 гг. С началом Первой мировой она лично обучила императрицу Александру Фёдоровну и её старших дочерей навыкам хирургических медсестёр. Впоследствии они могли среди крови и стонов ассистировать ей на операциях по извлечению пуль и осколков из тел раненых.

Квадрат холодный и печальный
Среди раскинутых аллей,
Куда восток и север дальний
Слал с поля битв куски людей.
Где крики, стоны и проклятья
Наркоз спокойный прекращал,
И непонятные заклятья
Сестёр улыбкой освещал.
Мельканье фонарей неясных,
Борьба любви и духов тьмы,
Где трёх сестёр, сестёр прекрасных
Всегда привыкли видеть мы.
Молчат таинственные своды,
Внутри, как прежде, стон и кровь,
Но выжгли огненные годы —
Любовь...

Княжне Вере Игнатъевне, происходившей из старинного литовского рода Гедройц, пришлось в этом стихотворении завуалировать своих августейших коллег из Красного Креста по Царскосельскому госпиталю, назвав их «тремя сёстрами, сёстрами прекрасными». В разгар Красного террора в России иначе было и невозможно, и в «Домике Алексея» поэтесса грустно повествует нам о тех днях:

И нет остатков, ни следа,
Того, что ты воздвиг когда-то.
Снесли огнистые года
Валы, что были возле хаты.
Воспоминанье, унеси
Тот труд, покрытый лёгкой мглою,
Где лёд колот перед толпою
Последний царь всея Руси.

Автор более 60 научных работ по медицине, не принявшая приглашения заведовать кафедрой хирургии Женевского университета, что уже должно было восприниматься за честь для России, незадолго до смерти она была уволена с работы и оставлена без средств к существованию.

В стенах знаменитого Царскосельского госпиталя воинскую повинность отбывал и мобилизованный санитар Сергей Есенин (1895-1925) и даже читал свои стихи на концерте для раненых в присутствии императрицы Александры Фёдоровны и её дочерей Ольги и Татьяны. Очарованный «августейшими сёстрами милосердия», работавшими рядом, крестьянский поэт с импровизированной сцены в порыве чувств протягивал к ним руки:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Берёзки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых Царевен
И кротость юную в Их ласковых сердцах.
Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шёл страдать за нас,
Протягивают Царственные руки,
Благословляя Их к грядущей жизни час.
На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что Им сжимает грудь.
Всё ближе тянет Их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладёт печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За Их судьбу.

За стихи, с выражением исполненные на концерте, императрица пожаловала Есенину золотые часы с изображением герба империи. Немного странно, что последовавшее спустя два года убийство знакомых милых барышень и их матери, непричастных к обвинениям в адрес низложенного царя, пера поэта не смутили, хотя разруха оставила след в его строках:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...

Достигнув в Советской России всего, о чем только могли мечтать пишущие в эмиграции, поэт покончил жизнь странным самоубийством. Его тщательно загримировали для похорон, как, впрочем, позже и Маяковского.

Главный пролетарский глашатай — Владимир Маяковский (1893-1930), припоминая о встрече с императорской семьёй, ёрничаёт по этому поводу в своих стихах 1928 года. К тому времени, когда были написаны эти строки, у поэта уже не было «своего царя в голове»:

И вижу — катится ландо,
и в этой вот ланде
сидит военный молодой
в холёной бороде.

Перед ним, как чурки,
четыре дочурки.
И на спинах булыжных,
как на наших горбах,
свита за ним
в орлах и в гербах.
И раззвонившие колокола
расплылись в дамском писке:
У-р-р-ра!
Царь-государь Николай,
император и самодержец всероссийский!

Как доверенное лицо коммунистической партии товарищ Маяковский был удостоен чести прикоснуться к тайне сокрытия следов убийства в Екатеринбурге, о чём в стихотворении «Император» продолжал:

Вселенную снегом заволокло.
Ни зги не видать — как на зло.
И только следы от брюха волков
по следу диких козлов.
Шесть пудов (для веса ровного!);
будто правит кедров полком он,
снег хрустит под Парамоновым,
председателем исполкома.
Распахнулся весь, роят снег пимы.
— Будто было здесь?! Нет, не здесь.
Мимо! —
Здесь кедр топором перетроган,
зарубки под корень коры,
у корня, под кедром, дорога,
а в ней — император зарыт.
Лишь тучи флагами плавают,
да в тучах птичьё враньё,
крикливое и одноглавое,
ругается вороньё.
Прельщают многих короны лучи.
Пожалте, дворяне и шляхта,
корону можно у нас получить,
но только вместе с шахтой.

Через два года певец строительства социализма, в чём-то разочаровавшись, выстрелит себе в сердце.

«Комфуту» (коммунистическому футуристу) установлены бронзовые памятники в городах России и ближнего зарубежья, бороздит волны теплоход, истаптываются площади и станция метро, есть даже прославленный театр, художественным руководителем которого недавно стал режиссёр из Литвы. Но у внедрявшего идеологию — «Сегодня надо кастетом кроиться миру в черепе!» — был и нравственный оппонент, написавший: «Пошли нам, Господи, терпенье в годину буйных, мрачных дней...»

Автор этих строк Сергей Бехтеев (1879—1954), имевший увечье и признанный не годным к воинской службе, пойдёт добровольцем на фронт в годы Первой мировой войны и после ранения станет пациентом Царскосельского лазарета. Позже в своих стихах он тоже отреагирует на зверства над сёстрами милосердия, лечившими его:

Был тёмн, мрачен бор сосновый;
Трещал костёр; огонь пылал,
И в мраке свет его багровый
Злодеев лица озарял.

В зловещем сумраке тумана
От мира спящего вдали
Рабы насилия и обмана
Тела истерзанные жгли.
Вперялись в тьму злодеев очи:
В немом предчувствии беды,
Спешил убийца в мраке ночи
Стереть кровавые следы.

...

На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.
И, Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семейей...

После екатеринбургских злодейств среди писем и дневников царской семьи было обнаружено стихотворение «Молитва», по-видимому, придававшее узникам нравственные силы, так как Ольга Николаевна переписала его своей рукой — это были строки Бехтеева, посвящённые великим князьям Ольге и Татьяне:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

...

И, у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться крепко за врагов!

«Царский поэт» — выбито на могильном кресте корнета кавалергардии, хотя Сергей Бехтеев никогда не удостоивался чести быть приближённым к царю. Надо отдать должное человеку, оказавшемуся прозорливей славящих «отечество, которое есть, но трижды — которое будет», потому что нет уже того отечества, а на месте казни семьи последнего российского императора всё-таки «поднял главы золотые» новый «Храм на Крови, во имя Всех святых в земле Российской просиявших».

Переводы

Берега Будапешта

Арон Гаал

Арон Гаал — поэт, художественный переводчик, эссеист. Родился в 1952 г. в Будапеште. Окончил лицей и университет столицы Венгрии. Проживает в Пилишясфалу (пригород Будапешта в районе Буды). Президент Европейского культурно-художественного фонда «EOS-2007» (г. Будапешт, Венгрия). Директор Интернационального фестиваля «Sea and Word / Море и Слово» (г. Будапешт, Венгрия), и фестиваля One step closer together — Rendezvous along the Danube / На один шаг ближе друг к другу — Встреча на берегу Дуная» (г. Будапешт, Венгрия). Художественный директор издательства «AMON» (г. Будапешт, Венгрия). Член Союза писателей Венгрии «EMIL». Член Союза писателей XXI века (Россия). Дебютировал в 1969 г. в журнале «NIMROD» (г. Будапешт). С 1972-го по 1987 год — «период творческого молчания» поэта, когда по политическим причинам его произведения не публиковались в литературных журналах. Автор «Гимна Ясов» (Венгерских Аланов), переведённого на 17 языков мира. Его стихи, сказки, рассказы, эссе в переводе опубликованы почти в ста литературных журналах разных стран. Автор 18 сборников (издательства России, Украины, Румынии, Германии, Сербии, Израиля, Испании). Имеется 8 книг, где выступал в качестве переводчика. Международные литературные премии: «Эндре Ади» (г. Сату Маре, Румыния), «АПЛЕР» (г. Бухарест, Румыния), «Дети Ра» (г. Москва, Россия), «За творчество» (г. Тель-Авив, и г. Иерусалим, Израиль).

Псалом на Чистый Четверг

Чисто умыто лицо...
Камень увидишь издали,
Тот,
Что река отвергла.

Чисто умыто лицо...
Всё, что прошло, в нынешнее
Перешло.
В тысячелетиях начало его и конец —
Покойника, улыбнувшегося смерти.

Чисто умыто лицо...
Звезда!
Будешь кричать: «Он там!» «Это он!»
Из тысячелетий в нынешний день
Падает, сияет.

Чисто умыто лицо...
В тебе,
Для тебя красотой воскресает,
Если ты примешь его.
Чисто умыто лицо...
Это — я.

Единорог в листопаде

Ты прислала Единорога мне...
Он прибыл из старого мира,
Чтобы вынести из болезни, что жгла меня изнутри,
Из лабиринта жара и показать дорогу дальше

И дальше, на далёкое цветное поле,
Где удивлённо смотрит Небо, как кружатся бабочки,
А утром в полусне встаёт Солнце,
И купается в каплях росы Земля, Ветер

Перелистывает свои стихотворения в Книге,
В которой осталась Фея Листьев на ночь
На стволе дерева, что дремало в звёздной тишине,
Где были строки о болезни, что горела у меня внутри,

И о том, как по лабиринту жара, по гальке дня,
Когда я чувствовал, что наступает конец света,
Ты его — Единорога — прислала ко мне,
Чтобы Он показал путь через старые миры

И принёс меня по дороге сна домой
В листопад...

Осень 2012 г.

Тень кошки

Может, тень кошки — это ты...
Над головой сумрачная, беззвёздная ночь,
Но когда является на минуту Луна,
Из глубины сада выплывает твой стройный силуэт.

Может это — твой сон, в котором я — только участник,
Но, может, именно я приснился тебе...
И в твоём сне отражается сад и Луна,
И то стройное тело, что так мягко босиком

Шагает по траве, что так вытягивается вверх, до неба.
Или только во мне отражается всё это, и
Когда появляется Луна из туч на минуту,
То вижу вдруг между деревьями Тебя — тень кошки...

10 июля 2014 г.

Фея Листьев

Гулял в белом лесу — повстречал Фею Листьев...
Её лицо — цвета Солнца в тумане моей Души...
Её ласковые руки — тонкие, нежные ветки,
Что прикоснулись ко мне, и я влюбился в неё...

Она любила красивые дорогие вещи, и я с радостью
Приготовил венец из разных трав для её головушки...
«Я хочу своим поцелуем запечатлеть нашу любовь...
Тогда и Вы станете таким, как мы все в этом Белом Лесу...

Но печать я передам Вашим губам только в Храме,
А мне нельзя заходить в Людские храмы в Городе...
Постройте мне Храм на лужайке — спешите!» — прошептала она,
И тогда я решил построить нам Храм Любви...

Колонны придумал из клёнов, своды — из плюща...
«Куполом будет голубая арка Небес» — сказал Фее
И строил наш Храм дальше своим воображением
Из слов, и придумал, что молитвами станут шорохи

Полевых цветов лужайки, где счастливые бабочки
Кружатся, как любовные шёпоты на наших губах...
Я слышал в своих фантазиях хор из Дятлов и Шмелей,
«Вам шлейф — ароматы цветущих лип,

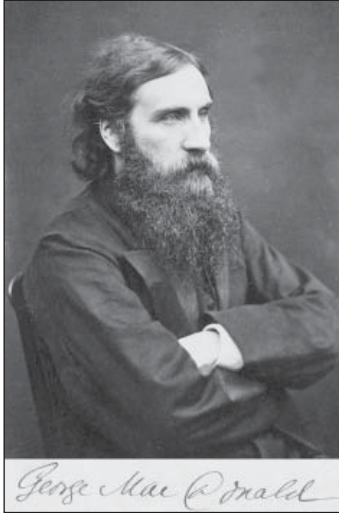
И Вы войдёте в Храм и пройдёте к алтарю по руке Весны,
В колокола зазвонит Ветер, гуляющий между деревьями...»
«А что станет колокольной нашего Храма?» — спросила Фея, смеясь.
И я взглянул в её глаза грустно: «Острая Боль... В моём Сердце...»

Когда ты — это я

Сколько банальных вещей можно перечислить
 О сердце, о любви такой же, как наша...
 Как случилось, что эта любовь,
 Которая тянет нас вниз и бросает на берег,
 Подчиняясь правилам природы, все-таки живёт,
 А ты и я — мы все
 Остаёмся её частями, вот об этом самом
 Я в стихах изложу...
 И напишу, что твоё тело — это гробница:
 После твоего объятия мне хотелось бы
 Ожить, потому что слаще вечера —
 Ночь, когда ты — это я.
 Я — это ты и есть, если понимаешь меня, и ангелы,
 Если существуют, радуются на авансцене ночи
 И на кладбищах, в зоне силы могил...
 Здесь отсутствует несколько страниц
 О птицах, о цветке, доме, родине —
 Обо всём, что важно для меня.
 Ко всему ревнуют демоны и святые!
 И всё-таки не так важно говорить об этом,
 Нужно было бы говорить только о том, как было хорошо
 С тобой на пригорке, когда впервые
 Я обнял тебя той осенью,
 И о том, как часто
 Я целовал тебя, не зная толком, как тогда мне было хорошо!
 Как было приятно слушать тебя, смотреть на тебя,
 Смотреть на твои губы, смотреть на твой профиль.
 Может, и эта фраза неподходящая,
 Может, нужно было бы сначала перечислить
 Все твои недостатки и достоинства,
 Все твои грехи и мои грехи
 Все... только нельзя описать то, что связывает нас и сегодня.
 Нет слов, только нагое молчание...
 Только тогда приходит понимание, когда находимся вместе,
 Не двигаясь. Мужчина и Женщина —
 Две половинки одной и той же действительности,
 Высота и глубина. Но моих слов не хватает, чтобы передать это,
 Говорю на сухом языке, вместо того, чтобы говорить о тебе.
 Только о тебе пишу, о дне твоего дня рождения,
 Как бы хотелось всё это передать, но концы легенд
 Не сходятся совсем, и только осколки
 Стекаются в буквы теперь к твоим ногам, и больше ничего...
 Вместо рифмы лучше молчание.
 К счастью, если слово не помогает мне, то молчание
 Само может стать признанием в любви!

Джордж Макдональд

Джордж Макдональд (1824-1905) родился в Хантли (Шотландия). Образование получил в Абердине в Королевском колледже, который окончил в 1845 году. Он был Министром конгрегации Академического собрания (совещательный орган в английских университетах) в Арунде (Сассекс) в течение 1850-1853 годов, но позже посвятил себя литературной деятельности и чтению лекций. Его первыми публикациями были стихи (1855), прозаические произведения появились в печати в 1858-м.

Начиная с 1860-х годов, в течение всего последующего тридцатилетия автор работал с исключительной интенсивностью. Многочисленные рассказы, повести, романы принесли Макдональду заслуженный успех как мастеру слова высокого класса, тонкому стилисту, обладающему уникальной поэтичной манерой письма, которая позволила ему в художественной форме решать сложнейшие этические проблемы.

КАРАЧУН¹

Сказка «для тех, кто невинен и искренен как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли, или семьдесят пять»

Перевод Риммы ЛЮТОЙ

От автора перевода

«Любовь к ближнему — единственная дверь, ведущая на волю из темницы собственного «я»...». Эти простые слова истинного христианина принадлежат замечательному шотландскому писателю XIX века Джорджу Макдональду. И надо сказать, вся его биография, творческая и личностная, их подтверждает.

В декабре 2014 года исполнилось 190 лет со дня рождения этого поистине феноменального человека, в судьбе и в духовном облике которого неразрывно переплелись взаимоисключающие, кажется, черты и события. Утончённость натуры — и происхождение из хозяйственной семьи белильщика... Дар увлекательного романиста — и вдохновение поэта...

Жизнь Макдональда проходила в неустанных трудах и переездах: работа домашним учителем, редактором детского журнала, чтение лекций по английской литературе и по математике... Он пребывал в постоянном поиске заработка — трудная доля живущего в счастливом браке отца семейства с одиннадцатью детьми. Это, однако, не умаляло горячей сердечности, с которой Джордж вместе с супругой Луизой устраивал благотворительные мероприятия в пользу малоимущих. Он оставлял по себе добрую память везде, где бы не приходилось жить семье.

¹ Слово «карачун» имеет несколько противоположных значений. Оно знаменует в славянской мифологии начало зимнего солнцеворота и Слово «Карачун» имеет несколько противоположных значений, оно знаменует в славянской мифологии начало зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника. В древнерусском и словацком языках «карачун» — «рождество»; в болгарском — «рождественский день»; закарпатском — «рождественский пирог». Традиция также связывает с понятием «карачун» влияние злого духа. Так, у белорусов «карачун» — это «внезапная смерть в молодом возрасте, судороги»; «дух, сокращающий жизнь». Сходное понятие есть и у великороссов — «гибель», «смерть», «злой дух». Происхождение слова «карачун» некоторые специалисты выводят от латинского «Quartum jejunium» — «четвёртый пост»; однако возможно и образование от сербохорватского глагола со значением «шагать» — «переходный (рубежный) день»; не исключено и заимствование из албанского — «пень», «обрубок дерева», «рождественское дерево».

Макдональд обладал восхищавшими многих изысканными манерами, был глубоким знатоком родного фольклора; дружил со многими выдающимися современниками: писателями Марком Твенем и Льюисом Кэрролом, поэтом Альфредом Теннисоном, с блестящим знатоком искусства Джоном Рёскиным, с художниками Артуром Хьюзом и Эдвардом Бёрн-Джонсом... Лёгкость на подъём сочеталась в нём с бесстрашным практическим человеколюбием и духовной самоотверженностью христианского проповедника, не ограниченного жёсткими догмами.

Неутомимый в творческих поисках и идеях, Джордж Макдональд оставил богатое литературное наследие. Яркое, одновременно тяготеющее к претворению традиции, с многочисленными культурными переключками — и неожиданное по мысли и образности. Обладающее языком, в котором сочетается книжность, изящная простота, точность и смелость в деталях. Благодаря своим писательским экспериментам Макдональд по праву именуется создателем литературного стиля «фэнтэзи». В его фантастических романах внимательный читатель и по сей день готов разгадывать тайные смыслы, а созданный им мир волшебных сказок содержит высокие нравственные максимы. В текстах Макдональда всегда присутствует духовный выбор: деятельному, самодовольному и нередко по-настоящему страшному злу, угрозы которого могут быть прописаны детально и жёстко, противопоставит человеческая доброта и честь, подлинная духовная красота, чистота души, верность и последовательность в дружбе и любви, проявляющиеся в каждодневном существовании. «Я пишу не для детей, — сказал он однажды, — но для тех, кто невинен и искренен как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли или семьдесят пять».

Именно таковым является повествование, предлагаемое нашему читателю. Название его в подлиннике — «Carasoin» — буквально непереводаемо...

Глава первая.

Горный ручей

Давным-давно в уединённом домике в Шотландии жил двенадцатилетний мальчик по имени Колин, сын пастуха. Мать его умерла, сестёр и братьев не было. Отец с утра до вечера пас на холмах овец, зная, что к ночи возвратится в опрятный и чистый дом, словно обустроенный женскими руками. Полы подметены, уютно потрескивает огонь в печи, на столе ожидает горячий ужин — всё так, как если б в семье у него был не только сын, а ещё жена или дочка...

Колин умел читать и писать, а вот о цифрах и счёте понятия не имел. Притом был он в сто раз благоразумнее и восприимчивее к учёбе, чем те, кто просиживает в школах с утра до вечера. Всё удавалось ему: не было случая, чтоб мальчик с успехом не выполнил то, что требовалось, даже в деле, где любой другой ребёнок, по видимости более основательный и упорный, потерпел бы неудачу. Как ни странно, даже самые грубые и нелепые ошибки всегда, в конце концов, выводили Колина на верный путь. Вдобавок мальчик любил фантазировать и, когда работать приходилось особенно напряжённо, попутно давал волю своему воображению, с увлечением строя воздушные замки. Возможно, обе эти страсти — мечтания и труды — всегда живут рука об руку...

Так что времени для досуга Колин имел предостаточно и никогда не чувствовал себя слишком загруженным работой. Зимой он любил читать, сидя у камина, или вырезать что-нибудь из кусочков дерева с помощью карманного ножика, а летом всегда уходил на холмы к заветному водопаду. Небольшой, но быстрый поток, бегущий по крутому склону, приводил мальчика в неописуемый восторг, и, сжигаемый нетерпеливым воодушевлением и ожиданием чуда, каждый день Колин отправлялся в путешествие вверх по его течению. Впрочем, с интересом созерцая игру водных струй, он обычно не слишком удалялся от дома. Бывало, присядет на прибрежный камень и пристально,

как за удивительным живым существом, наблюдает за потоком, а тот спешит, перекатываясь через гальку, будто браня встречающиеся помехи, сетуя, бормоча — и всегда отыскивая путь в долину! Иногда Колин надолго останавливался у глубокого омута, следя взглядом за стайками форелей — все в малиновую крапинку!.. А шустрые рыбки так деловито сновали в зелени водорослей, словно какие-то тайные мысли, а не серебристые хвосты устремляли их движение в нужном направлении. Ну а если уж случилось мальчику добраться до небольшого порога, где поток, благополучно обогнув глухую скалу и испуская сияние солнечных бликов, летел вниз с подкупающей свободой и бесстрашием, то он редко уходил оттуда засветло.

Надо сказать, одно грустное обстоятельство давно не давало Колину покоя. Дело в том, что когда ручей приближался к их домику, для его прозрачных и весёлых водных струй не было другого пути, кроме как через небольшой скотный двор в нижней части усадьбы, рядом с коровником и свинарником. Там, в грязи и тесноте, подходящего русла не проложишь, и — вот несчастье! — до этого чистый и быстрый поток здесь бессильно растекался вширь, превращаясь в ужасную грязную лужу. Мутный, затоптанный, осквернённый следами разъезжающихся копыт домашнего скота, он, казалось, вот-вот окончательно выбьется из сил и совсем погибнет.

Не сразу находя путь на волю, течение с невероятным трудом всё же вырывалось снова за пределы скотного двора у дальней ограды. А потом ему ещё нужно было время, чтоб хоть немножко окрепнуть, как выздоравливающему после болезни. Довольно долго ручей едва-едва полз, будто не веря в своё возрождение; сильно оскудев и почти совсем утратив скорость, он удалялся от дома прочь, как будто пристыжённый. И только встретив ниже по течению дружескую поддержку холодного горного потока и соединившись с ним, он набирал, наконец, силу — и дальше струился уже обновлённым и полным свежести...

«Не может быть, чтоб ручей пропадал только потому, что из него пьют коровы, — думал Колин, — а свиньям до него вообще дела нет. Но поток растоптан и разбрызган по нашему двору, и наверняка он обижен и оскорблён, а этого быть не должно. Конечно, сами по себе коровы вовсе не грязные, да и не злые — просто они немножко глуповаты и невнимательны. А вот свиньи животные суматошные и нечистые... Надо что-то делать», — наконец решил он.

Мальчик тщательно обследовал территорию фермы и её окрестности. С северной стороны дома была скала, через неё потоку ни за что не пробиться. С юга — скотный двор. И Колин сделал заключение: единственная возможность спасти ручей — проложить новое русло для него прямо через дом, где жили они с отцом. Конечно, любой здравомыслящий инженер, придя к такому выводу, постарался бы избежать именно подобного выхода из ситуации. Но детское сердце Колина ликовало и плясало, предвосхищая миг, когда, сверкая и искрясь, драгоценная живая влага побежит через их уютный домик. Как прохладно и свежо будет всё лето от воды! Как удобно готовить пищу, мыть посуду, и как близко, совсем под рукой будет вода во время ужинов... А что за дивная музыка польётся в тихом журчании струй! Какие чудесные сказки сможет рассказывать ему бойкое, неутомимое течение перед сном! Какие ласковые колыбельные песни пропоёт на ночь! А в часы, когда отец будет не дома, на пастбище — лучшего приятеля, чем ручей, Колину не найти... К тому же можно купаться в нём сколько хочешь! Ну, а зимой... Да что там говорить!.. Разве просчитаешь всё на сто лет вперёд? До зимы ещё так далеко...

На следующий день отец как раз отправился на ярмарку, и Колин, не теряя времени, принялся за работу.

Начать решил изнутри дома, и дело оказалось не слишком трудным, ведь стены и пол их домика были сооружены из глины. Стены — из очень лёгких, хорошо просушенных на солнце глиняных кирпичиков; пол, правда, был порядочно утрамбован, но всё же и он поддавался упорным наскокам остроконечной кирки и лопаты. Колин вырубил аккуратные отверстия в двух противоположных стенах, между ними прокопал узкий канал в полу, для прочности вымостив камнем его дно и боковины. Потом, выбравшись наружу, проложил удобное ложе для воды по маленькому садику перед домом, а дальше, ниже по течению, ручей уже сам должен был найти дорогу к своему старому руслу, потому что здесь находилась отвесная скала, стараниям Колина недоступная.

К вечеру вернулся домой отец.

— У тебя всё в порядке, сынок? — спросил он, с изумлением разглядывая ровную канавку в полу комнаты.

— Подожди ещё чуть-чуть, папа, — блеснул глазами Колин. — Сейчас я приготовлю тебе ужин, а потом всё расскажу...

Усадив отца за стол, Колин выскочил за дверь и, поспешив к ручью, пробил последнюю преграду из гальки у самого его берега. Так воде открывался свободный путь к заветному каналу, откуда естественное углубление в почве вело её прямо к дому.

Поток вырвался на волю, как зверь из клетки, и стрелой пронёсся сквозь стены комнаты — мальчик едва успевал вдогонку следовать за ним. От неожиданности отец вскрикнул. И когда Колин вбежал, задохнувшись от переполнявшего душу счастья, пастух сидел с ложкой, застывшей на полпути ко рту, а взгляд его был прикован к бурлящей мутной воде, которая, пенясь, мчалась по полу.

— Он же скоро очистится, папа, — радостно сообщил Колин, — и тогда будет таким славным!

Всё ещё ничего не отвечая, словно окаменев, мужчина наблюдал за буйным вторжением потока в дом. А Колин меж тем продолжал увлечённо перечислять длиннейший ряд преимуществ, которые, по его мнению, давал ручей, текущий через их жилище. Наконец отец улыбнулся и сказал:

— Ты прелюбопытное существо, Колин. Только почему б тебе не воплощать в жизнь свои фантазии так, как делают это люди постарше? Не пойму. Ну, да ладно. Давай попробуем пока оставить всё как есть, а к осени посмотрим, что и как...

Признаться, уже давно — и в последнее время всё чаще — пастух стал задумываться о том, как одинока и скупа на детские радости жизнь его мальчика, и оттого теперь казалось просто невозможным отнять у сына хоть какое-то доступное ему удовольствие.

Тем временем Колин стремглав вылетел во двор — поглядеть, как там ручей найдёт кратчайший путь к своей свободе, а затем помчится по крутому склону от их домика к своему старому руслу в низине. Увидеть, как поток, бурля и кувыркаясь, впервые падает с отвесной скалы за садом — о, это уж точно зрелище, ради которого стоит жить!

«Хорошо ещё, что у ручья нет шеи, которую можно свернуть, иначе это случилось бы по двадцать раз в минуту, не меньше, — думал Колин. — А всё же, как весело и ловко скачет он вниз с камня на камень! Я бы тоже с удовольствием так попрыгал, если б не моя шея...»

Весь вечер мальчик метался, не находя себе места, не зная ни минуты отдыха. То наружу, в сад — то вовнутрь, в дом... Сначала — вверх, к месту соединения отводного канала и старого русла; оттуда, следуя за течением — вниз, к домику, к входному отверстию в стене... Потом через комнату — и снова наружу, ко второй зияющей брешу, чтобы посмотреть, как поток, покидая их жилище, быстро мчится через двор и величественно устремляется вниз по тёмной скале.

Спустилась ночь, и звёзды отразились на мокрых камнях, и с гор повеяло прохладой. Наконец отцу удалось убедить Колина, что пора спать. С сожалением бросил ребёнок последний взгляд на воду, которая струилась теперь совершенно чистая, прозрачная и спокойная — и, вздохнув, повиновался. Следом улёгся и отец.

Глава вторая.

Сказочный флот

Кровать отстояла от потока на пару ярдов, а Колин, всегда первый вскакивавший поутру, спал с краю. Не в силах преодолеть внутреннего возбуждения, мальчик лежал в тот вечер без сна, пристально вглядываясь в слабое мерцание воды при тусклом красноватом свете углей в камине, укрытых тихо тлеющим дёрном, и прислушивался к мелодии ручья, который, журча, спешил через дом — снова во тьму. Через некоторое время бормотанье струящейся по полу воды сложилось для него в бесконечный напев колыбельной, который повторялся, и менялся, и томил, и успокаивал — и, в конце концов, усыпил его.

Вскоре, однако, мальчик понял, что снова не спит. Он прислушался к звукам деловито журчащего течения, плавным и неутомимым, — и вдруг заметил, что в стройном их хоре сосредоточено как будто больше отдельных тонов, чем прежде — тогда, когда он, Колин, ещё только засыпал. Среди прочих оттенков и призвуков можно было различить тихое деревянное постукивание, которое напоминало удары крошечных корабельных бортов друг о друга, и тоненький щебечущий говорок,

перемежавшийся нежным смехом, переливчатым и лёгким, как летний перезвон вересковых колокольчиков... Колин открыл глаза.

Сияла полная луна, ярко освещая собравшихся на перекур паромщиков сверху и снизу — своим отражением в плоском зеркале тёмной воды. Только что прибывшие лодочки и маленькие парусники, сгрудившись, перекрыли выход потока из дому, словно устроив запруду в устье реки, впадающей в океан — и полноводный, поднявшийся в берегах ручей лежал вровень с полом комнаты. Однако отыскать взглядом хоть полоску открытой воды было почти невозможно — разве что догадавшись по случайному зыбкому мерцанию её в просветах меж устремившимися к причалу крохотными судами таинственного флота, живущего в каком-то своём чудесном ритме. Матросы на рейде, впрочем, были заняты делом вполне серьёзным: как самые настоящие моряки в подобной ситуации, они швартовались вдоль берега либо перегоняли свои судёнышки выше по течению и просушивали их, вытянув из воды. В лунном сиянии отливали волшебной белизной маленькие паруса, приспущенные и лениво раздувавшиеся на мачтах под лёгким бризом, который стелился над водой. Множество лодчонок пыталось пробиться сквозь случайные заторы, сверкая мокрыми вёслами; тоненькие голоса сердито перекликались, миниатюрные ножки перебежали с места на место, цепкие ручки с упорством тянули прочные, толщиной с суровую нитку канаты, закреплённые на миниатюрных блоках из полированной слоновой кости...

Изящные дамы стояли небольшими группами на берегу, в их дивных красочных нарядах преобладал зелёный цвет; за дамами ухаживали стройные кавалеры, с ног до головы одетые в зелёное же, как кузнечики, но — с красными и жёлтыми перьями на шляпах. На противоположном берегу потока торжественно высадилась Королева. Мгновенье — и вот уже танцоры, не меньше двух десятков, в неторопливой, размеренной процессии сопровождали прогулку Её Величества вдоль ручья...

Озадаченное лицо Колина, наблюдавшего за таинственными пришельцами прямо из постели, как из засады, казалось, принадлежало сердитому великану-людоеду, которого потревожила суэта досаждающей ему мелюзги.

После нескольких танцев Королева знаком повелела всем остановиться, и Колин услышал, как её звонкий, серебристый голосок капризно произнёс:

— Вот скучища! И надоела же мне эта глупая солидность! К чему вести себя так же чинно и уныло, как эти здоровяки из человеческого мира? Давайте-ка поиграем в «Гоп-скок!.. Куку-кукареку!..»

По королевскому повелению группы танцующих разбились надвое, и маленькие загадочные существа — женщины и мужчины порознь — принялись резвиться всяк по своему собственному разумению.

Незванные гости разбрелись по спящему дому, и большинство из них Колин потерял из виду. Он прилёг, наблюдая за озорными выходками двух проказников, которые вели себя так развязно, что больше походили на ярмарочных клоунов, чем на благовоспитанных джентльменов, которыми выглядели пять минут назад. И вдруг прямо над самым ухом его прозвучал совсем новый тихий детский голосок — да так неожиданно, что мальчик вздрогнул. Он тщательно осмотрелся, обследовав всё пространство вокруг своей подушки, однако ничего и никого не обнаружил.

— И не пытайся меня увидеть, не получится. Я здесь, в изголовье кровати, и общаюсь с тобою сквозь дырочку.

Колин отлично знал это маленькое отверстие, оставшееся от выпавшего сучка!.. Он потянулся к грядущке.

— Не смотри сюда! — с тревожной поспешностью предупредил голосок. — Если Королева заметит меня, то сразу прикажет схватить. Ну, остановись, пожалуйста!..

Интонация стала умоляющей, в слабом голосе зазвенели слёзы, и мальчик постарался отвернуться от изголовья, хотя любопытство так и разбирало его. А речь продолжилась:

— Ты только не оборачивайся, ладно?.. Я и так всё тебе расскажу. Я девочка, маленькая, но совсем не сказочная, а настоящая. Семь лет назад Королева фей выкрала меня у родителей в день моего рождения, и с тех пор мне никак не удаётся бежать. Я не люблю фей: они, как мошकारа, назойливы, ужасно тупы и, похоже, никогда не поумнеют. А я расту, я изменяюсь, ума у меня год от года прибавляется — и мне так хочется опять вернуться к людям, в свой мир! Но феи не позволяют: они всё время превращают меня в кого-то, заставляя играть какую-нибудь глупую роль, да притом ещё всю ночь, а целый день мне приходится спать. Сами они обожают подобные дурацкие продел-

ки, но мне-то нравится оставаться самой собой!.. Королева, правда, говорит, что стать абсолютно счастливой всё равно невозможно. Но я точно знаю: счастье для меня — это снова оказаться среди людей и жить как обыкновенная девочка... Забери меня у них!

— Как же я сумею забрать тебя? — изумился Колин. И его взволнованный шёпот прозвучал громом среди ясного неба после нежного девичьего голоса, изменчивого и неуловимого, как ветер, что шелестит в поле высохшими бобовыми стручками.

— Королева тобою очарована и наверняка предложит что-нибудь тебе в подарок, а ты попроси меня. Ой, она уже идёт сюда...

В тот же миг мальчик услышал другой голос, куда более пронзительный, резкий и властный, и, взглядевшись, увидел, что прямо перед ним на краю кровати стоит прелестное волшебное создание в сияющей драгоценными камнями короне и как скипетр сжимает в руке камыш, верхушка которого блистает роскошной гроздью изумрудов...

— Что это ты так пристально уставился на меня, невежа-здоровяк?! — требовательно выговорила повелительница фей. — Похоже, твои глазки слишком велики, чтоб ясно видеть с их помощью... Да и все вы, люди... такие несуразно огромные, толстокожие, неуклюжие твари... словно гигантские кони домовых!..

Завершив высокомерную тираду, Королева возложила свой великолепный жезл на веки Колина.

— Ну, глупец, и как всё выглядит сейчас? — поинтересовалась она.

В этот миг знакомая комната вдруг представилась мальчику гигантской житницей, которую переполняли, как зерно, существа росточком около двух дюймов. И лучи неверного лунного света, льющегося из окна, и рельефные балки потолочных перекрытий буквально кишели мириадами фей. Они развлекались, проделывая всевозможные трюки и выдумывая шалости; карабкались по всему, что стояло, лежало и висело в доме; сбивали друг друга с ног, азартно бросаясь пылью и сажей в лицо; внезапно вспрыгивали на шею зазевавшимся собратьям и ловко подставляли приятелям подножки, скалясь потом в недобрых ухмылках из дальних углов...

Вот два озорника, подхватив пустую яичную скорлупку, подкрались сзади к третьему. Тот сидел на краю стола, умирая со смеху от какого-то забавного зрелища. Правда, оно происходило внизу, на полу и потому видно было только ему. И пока увлечённый наблюдатель дирижировал чьими-то проказами, постанывая и взвизгивая от удовольствия, проворная парочка, хихикая, опрокинула скорлупку прямо на него, так что неудачливый весельчак неожиданно оказался в одиночестве, в непонятно откуда возникшей пустоте белой пещеры...

Справедливости ради надо заметить, что феи-дамы не принимали участия в подобных грубых шалостях. Их розыгрыши и выдумки, неизменно грациозные, были, главным образом, словесными, а не акробатическими...

Тут, не снимая жезла с глаз Колина, Королева продолжила свою речь:

— Знаешь, ты, сын смертного человека приятно удивил меня — повелительницу фей. Ведь я леди и Королева — существо из волшебного мира, чуждого низким стихиям, и потому не опускаюсь до подчинения их своей воле. Так что даже я — я! — не могу позволить себе делать всё что пожелаю. А ты мило услужил мне. Уже не первый год мне страшно хочется предпринять путешествие на корабле по этому ручью вниз, к океану. А ваш ужасный скотный двор — с тех пор, как твой прадед построил здесь дом — был единственным препятствием для осуществления моих заветных планов. И всё потому, что мы, феи, да будет тебе известно, ненавидим грязь во всех её видах, будь то заброшенный старый дом или немытое тело бродяги-оборванца. И в лесах, и на полях, и в лугах терпеть нечистоту и мусор нам неважно. Но самое невыносимое — испоганенные, втоптаные в грязь живые, стремительные водные потоки... Впрочем, нет смысла посвящать неразумного юнца в суть проблем, которые его не касаются. И вообще, не стоит долгие объясняться. Я поведала кое-что о себе, поскольку ты, потомок человеческий — славный мальчик и, пожалуй, достоин получить в награду за свою услугу то, что пожелаешь. И я разрешаю тебе: всё, что хочешь, проси у Королевы!

— Если можно, Ваше Величество, — сдержанно, взвешивая каждое слово, начал Колин, — я желал бы забрать маленькую девочку, которую вы унесли с собою семь лет назад, лишь только малютка родилась. Мне, Ваше Величество, хотелось бы получить в дар именно её.

— Это неприятно Нашему Величеству!.. — задохнувшись от гнева, резко выкрикнула Королева, и лицо её мгновенно помрачнело. — Попроси чего-нибудь ещё!

— Ни за что, понравится это Вашему Величеству или нет! — отвечал Колин храбро. — Ловлю Ваше Величество на слове, Вы дали обещание. Мне нужна только эта малышка, и ничего другого. И она у меня будет, вот так-то!

— Да как ты смеешь, наглый толстяк, разговаривать со мною в таком тоне?! — топнула Королева изящной ножкой.

— Смею, Ваше Величество.

— Тогда ты её не получишь!

— Ну, в таком случае я поверну ручей на кучу навоза, — стараясь выглядеть невозмутимым, изрёк Колин. — И раз уж вы относитесь ко мне настолько плохо, едва ли теперь я так просто позволю всей вашей компании без приглашения являться в мой дом, шуметь здесь, развлекаться и резвиться, когда и как вам заблагорассудится.

Мальчик, приподнявшись, уселся в кровати поудобней и оказался лицом к лицу с Королевой. Совершая эти несложные манипуляции, он случайно заметил благодарный взгляд очаровательной девчушки, блеснувший из полутьмы в изголовье его кровати. И сразу понял, что это и есть его давешняя маленькая собеседница: по тому, как затаённо она молчала, и как испуганно и утомлённо выглядела, и с каким внутренним напряжением прислушивалась к спору, нервно покусывая большой палец...

Повелительница фей тем временем сообразила, с кем ей приходится иметь дело, и, понимая, что королевское слово следует держать твёрдо, решила изменить тактику. Она нацепила на лицо притворно-сладчайшую маску, используя нежнейшие взгляды и улыбки и стремясь усыпить бдительность Колина. И когда лукавая светская дама проделала всё это, девичье личико за грядушкой кровати стало ещё более озабоченным, и пушистая головка горестно закачалась, и изящный пальчик от огорчения выскользнул из детского рта.

— Добрый, славный Колин, — ласково промурлыкала Королева, — ладно, я согласна, ты получишь эту девочку. Но сначала тебе придётся кое-что сделать для меня.

Изо всех сил пытаюсь предостеречь Колина, таившаяся в уголке бедная пленница отрицательно замотала головой — так живо, энергично и отчаянно, как только могла. Но поздно! Мальчик уже поддался на каверзу Королевы.

— Конечно, я готов. А что надо сделать? — наивно спросил он, связав себя, таким образом, новым обязательством и оказавшись во власти искусительницы.

— Ты должен принести мне Карачун. Целую бутылку, — хитро и удовлетворённо ухмыляясь, сказала фея.

— И что же это такое? — поинтересовался Колин.

— Это напиток, нечто вроде особого вина, которое делает людей счастливыми.

— А разве вы всё ещё несчастны, Ваше Величество?

— Увы, да, Колин, — отвечала Королева со вздохом.

— Но ведь теперь у вас есть всё, о чём вы мечтали!.. Разве не так?

— Кроме Карачуна, — холодно возразила фея.

— Вы же можете делать всё, что хотите, плыть и ходить, куда пожелаете...

— В том-то и дело. Всё легко и доступно, а мне хочется чего-нибудь необычайного — такого, что я пока ещё не полюбила, что никогда не доставляло мне неведомого удовольствия — потому что я просто ничего не знаю о нём, то есть ни малейшего понятия не имею! Ясно?.. Я желаю бутылку с Карачуном!..

И тут Королева захныкала, притворно, как балованное дитя, а вовсе не так, как могла бы плакать искренне опечаленная женщина.

— Как же мне раздобыть этот Карачун?

— Откуда я-то знаю! Ты сам взялся — вот сам и думай...

— Но это же нечестно! — возмущённо воскликнул Колин.

В ответ фея зашлась в приступе презрительного злого смеха, и заливиное эхо его долго перекатывалось по дому, как звон колокольчиков на шеях у сотни резвящихся овец. Потом величаво отвернулась и молча направилась прочь, к берегу потока, а там легко вспорхнула на борт поджи-

давшей лады, которая доставила её на королевский фрегат. Тут же, словно беспокойный рой пчёл, начали слетаться к ней галантные придворные, собираться деятельные моряки. Два маленьких существа выползли из мехов волюнки, одно — из её раструба, другое крохотное создание появилось из-под клапана; трое выбрались из-за плетёных ножен меча, что висел на стене; шестеро — все перепачканные белым — вынырнули из кадки с мукой... В том же духе суета продолжилась и потом. Повинуясь неведомому знаку своей повелительницы, слетаясь на её неслышимый зов, феи появлялись отовсюду, изо всех углов и щелей в доме. Гурьбою они направились к берегу ручья, к своим кораблям и лодкам. Среди них Колин заметил несчастную маленькую девочку, которая беспомощно ползала на коленях по палубе королевского парусника. Глаза пленницы были завязаны передником, а Королева трясла над ней кулаком и что-то сварливо кричала...

Не прошло и пяти минут, как все пассажиры вскарабкались на борт; моряки, умело маневрируя, вышли на фарватер — и флот быстро двинулся вниз по течению. Спустя несколько мгновений домик опустел, и всё в нём приобрело привычный вид, вернувшись на круги своя...

«Они же разобьются на скалах вдребезги!..» — словно очнувшись, воскликнул Колин, в ужасе вскочил и выбежал в сад. Но поздно!.. У водопада позади дома уже ничего и никого не было видно.

Ночь дышала свежестью и покоем. Ничто не тревожило душу, кроме мерцания лунного света и быстрого всплеска, мгновенно поглощённого мерным шумом воды, разбивавшейся о камни... Колину померещились как будто отдалённые тоненькие крики; слышались жалобные голоса, молящие о спасении; отчаянные вопли тонущих захлебнулись вдали... И почудилось, что среди них он различает безутешные всхлипывания маленькой девочки, которую так глупо потерял. Но, может, это были просто звуки, рождаемые течением, ведь разнообразию голосов бегущего потока нет конца...

Мальчик спустился вниз по ручью вплоть до его старого русла и, не обнаружив никаких следов недавней катастрофы, побрёл назад, домой. А там, лёжа в постели, долго ещё размышлял о случившемся и, наконец, с горечью признал, что, поддавшись на хитрые уловки Королевы, оказался настоящим глупцом. Усилием воли он заставил себя заснуть, несмотря на тяжёлые воспоминания об украденной феями девочке, которой, быть может, теперь никогда уж не стать взрослой женщиной...

Глава третья.

Старуха и Курица

К утру, однако, решимость бороться за малышку возвратилась к Колину, а слово «Карачун» неоступно крутилось и на разные лады повторялось в его мозгу, смутно напоминая о чём-то давнем, даже древнем — но необыкновенно важном.

«Люди в сказках всегда находят то, что хотят, — сказал он себе. — Почему бы и мне не попытаться найти этот Карачун? Очевидно, мои поиски не увенчаются успехом. Но не всё же в мире держится на том, что очевидно. Пожалуй, надо всё-таки попробовать».

Но с чего начать? Сомневаясь в том, что нужно предпринять, Колин обычно начинал делать хоть что-нибудь. И как только отец погнал овец на пастбище в холмы, мальчик поспешил к ручью, по которому приплыли ночью в дом сказочные существа. Задумавшись, он и не заметил, как добрался до начала сделанного им отводного канала.

«Смысла двигаться дальше, вверх по течению, нет, — вдруг решил он. — Королева знала бы, как раздобыть Карачун, находишься он в стране фей».

Тут Колин почему-то вспомнил, как ещё совсем маленьким он заблудился на дальней вересковой пустоши — дремучей, загадочно-пугающей, словно древний языческий мир, и как, уже порядком устав, набрёл на какую-то хижину, а войдя туда, обнаружил старую женщину, сидящую за прялкой у очага. Старуха рассказывала ему тогда такие необыкновенные истории (он их до сих пор вспоминает)... А потом объяснила, как вернуться домой.

Старая хозяйка хижины, подумал Колин, наверняка смогла бы помочь ему и теперь. Ведь уже в те годы женщина на вид казалась очень пожилой и опытной, а значит, сейчас должна стать ещё старше и мудрее. Итак, решено: надо скорее искать хижину, чтобы спросить у старухи, что же ему

делать дальше. С этой минуты поток перестал интересовать Колина. Взобравшись на холм за фермой, он отправился куда глаза глядят, и всё шёл и шёл, пока не очутился на бескрайней и уединённой вересковой пустоши.

Солнце скрылось за облаками, подул холодный ветер; небо глядело мрачно и безотрадно, и нигде не было ни малейшего намёка на жильё... Казалось, этот мир обречён на вечное запустение. Колин машинально влачил дальше, надеясь отыскать хижину хотя бы по воле случая; когда же странное оцепенение, навеянное сумеречным обликом местности, прошло, он обнаружил, что заплутал и не знает дороги назад. Обернувшись, чтобы понять, где оказался, мальчик вдруг увидел прямо перед собою знакомый домик. И вспомнил, что в прошлый раз тоже набрёл на него лишь тогда, когда, казалось, окончательно заблудился.

«Похоже, единственный способ найти что-то — это потеряться самому», — вслух подумал Колин. Он поднялся к хижине, стоявшей на небольшом возвышении и походившей на крупный пчелиный улей, выстроенный из торфа, и постучал в едва заметную невысокую дверцу.

— Заходи, Колин, — раздался голос. Низко склонившись, он повиновался.

Старая женщина сидела у маленькой печки и пряла пряжу — тем древним способом, каким это делали в прежние времена: с помощью прялки и веретена. В миг, когда Колин вошёл, прялка остановилась.

— Проходи и садись у огня, — продолжала женщина. — И рассказывай. Говори, что тебе нужно.

И тут Колин увидал, что у старухи нет глаз.

— Жаль, что вы слепая, — вежливо произнёс он.

— Не обращай на это внимания, милый. Несмотря на мою слепоту, я вижу больше, чем ты. Признайся же, наконец, чего ты хочешь. Тогда и посмотрим, смогу ли я что-нибудь сделать для тебя.

— А откуда вы знаете, что мне что-то нужно? — поинтересовался Колин.

— Вот уж не люблю я этого, — заворчала старуха в ответ. — Зачем ты тратишь слова понапрасну? Хлебные крошки не раскидывают без толку, и слов на ветер нечего бросать!

— Простите меня, — устыдился Колин. — Я всё вам расскажу.

И он поведал хозяйке свою историю.

— Ах, детки, детки несмышлёные! — вздохнула женщина. — Вечно вы шалите да проказничаєте. И ведь никогда не угомонитесь, пока кому-нибудь случайно не навредите, плохо не сделаете... Но, пожалуй, и впрямь пора немного вразумить капризную Королеву фей. Ты по душе мне, мальчик, и я научу тебя, что нужно делать, чтобы выполнить обещание. Ты отнесёшь повелительнице вожделенную бутылку с драгоценным напитком. Только, боюсь, отведав его, она разочаруется. Впрочем, это уже забота моя... Ну, к делу: слушай и будь внимателен! Сперва, Колин, тебе придётся грезить три дня, но при этом — не спать... Потом ты должен будешь трудиться трое суток кряду, но уже без всяких видений... А напоследок ещё три дня надо будет и работать, и мечтать одновременно. Вот и всё.

— Как же всё это устроится?

— Чем смогу — помогу. Но многое зависит и от тебя самого... А теперь пора тебе немножко подкрепиться.

С этими словами старуха встала, прошла в угол за свою кровать и возвратилась оттуда с большим золотистым яйцом в руке. Положив яйцо на сухой вереск, она тщательно укрыла его горячей золой. Затем снова уселась за прялку и принялась расспрашивать Колина об отце, о его овцах, о корове и обо всех-всех домашних делах. Оказалось, что ей известны все подробности его жизни!.. Наконец женщина наклонилась и, стряхнув пепел с яйца, положила его на тарелку, которую поставила перед Колином.

— Ой, а теперь яйцо сияет как серебряное! — удивился мальчик.

— Это как раз и означает, что оно уже готово, — с улыбкой пояснила старуха и села напротив.

Да ничего хоть вполовину такого вкусного Колин отродясь не пробовал! И уж точно никогда и не предполагал, что яйцо может быть настолько питательным: не съев ещё и трети, он почувствовал, что уже сыт по уши...

Между тем хозяйка предложила:

— Тебе что-нибудь рассказать, пока ты перекусываешь?

— О да, пожалуйста! — обрадовался мальчик. — Помню, прежде вы рассказывали мне такие замечательные истории...

— Пряха Дженни! — позвала женщина. — У меня закончилось волокно. Принеси-ка ещё немного.

В тот же миг из-за кровати вынырнула пёстренькая, неяркой расцветки, но довольно крупная курочка поразительно изящных очертаний. Поблёскивая умным круглым глазом, она степенно прошествовала через комнату, ставя на пол свои лапки так изысканно и важно, словно первейшая матрона (какою она, вероятно, и была). И, остановившись у выхода, с достоинством сообщила:

— Клёк-клёк...

— Ах да, дверь-то закрыта... верно ведь? — улыбнулась слепая хозяйка.

— Позвольте мне отворить ей, — предложил Колин.

— Сделай милость, дорогой.

— Ой, а что это за белые пушистые штуки? — изумился мальчик, увидев за порогом пышно разросшиеся тёмные травянистые кусты с белыми верхушками. Теперь, оказывается, старухина хижина стояла посреди целого цветущего острова этой буйной роскошной зелени. Да она просто утопала в травах!..

— Это собралась мои овцы, — спокойно ответила женщина. — Сейчас всё увидишь.

Тем временем Пряха Дженни вошла в траву и, грациозно вытягивая шею, старательно собирала клювом с верхушек растений белый пух. Когда его скопилось достаточно — столько, сколько можно было унести в клюве, курочка вернулась в дом, аккуратно опустила собранное на пол, затем отделила от пуха зёрна, проглотила их — и тут же отправилась за следующей порцией. Старуха подняла волокно и, прикрепив кудель, придала веретену нужное положение, а затем отпустила его и потянула с прялки ровную нить... Закружившись, веретено вдруг засверкало всеми цветами радуги. Глядеть на него было одно удовольствие! Каким-то чудесным образом руки прядильщицы из старых и морщинистых вдруг превратились в юные и прекрасные, с длинными тонкими пальцами, которые безостановочно вытягивали пряжу, работая ловко и скоро... И они тянули и тянули нить, а веретено всё мелькало и крутилось, и курочка продолжала размеренно входить и выходить, принося пух и склёвывая зерна, и безмятежный голос женщины всё звучал, и одна история сменялась другою...

Колин подумал, что, верно, мог бы просидеть здесь всю жизнь, слушая дивные рассказы хозяйки дома. Иногда ему казалось, что юркое веретено прилежно вытягивало эти истории, словно ровную нить, откуда-то из-за колеса волшебной прялки... Порою — будто искусные пальцы прядильщицы мастерски вплетали их в основу, как тонкие пуховые волокна... Или вдруг виделось, как курица усердно собирала их, обрывая сухие пушистые верхушки высокой, как кусты, длиннолистой травы, и принося их в клюве в дом, и роняя на пол...

Но вот веретено закружилось медленнее и наконец, дрогнув, остановилось. Пальцы женщины выпустили нить, курица направилась отдыхать в своё убежище, за кровать, и голос слепой рассказчицы смолк.

— Мне, кажется, пора идти, — очнувшись, вздохнул Колин.

— Да, пора, — подтвердила старуха.

— Пожалуйста, объясните мне, что значит грезить три дня без сна.

— Эта часть твоего испытания уже позади, — промолвила хозяйка. — Она только что завершилась. Я же обещала тебе помочь, чем смогу.

— Значит, я пробыл у вас три дня? — изумился Колин.

— И три ночи тоже. И я, и Пряха Дженни страшно устали и хотим спать. Видишь, Дженни снесла три яйца — вот они здесь лежат, рядом с тобою. Поторопись, мой мальчик.

— Пожалуйста, посоветуйте мне, что делать дальше, — попросил Колин.

— Пряха Дженни выведет тебя на дорогу. По ней доберёшься до нужного места и передашь тому, кого там встретишь, вот что. Скажи ему: старуха с веретеном желает, чтобы Гору Тяжких Костей подняли на ярд повыше, а дымоход от жаровни направили прямо под бесплодные мхи на краю болота у Истощённого Камня... Дженни, покажи Колину путь.

С сердитым клёкотом Дженни вышла из угла и уверенно повела мальчика через вересковую пустошь по хорошо знакомой ей, видимо, еле заметной тропке, которую, кажется, способна найти

была только курица. Внезапно провожатая развернулась и, оставив Колина в одиночестве, безмолвно отправилась назад, к хижине.

Глава четвёртая.

Чёрный Кузнец-Великан

Почти наугад находя в зарослях вереска тропинку, будто едва намеченную куриными лапками, Колин шёл по ней до самого заката солнца. Уже в сумерках где-то впереди он увидел смутное мерцание. Это был первый знак чудесной помощи с тех пор, как Пряха Дженни покинула Колина в дикой, выморочной и пустынной местности, и он особенно обрадовал мальчика. Ориентируясь по слабым проблескам света, к ночи он добрался, наконец, до продымлённой кузницы. А там, заглянув в полуоткрытую дверь, обнаружил огромного горбатого кузнеца, который работал двумя молотами, держа их по одному в каждой руке.

Увидев Колина, великан как-то плотоядно усмехнулся и пророкотал:

— Входи, входи... Моим малышам ты понравишься...

Это было настоящее чудовище, с огромной заячьей губой и с багровым шаром вместо носа!.. Что бы он ни делал — говорил ли, смеялся или чихал — могучие ручищи ни на мгновение не прекращали работы. Частые искры летели кузнецу в лицо, но всякий раз он ловко захватывал их своими сверкающими глазами цвета полуостывшего угля — то одним, то другим; и чем больше искр попадало в ненасытные эти глаза, тем ярче сияли угольные зрачки исполина. В тот миг, когда вошёл Колин, горбатый мастер перенёс громадный кусок железа из горна и, используя оба молота, так приналёг на работу за наковальней, что совершенно скрылся в клубах горячих искр. А вот Колина пришлось поскорее крепко зажмуриться и отскочить в сторону. Хорошо ещё, что ему удалось легко отделаться — всего лишь несколькими ожогами на лице и руках.

Кузнец молотил по железу до тех пор, пока оно, остыв, не стало почти чёрным. Тогда великан снова положил его в огонь и, обернувшись, выкрикнул во тьму череду страшных имён:

— Сюда спешите, Прыщ, Слюнтяй, Косматый, Камнепад, Задвигун, Колотун, Спотыкун, Мучитель!.. Мышеловец, Клякса, Картофельная Пасть и Хмурый Палач!..

В ответ на зов его один за другим безобразные карлики вывалились в кузню из дымохода в углу, где рычало пламя. Они столпились вокруг Колина и принялись увлечённо корчить отвратительные рожи, одна другой страшнее, и плевать в незваного пришельца огнём. Некоторое время мальчик старался сохранять полную невозмутимость. Однако когда один из злобных уродцев больно ущипнул его своими корявыми когтями, Колин не удержался и изо всех сил заехал тому по уху.

О, что это была за боль!.. Колина показалось, что рука его разлетается на мелкие кусочки... Это был шок, а голова — его собственная голова! — зазвенела и закачалась, словно пустой железный горшок на шесте!

— Но-но, юноша! — прикрикнул кузнец. — Убери-ка свои кулаки от моих ребят.

— В таком случае скажите им, чтобы сами меня не трогали, — огрызнулся Колин.

Сосредоточившись и с трудом преодолев гудение в голове, мальчик попытался восстановить в памяти послание, которое требовалось передать столь любезным хозяевам по поручению старухи из хижины, напоминавшей улей. Тем временем карлики, собравшись гурьбою, снова начали подбираться к нему, а их взгляды засверкали ещё более мерзко и кровожадно. Колин понял: мешкать некогда — и всё ещё сердито добавил:

— Ну, вы, чёртово отродье!.. Вот уж я не собираюсь больше терпеть ваши гнусные выходки! Немедленно принимайтесь за свою работу. Старуха с веретеном велела вам поднять Гору Тяжких Костей на ярд выше и подвести дымоход от жаровни прямо под бесплодное болото у Истощённого Камня.

В ту же секунду карлики исчезли в трубе дымохода. Ещё через миг кузница вздрогнула до самого своего основания. Кузнец, однако, не обратил на это особого внимания, только заработал ещё быстрее. Затем послышался страшный грохот, раздался треск — и сильнейший толчок сбил Колина с ног. Кузнец пошатнулся, но молотов не выронил и даже не пропустил ни одного удара по наковальне.

— Мои сорванцы вечно норовят всё испортить, — проворчал он. Потом, повернувшись к Колину, сказал: — А вы, сэр, возьмитесь-ка вот за этот молоток, поменьше. Здесь не место для бездельников. Работать не будешь — так тебя и растерзают в одно мгновение.

И тут из дымохода вырвался мощный порыв горячего ветра, который выдул весь огонь из горна прямо в центр кузницы. Кузнец, нахмурившись, бросился к развороченному горну и в одно мгновение исчез из вида. Вскоре он вернулся с одним из зловредных «малюток» под мышкой. Тот усердно пинался и пронзительно визжал. Великан уложил безобразную голову карлика прямо на наковальню, придержал пленника там за шею и, выдохнув, нанёс ему сокрушительный удар чуть выше уха своим громадным молотом. Молот со звоном отскочил, карлик дико взвыл, и кузнец швырнул провинившегося в горячий дымоход, приговаривая:

— Ну-ка, остынь, парень... Похоже, сейчас это единственный способ тебе услужить, Слюнтяй... В другой раз, надо думать, будешь осторожней.

И тут же, быстро подняв с пола второй молот, великан обратился к Колину:

— А теперь, юноша, нам пора за работу... Старайся успевать ударить своим молотком в очередь после каждого из моих ударов — и с тобою будет всё в порядке. Но если остановишься или пропустишь очередной удар, не мне придётся отвечать за последствия перед старухой с веретеном!

Колин молча поднял небольшой молоток, на который указал ему кузнец, и принялся за дело, пытаясь исполнять свою часть работы как можно лучше. Мальчик старался изо всех сил, однако вскоре понял, что прежде он ни в малейшей степени не представлял себе, что такое настоящий труд. Словно играючи стучал по наковальне двумя тяжеленными молотами кузнец-великан, а всё, что удавалось Колину, так это бить по раскалённой заготовке маленьким молоточком, крепко сжимая его обеими руками. И требовалось невероятное напряжение всех его детских сил для того, чтобы без опозданий отвечать ударом на удар кузнеца...

Однажды Колин зазевался, и молот кузнеца обрушился на верхнюю часть молотка, находящегося в руках у мальчика, вмиг расплющив стальную болванку на наковальне, как тонкий лист!.. Рукоять же от молоточка, пролетев через всю кузницу, впечаталась в стенку, словно выброшенное из пушки ядро.

— Я же тебя предупреждал, — с укором произнёс кузнец. — Вот другой молоток, держи. И поворачивайся поскорее, не то мои малыши соскучатся по тебе, да и по мне тоже, задолго до того, как поднимут Гору Тяжких Костей хоть на полфута вверх...

Будто таинственным образом услышав слова великана, в тот же миг самый большеголовый из семейства карликов вынырнул из дымохода.

— Шестифутовые клинья и трёхъярдовый железный лом, срочно!.. — потребовал он. — Иначе Тяжкие Кости вот-вот придавят всем своим весом наши бедные косточки...

Кузнец поспешил за горн и вынес оттуда длинный железный брус толщиной около трёх дюймов. Отделив от него кусок в три ярда, он поместил конец в огонь, подул мощно и властно — и извлёк заготовку из печи: уже белую, как бумага, и пышущую жаром. Они с Колином трудились над ломом до тех пор, пока один конец бруска не стал плоским и острым, как лезвие, которое кузнец, прищурившись, смерил на глаз и точным движением слегка подогнул кверху. Подавая готовый инструмент большеголовому карлику, он сказал:

— Вот лом, возьми, Плевок, и беги с ним поскорее. А клинья будут готовы, как вернёшься.

И, не медля более ни секунды, они принялись за клинья.

Колин трудился за троих. Прежде он и понятия не имел, что умеет так работать. Никакого отдыха, кроме краткой передышки, когда Кузнец отходил к горну за новым раскалённым брусом! И ещё, к собственному изумлению, Колин обнаружил, что чем больше он работал — тем сильнее, казалось, становился. Слабость, изнеможение — всё отступало раз за разом, удар за ударом. И вместо того, чтобы, обессилев, опустить руки, в мгновения роздыха Колин собирался с духом — и силы опять прибывали откуда-то, и ему хотелось снова и снова с полной отдачей заниматься нелёгким кузнечным делом: ковать, формовать... Мальчик с радостью ощущал, что вырос чуть ли не вдвое с тех пор, как взял в руки молот. А карлики всё продолжали вбегать и выбегать, требуя то одно, то другое. Колин подумал: если они и в самом деле используют все эти инструменты по назначению, трудиться беднягам приходится достаточно тяжело. Жаркая суeta, волнами поднимавшаяся в кузнице, свидетельствовала об их чертовски напряжённых усилиях, причём где-то

совсем неподалёку. И чем дальше мальчик и великан работали вместе, тем дружелюбнее становился последний. Наконец кузнец произнёс (всякий раз слова как будто добавляли крепости его и так невероятно могучим ударам):

— Хотел бы я знать, для чего старухе понадобилось вносить улучшения в устройство болота у Истощённого Камня... С чего это вдруг она решила укрепить и утеплить его основание?

— Я и не знал, что она собиралась как-то его улучшить, — честно признался Колин.

— Ну, это же ясно как день. Во-первых, Гору Тяжких Костей требуется на ярд поднять. Это для того, чтобы направить порывы северо-восточных ветров поверх Горы — так они не затронут болота. Потом, старуха хочет, чтобы под влажным торфяным основанием болота проходил горячий дымоход... Всё просто, как молоток! Ты ведь, я уверен, просил старуху как-то помочь тебе? Уж я-то её хорошо знаю: вечно она старается для людей, а мои старые кости заставляет скрипеть от натуги...

— Не заметно, чтобы вас это слишком занимало, сэр, — осторожно заметил Колин.

— Ещё чего, — буркнул кузнец, сопроводив свои слова ударом, который вогнал наковальню в землю чуть ли не наполовину, и потом великану пришлось немало потрудиться, чтобы снова извлечь её оттуда. — Но мне надо знать, что ещё у старухи на уме.

Тогда Колин рассказал Кузнецу всё, что знал о намерениях старой хозяйки хижины, но эта история, конечно, в основном отражала его собственный взгляд на вещи.

— Понимаю, понимаю, — кивнул, тем не менее, Кузнец. — Это всё призрачный лунный свет... Придётся нам постараться и во что бы то ни стало сделать всё, что велит старуха. Ну, теперь моя очередь поддержать тебя, ведь ты хорошо работал. Когда покинешь кузницу, иди прямо к болоту у Истощённого Камня. Выбери самое высокое его место; очерти там круг трёх ярдов в поперечнике и вырой по окружности узкую канавку. Я дам тебе лопату... Всё время оставайся внутри круга. На закате первого дня из земли пробьётся виноградная лоза. Ближе к концу второго она покроет землю по всей поверхности круга. А на исходе третьего созреет тёмный виноград. Выжимай виноградины по одной в бутылку — её я тебе тоже дам — до тех пор, пока сосуд не наполнится доверху. Тогда поплотнее закупорь его, и к тому времени, когда Королева фей явится за напитком, это и будет Карачун.

— О, спасибо, спасибо вам! — радостно воскликнул Колин. — А когда мне можно будет уйти?

— Как только ребята поднимут Гору Тяжких Костей и направят дымоход под лишайники болота. До той поры смысла нет.

— Что ж, я готов продолжать работу, — отозвался Колин и устремился к наковальне.

Через минуту-другую вошёл давешний карлик по имени Слюнтяй, чью голову отец-кузнец так основательно подправил молотком, и вежливо сообщил:

— Всё в порядке, сэр. Малыши собирают инструменты, а потом — сразу ужинать.

— Вы уверены, что подняли Гору хотя бы на ярд? — спросил кузнец.

— Соня говорит, что даже на полдюйма выше ярда. А Ворчун считает, что на три четверти дюйма. Но разве это так уж важно?

— Нет, думаю, не слишком. Но приятно быть точным... А дымоход готов?

— Да, часть его нам удалось сделать. Ещё когда поднимали Гору...

— Прекрасно. А как твоя голова?

— Звенит немножко.

— Пусть она прозвенит тебе строгое предупреждение на будущее, Слюнтяй.

— Да, сэр.

— Ну, маленький мастер, теперь можешь уходить, как только пожелаешь, — обратился Кузнец к Колину. — Стыдно сказать, но у нас нечем тебя накормить.

— Пустяки, я не слишком голоден. Только старуха с веретеном говорила, что мне надо ещё поработать трое суток без всяких видений...

— Конечно. Но ведь тебе и некогда было мечтать тут, у нас?..

И кузнец-великан, задав вопрос, свирепо взглянул на мальчика и угрожающе поднял молот, словно, если б что не так, не в шутку предполагал немедленно услужить Колину тем же способом, что и Слюнтяю.

— Нет-нет, что вы, какие мечты! Ни за что не получилось бы, — отвечал Колин. И с уважением добавил: — Вы хорошенько об этом позаботились, сэр.

Кузнец наконец-то улыбнулся.

— Ну, тогда вперёд, — сказал он. — Значит, всё в порядке.

— Но ведь я проработал только...

— Целых три дня, да ещё три ночи, — с улыбкой перебил кузнец. — Так что беспокоиться не о чем. Не будь этого, мальчики уж позаботились бы о тебе... А теперь держи свою лопату. И бутылку не забудь, мастер.

Глава пятая.

Виноградник во мхах

Больше намёков Колину не требовалось, и он выскочил из кузницы, не задерживаясь ни на миг. Спohватившись, было, он обернулся, чтобы подробнее расспросить про дорогу — но его взгляд не обнаружил ничего, кроме большой кучи болотного торфа, собранного кем-то и, очевидно, оставленного здесь на просушку.

«А не оказался ли я ненароком прямо на болоте у Истощённого Камня?!» — с тайной надеждой подумал мальчик.

Солнце тихо клонилось к закату. Попробовать, что ли, дотемна поискать тут самую высокую точку? Придя к такому решению, Колин двинулся вверх по склону и через некоторое время достиг, наконец, приметного возвышения, откуда видны были все окрестности далеко вокруг. Мальчик огляделся: с северо-востока высился пик — не иначе как Гора Тяжких Костей! Посматривает на него вон как гордо, сверху вниз, того и гляди придавит своим бременем!.. А здесь, у самых ног его, лежит одно из яиц, снесённых хлопотливой Пряхой Дженни, яркое, как серебро. Да вот и крошечная тропка, протоптанная, процарапанная лапками курицы. Она лёгкими штрихами, словно намечая, очерчивает круг на земле — как раз такого размера, что велел нарисовать кузнец.

Колин сразу принялся за дело. Для начала, усевшись в центр еле заметного круга, съел яйцо — подарок Дженни, а затем старательно прокопал по краю окружности узкую, но глубокую канавку, превратившую возвышение, на котором он находился, в маленький островок.

Три дня, проведённые здесь Колином, были счастливейшими днями его жизни. Он ясным умом осознавал и чистым сердцем искренне принимал всё, что делал и придумывал сам, и в то же время мальчик чувствовал: он всем существом своим сросся с окружающим миром. Колину стало ясно, что такое тростник и почему цветок его появляется, выпуская стрелку именно с этой стороны; и отчего она снаружи красновато-коричневого цвета крови, а её нежная пушистая серединка — белая; и зачем плотные кожистые листья зелены. Грезя, ребёнок говорил себе: «Да, если б я был тростником, именно так я и рос бы, и так бы цвёл...» И он понимал, каково это: выжить вереску, с его прохладными, глубоко уходящими в безжизненную болотную гниль корнями и с ломкой полупрозрачной кроной, усыпанной хрупкими пурпурными колокольчиками... Душа Колина ощущала себя сродни выглядевшим вполне разумными хлопковым зарослям — тем, которые старуха из хижины называла своим овечьим стадом. И почему-то казалось, что теперь ему из себя самого прядь за прядью надо вытягивать длинную белую хлопковую бороду — волокнистую основу, из которой слепая провидица, сидя у огня, плела бы, сучила свою нить... И он точно знал, для чего нужна была эта нить: из неё свивается мягкая белая ткань, из какой шьют потом ночные одеяния для всех добрых людей, что отойдут к смерти как ко сну. Потому что всякий славный человек, на котором надеты светлые погребальные одежды, сотканые старухой, никогда не умирает: грезя в прохладе, весь отдавшись течению удивительных неторопливых мечтаний, он лежит там, на своём ложе — до тех пор, пока мир не прейдёт и не настанет время человеку восстать снова и принять участие в Творении...

Кожу Колина оведал свежий ветер, играющий с каждой былинкой травы, с каждым виноградным листом в его очарованном круге. Он чувствовал токи тепла, что поднимались от горячего подземного дымохода, созерцал игру туманных болотных испарений и предвосхищал заветное мгновение, когда лоза должна будет проклюнуться из земли, он вместе с нею собирал живые соки и направлял их ввысь, от корней к гроздьям... И всё это время ему мнилось, что он по-прежнему находится дома — как обычно присматривает за коровой, готовит ужин отцу или читает, сидя у камина в ожидании его возвращения с пастбища.

И настал вечер третьего дня. Колин отжал истекающие соком чёрно-красные виноградины в тёмную бутылку, крепко закупорил её, положил лопату на плечо и направился к дому. Его ориентиром в пути была дальняя, неправильной формы вершина, которую он узнал на расстоянии. Пройдя всю ночь при свете луны, поутру мальчик добрался до места, которое уже было ему совершенно точно знакомо, и, спустившись оттуда вниз по течению ручья, поспешил домой.

Он встретил отца — тот отправлялся на пастбище с овцами и несказанно обрадовался, увидев Колина живым и невредимым, так как страшно о нём беспокоился. В те давние времена легче, чем теперь, верили в чудеса, и после того, как мальчик рассказал обо всём, что пережил и передумал в период своих девятидневных странствий, пастух не посмеялся над Колином, а напротив, крепко задумался, идя с отарой на холмы. Проводив отца, Колин заторопился в дом, где за время его отсутствия накопилась тьма работы. Мальчик заботливо уложил бутылку в сундучок со своими праздничными воскресными одеждами и принялся за привычные домашние дела — так же, как бывало и прежде.

Таинственный ручей всё ещё весело струился через их жилище. Но, несмотря на то, что Колин упорно наблюдал за ним допоздна каждую ночь, специально дожидаясь времени, когда в окна домика всюду светила луна, волшебный флот всё не прибывал, и маленькие парусники не мерцали мокрыми бортами в лунных бликах, и в прихотливом течении потока не танцевали вёрткие лёгкие лодочки.

Вот уже и осень пришла, и холодные туманы стали подниматься над водою и бродить по комнате... И Колин повернул ручей обратно в его старое русло, заделал бреши в стенах и заложил глиной узкий канал в полу, торопясь успеть до начала близких и суровых зимних бурь.

Такой тяжкой зимы он ещё не помнил. Колин чувствовал какую-то усталость и непонятную грусть. Он не мог удержаться от постоянных раздумий о печальной судьбе маленькой девочки, пленницы фей. Размышляя о том как, должно быть, ей теперь холодно и одиноко, он представлял, как малышка, наверное, говорит себе: «Жаль, что Колин не был хоть чуточку поумнее. Тогда б он меня не потерял...»

Глава шестая.

Последствия

Наконец пришла весна, а после весны — лето. В первый же тёплый день Колин взял лопату и кирку — и вновь ручей устремился в низину через домик, на все лады распевая и резвясь. Восторг Колина был неопишем. Мальчик снова увлечённо смотрел ночами на поток, хотя ни луны, ни сказочной флотилии не было.

Больше недели минуло со дня возвращения потока в дом. Наконец на девятую ночь, как будто задремав, Колин опять открыл глаза и с новой силою преисполнился ожиданием.

Вот оно!.. Мгновение — и комната озарилась мерцающим лунным светом и волшебным сиянием!.. Крохотные лодочки снова покачивались на воде, а Королева в сопровождении всей своей свиты высаживалась на берег, и феи уже принялись изящно пританцовывать на глиняном полу...

Колин времени даром не терял.

— Королева, а Королева! — обратился он к надменной фее. — Я принёс тебе Карачун, целую бутылку!..

Танец мгновенно прекратился, и Королева легко вскочила на краешек кровати, где лежал мальчик:

— Не выношу взгляда твоих пристальных, безобразно-громоздких глаз... надо избавиться от него, прежде чем вступать с тобою в разговор.

И она, как когда-то, возложила свой магический камышовый жезл на веки Колина, после чего тот увидел фей вшестеро большими по размеру, чем прежде. Повелительница высокомерно продолжала:

— Где Карачун?.. Давай его сюда!

— Он у меня в сундуке под кроватью. Если Ваше Величество отойдёт в сторонку, я вам его до стану.

Королева спрыгнула на пол, и Колин, привычно соскользнув с постели, выдвинул свой небольшой сундучок и достал заветную бутылку.

— Вот она, Ваше Величество, — произнёс мальчик, но не предложил бутылку Королеве.

— Сейчас же отдай её мне! — потребовала Королева, протягивая руку.

— Сначала вы вернёте мне девочку! — дерзко возразил Колин.

— Да как ты, юнец, смеешь торговаться со мной?! — разозлилась Королева.

— Ваше Величество изволили начать со мною торг первой, — невозмутимо парировал Колин.

— Но ты-то после этого попытался всем нам свернуть шеи! Ты же соорудил отвратительный, мерзкий водопад на противоположной стороне вашего садика!.. Наши корабли разлетелись в щепки, да и сами мы едва спаслись! Вдобавок потом ещё пришлось ожидать, когда приведут наших лошадей... Если б я разбилась, ты уже никогда не смог бы вступить со мною в сделку, и некому было бы теперь предлагать свои условия!

— Я вижу, вам больше по вкусу головоломный спуск по моему водопаду, — заключил Колин.

— Твой водопад!.. — возмущённо взвизгнула Королева. — Да что ты несёшь?! Все воды, истекающие из Одинокого Озера, да будет тебе известно, принадлежат только мне — и никому больше! Все потоки, все водные пути и ручьи, все, до самого океана — мои, уж поверь!

— Кроме тех мест, где ручьи протекают через территорию ферм, Ваше Величество.

— Я выдворю тебя из страны! — пригрозила фея.

— В таком случае, я снова убираю бутылку в ящик, — сообщил Колин и сделал шаг к сундучку.

— Ко мне Игрушку, быстрее!.. — злым голосом приказала придворным вконец раздосадованная повелительница. Подталкиваемая тычками фей, несчастная малышка тихо подошла к ней, остановилась чуть сзади и со слезами на глазах взглянула прямо на Колина.

— Дай-ка мне твою руку, крошка, — мягко произнёс Колин, подавая девочке свою.

Она повиновалась. Рука была холодная как лёд.

— Отпусти её сейчас же! — приказала Королева.

— Не отпускаю, — возразил мальчик, — она моя.

— Тогда отдавай мне бутылку! — потребовала фея.

— Не делай этого... — запнувшись, вымолвила девочка.

Но было поздно: бутылка с Карачуном оказалась в руках у повелительницы фей.

— А теперь держи свою девочку! — удовлетворённо крикнула фея и издевательски расхохоталась.

— Да, держи, держи меня крепче, — всхлипнула малышка, — держиш-ш-ш-шь?..

Её плач потонул в шипении. Колин почувствовал, что сжимает в кулаке что-то скользкое и извивающееся и, глянув вниз, обнаружил вместо маленьких детских пальчиков корчащегося в руке огромного землисто-серого червя.

— Если это змея, я её задушю, — прошептал он. — А если это девочка, я её удержу.

В тот же миг змея превратилась в белого крольчонка, который жалобно смотрел мальчику в лицо и пытался вырвать свои передние лапки из жёсткого захвата. Но хотя Колин и старался, по возможности, не причинять зверьку боли, лапок он не отпустил. Тогда кролик превратился в громадную, как пантера, чёрную кошку, с глазами, пылающими зелёным огнём. Она яростно шипела, изгибалась, била хвостом, но тщетно: мальчик держал крепко. Потом кошка стала лесной голубкой, которая трепетала, и пугливо вспархивала, и металась, пробуя освободить своё крыло из руки Колина. Однако он ещё крепче сцепил пальцы...

Всё это время, пока продолжалась череда волшебных превращений маленькой девочки, Королева безуспешно пыталась вытащить пробку из бутылки. И вот настал момент, когда пробка наконец поддалась её усилиям... Но тут драгоценный сосуд выскользнул из рук Королевы — и, вскрикнув горестно и пронзительно, гордая фея, владычица водных путей, замертво упала на тёмный глиняный пол. Карачун заструился по утрамбованной глине, и странный аромат наполнил домик. Придя в себя после глубокого обморока, Королева медленно поднялась и оттолкнула руки поддерживавших её придворных. Трепеща и вздрагивая, стояла она над опрокинутой бутылкой, и весь двор капризной повелительницы, приблизившись к ней, тоже всхлипывал и дрожал, и юные прекрасные лица сказочных существ с каждым мгновением изменялись, становясь всё более старыми и морщинистыми...

Первой пришла в себя Королева. Согнувшись и пошатываясь от слабости, как старуха, она молча направилась к лодкам, и вмиг одряхлевшие придворные безмолвно последовали за нею, хромя и содрогаясь, с искажёнными лицами и потухшими глазами...

Колин застыл, глядя на таинственные метаморфозы в немом изумлении. Он всё ещё видел их здесь, рядом, всей гурьбой возвращавшихся восвояси ни с чем, и в то же время слышал за стенами домика смутный затухающий шум, и казалось, что в даль уходила большая компания — множество женщин и мужчин, безутешно о чём-то рыдавших...

Они поплыли вниз по ручью. Обессиленные гребцы, бросив вёсла, сгибались в горьком плаче, позволяя лодкам свободно дрейфовать по течению. Вся флотилия исчезла из виду, словно растворилась в неверном лунном свете, и лишь ненадолго звук водопада, принесённый ночным ветром, казалось, стал громче, чем прежде... Но — увы! — когда Колин очнулся от грёз, он обнаружил, что рука его невольно разжалась, и лесная голубка упорхнула. Делать было нечего, разве что приказать себе немедленно уснуть, ни о чём не думая больше, — он умел это делать. И Колин заставил себя провалиться в сон.

Утром мальчик поднялся с постели совершенно разбитый и с трудом принялся за домашние дела. Но в тот миг, когда он вошёл в коровник, мир снова засиял красками жизни: рядом с рыжей коровой на скамеечке для дойки молока, поджав босые ножки, сидела чудесная малышка. Сидела в одном белом платьице — и тихо плакала.

— Я так замёрзла, — пожаловалась она, всхлипнув.

Колин подхватил её на руки, вбежал с драгоценной ношей в дом, уложил девочку в постель и принёс от коровы чашку парного молока. Бедняжка выпила его с жадностью изголодавшегося котёнка, опустила голову на подушку и крепко уснула. Колин заметил, что, хотя девочке было, по её собственным подсчётам, около восьми лет от роду, лицо её казалось младенческим, едва ли старше по виду, чем у восьмимесячного ребёнка.

Вернувшись домой, отец в недоумении застыл, увидев дитя, лежащее в кровати. Колин поведал ему о случившемся. В ответ отец рассказал мальчику, что встретил сегодня поутру цыганский табор, странствующий по холмам.

— Ты всегда был мечтателем, Колин, даже когда и говорить-то толком ещё не умел, — улыбнулся пастух.

— Но разве ты не чувствуешь запаха Карачуна в доме?

— И правда, аромат очень приятный, — согласно кивнул отец. — Наверное, это пахнут желто-фиоли, вьющиеся по садовой ограде. Сколько цветов на них в этом году!.. Думаю, и в сказочной стране фей нет ничего нежнее. А, Колин?..

Мальчик не стал возражать.

Малышка проспала три дня подряд. И ещё три дня она не произносила ни звука, кроме жалобного: «Мне так холодно, холодно!..» Потом девочка начала потихоньку оживать и обращать внимание на то, что происходит вокруг неё. Три недели она ничего не могла есть и лишь пила парное молоко, ни за что не соглашаясь выйти из тёплого угла рядом с дымоходом; по прошествии ещё некоторого времени начала понемногу помогать Колину в домашней работе, и когда молчаливая крошка хлопотала по дому, лицо её становилось раз от разу всё более осмысленным. Девочка делала заметные успехи, и месяца через три научилась вести хозяйство не хуже Колина, притом по-женски опрятно. Теперь Колин иногда давал ей задания на весь день и мог уйти с отцом на холмы пасти овец: пора уж было и ему осваивать пастушье дело.

Года три так всё и шло. И Фея, как ласково прозвали девочку, росла и хорошела, всё взрослея и умнея и с каждым днём всё больше заглядываясь на Колина. На исходе третьего года отец решил отослать сына в школу, где работал его старинный друг, школьный учитель. Тревожная мысль о том, что Фея, оставшись без его защиты, может подвергнуться опасности, ни на миг не покидала мальчика, и перед отъездом он заставил подружку дать твёрдое обещание никогда не подходить к ручью после заката солнца. Колин вернул поток в старое русло ещё в тот день, когда Фея чудесным образом нашлась в яслях, заплаканная и замёрзшая. Теперь же, поручая её заботам отца, он попросил его особенно тщательно присматривать за девочкой в дни полной луны, потому что в эти периоды Фея становилась беспокойной и странно молчаливой, и её серо-зелёные глаза, казалось, видели что-то недоступное другим...

Прошло ещё три года. По завершении учёбы в школе Колин собрался домой, но учитель не отпустил его, настояв на том, чтобы способный мальчик окончил ещё и колледж. В колледже сын пастуха также пробыл три года.

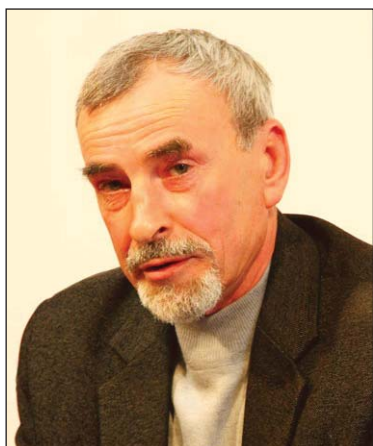
Воротившись, наконец, в родной дом, юноша увидел Фею — и изумился. Её разившийся ум и удивительная хрупкая красота до глубины души поразили его, и он отчаянно влюбился в девушку. Что ж до самой Феи, то она давно знала, что сердце её без остатка принадлежит только Колину. Она любила его всегда, с первой их встречи... Нет, с рождения... или ещё до него; как долго — она не помнила. И пастух согласился благословить их брак при условии, что свадьба состоится сразу же после того, как у Колина будет свой дом, куда можно привести молодую жену. Отцовы доводы были разумны. Колин отправился в Лондон. Там он без устали напряжённо работал, чтобы скопить денег, которых было бы достаточно на покупку дома. Наконец приобретя в Девоншире маленький коттедж, он постарался всё устроить там как можно лучше для семьи.

Молодые выехали на новое место жительства сразу после свадьбы, и Колин радовался, что увозит жену от опасного соседства с повелительницей фей, на которую ни в чём нельзя было положиться.

(Продолжение в следующем номере)

Геннадий Сазонов

Отблеск

Повесть

*В 2015 году древняя тверская земля отмечает особо важную дату — **1000-летие** становления христианства. Здесь, в моём родном краю, закладывались основы русской государственности и культуры, так же, как это происходило в Великом Новгороде и Старой Ладогге.*

В истории Верхневолжского края духовная составляющая всегда играла исключительную роль, была связана в первую очередь с постижением русского характера и становлением лучших традиций нашего Отечества. Свой заметный след оставили тверские представители благочестия в истории Русской православной церкви. Среди них яркой звездой светит и поныне имя первого русского Патриарха Иова, нашего земляка, уроженца Старицы. В повести «Отблеск», посвящённой тому, как сохранить духовные начала на русской земле, исключительное место занимает как раз Патриарх Иов, он является одним из главных действующих лиц. Патриарх предстаёт читателю в самый критический момент тогдашней истории Руси, и он с честью и достоинством выходит из сложного испытания.

Здесь человек лишь снится сам себе...

Фёдор Тютчев

1

Откуда у неё русская душа? У этой женщины с умными и грустными глазами, детской застенчивой улыбкой, если полвека она прожила в далёкой заокеанской стране?

Там всё чужое, русским духом не пахло и не пахнет. Откуда всё взялось?

Она же, не сомневаясь ни капли, открыла самое сокровенное: «У меня всегда была русская душа!»

О, это очень любопытно!

Душу дарует человеку Господь, а вбирает она в себя весь мир в самом младенчестве.

Ну, что же? Тогда вернёмся в её младенчество.

Оно выпало на середину минувшего века, на ту пору, когда Советский Союз разгромил фашизм, и едва ли не вся Европа лежала в развалинах, та самая Европа, что в 1941 году жаждала уничтожения России и пела хвалебные гимны вождю нацистов Гитлеру.

Но ребёнок, естественно, не ведал обо всех этих «взрослых проблемах». В выходные мама брала Катю за руку, и они пешком шли к русской бабушке и русскому дедушке. Посещение старших настолько вошло в привычку, приобрело форму некоего таинственного и торжественного ритуала, что пятилетняя девочка с нетерпением ожидала очередного воскресенья. И вот воскресенье наступило.

2

В небе над Прагой светило ещё не потерявшее ласки солнышко первоначальной осени. Уже пожелтели листья, поэтому парки и сады чешской столицы представляли собой золотые островки, которые причудливо разнообразили привычный городской пейзаж. Малышка Катя была одета в светлую курточку, на головке у неё сияла красная шапочка, а на ногах сверкали новенькие коричневые ботиночки. Когда вышли из дому, она сказала:

— Я сама пойду!

Катя вытянула тёплую ручонку из материнской ладони, показывая полную самостоятельность. И так быстро перебирала ногами, так семенила, так спешила, что мать едва успевала за ней и не переставала улыбаться, глядя на Катюшку.

Мама носила такое же имя, как и дочка — маму величали Екатерина Ивановна. Она была дочерью генерала царской армии Ивана Андреевича Михайлова, и родилась, в отличие от малышки, в большом русском селе, которым когда-то, до революции, владел её отец.

Квартира, которую снимали Михайловы в большом доходном доме, располагалась на одной из центральных улиц. Говорили, что когда-то по её тротуарам бродил, ожидая вдохновения, композитор Моцарт, наезжавший в Прагу пожить в своё удовольствие. Бывало, что его, вышедшего на прогулку, узнавали прохожие, и он разговаривал с кем-нибудь, как со старым знакомым. Утверждали, будто здесь любил побродить и писатель Ярослав Гашек, которого в своё время прославил его герой — смешной солдат Швейк. Да мало ли, кто тут бродил! Может, так оно и было!

— Здравствуй, моя сладкая, здравствуй, моя ягодка! — бабушка София обнимала и целовала внучку в прихожей.

С Катей она разговаривала только по-русски, а не по-немецки или по-чешски, хотя и эти языки тоже знала.

Красавица в пору молодости, София Алексеевна, хоть и пережила всякие невзгоды, ещё сохранила женскую привлекательность, очарование, энергия была из неё, как весенний родник из-под крутой горы. Она ухаживала за больными в клинике «Красного Креста», давала отдельные уроки в гимназии для русских детей, заведовала домашним хозяйством и сотрудничала в какой-то эмигрантской газете — словом, пребывала в нескончаемых хлопотах, и это ей нравилось. Но, ко всему прочему, находила она время и для занятий с внучкой.

На кухне уже гудел большой самовар — София Алексеевна не признавала других новых приборов, и она пригласила гостей за стол. После чаепития Екатерина Ивановна ушла куда-то по своим делам, а бабушка с внучкой отправились в другую комнату — у них было продолжение знакомства с русской литературой.

— Садись, моя ягодка, — сказала бабушка. — Начнём читать Александра Сергеевича Пушкина, великого русского поэта. Ты слушай внимательно, я тебе маленький отрывок прочту, а ты мне будешь пересказывать, и так пойдём дальше.

— Бабуля, а кто этот Пушкин? Он живой? — малышка посмотрела в глаза бабушки.

— Да, моя сладкая, он — живой! — как-то неожиданно просто ответила София Алексеевна. — Живой, потому что мы его помним и изучаем, а так-то он давно умер. Итак, слушай.

У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том,
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит на цепи кругом.
Идёт налево — песнь заводит,
Направо — сказку говорит:
Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...

София Алексеевна останавливалась, откладывая в сторону книгу, обращала взгляд на Катю, и та начинала повторять то, что запомнила.

Занятие шло своим чередом, когда в прихожей послышались шаги — вернулся дедушка. Иван Андреевич, по своему обыкновению, посещал утреннюю службу в православном храме. Так уж случилось, что он был крёстным отцом Катюши. Поэтому бывший генерал считал своим долгом прививать внучке понятия о вере.

Когда с литературой закончили, бабушка отвела Катю в кабинет к Ивану Андреевичу — теперь ей предстояло другое занятие. Дедушка брал с книжной полки небольшой «Молитвослов» в синем переплёте и учил внучку самым простым молитвам — она повторяла за ним красивые старославянские слова.

Читали вот и эту молитву:

Богородице Дево, радуйся,
Благодатная Марие, Господь с Тобою;
благословена Ты в жёнах
и благословен плод чрева Твоего,
яко Спаса родила еси душа наших».

Улучив момент, когда дедушка листал книжицу, Катюша неожиданно задала вопрос:

— Дедушка, а что такое Русь?

Иван Андреевич удивлённо взглянул на неё.

— Откуда ты узнала это название? — вместо ответа спросил он.

— Мы с бабулей читали стихи, — говорила она, — там было так написано — «Русью пахнет...»

— Ах, вон что! — воскликнул дедушка. — Ясно!

Иван Андреевич замолчал, встал из-за стола, взглянул в окно на улицу осенней Праги. Простой вопрос внучки пробудил в нём рой самых разных чувств. Откуда-то взялась неприязнь к огромным круглым часам на Староместской площади, с которых теперь долетел слабый звон, означавший, что в столице уже наступил полдень. И вообще, всё, к чему здесь, казалось бы, он уже привык, вдруг предстало чужим, холодным, каким-то призрачным, ненастоящим, даже вызывающим лёгкое раздражение.

Катюшка во все глаза смотрела на него.

Иван Андреевич провёл пальцами по пышным чёрным, с проседью, усам, усилием воли погасил раздражение, прошагал туда-сюда по кабинету, наконец, улыбнулся.

— Тут, любезная моя Катюшка, в двух словах не объяснишь, что такое Русь, — начал он. — Да и целого дня, пожалуй, не хватит, чтоб рассказать о ней. Но я, чтобы ты поняла, кратко изложу. Русь — огромная, чудесная страна, наша с тобой Родина, самая лучшая в мире и одна из самых древних. Природа там удивительно красивая, и люди, в основном, добрые, хотя...

Иван Андреевич чуть было не проговорился про кровавые жестокости, которые происходили в России во время революции, но спохватился: зачем это ребёнку? Когда вырастет, сама узнает, если, конечно, захочет.

— Дедушка, а можно Русь посмотреть? — опять озадачила внучка.

— Как посмотреть? — изумился Иван Андреевич. — Это же страна! Хотя вот мысль пришла — изволь, изволь!

Михайлов встал на маленькую лесенку, достал с верхней полки большой альбом и вынул оттуда внушительного размера фотографию с чётким изображением.

— Вот, любезная Катюшка, смотри! — удовлетворённо проговорил он. — Это — Русь! Это — село Петровское, где я родился, бегал малышом, был счастлив, где столько было добра всякого.

И дедушка с жаром принялся рассказывать Катюшке о родовом имении, благо она с неподдельным интересом слушала, глядя то на фотографию, то на дедушку. Он же, погружаясь в любимые воспоминания, говорил и говорил, наверное, больше даже для себя самого, чем для внучки.

В этих воспоминаниях жила его душа.

— Нет, как бы там ни было, — решительно закончил Иван Андреевич, — но я всё равно вернусь туда, Катюшка. Обязательно вернусь!

София Алексеевна, приоткрыв дверь в кабинет и неожиданно услышав монолог мужа, удивилась, покачала головой и прошептала:

— Увы, этого никогда не будет!

Кто же из них в будущем оказался прав?

3

Хорошо в деревне проснуться на заре!

Округа потонула в птичьём ликовании!

В низине за огородами, где стелился низкий туман, выкликал подругу чибис:

— Я здесь, я здесь — иди скорее!

Чибис, наверное, и ещё повторял бы свой ласковый призыв, но подруга быстро откликнулась, над травами полетел её нежный ответ:

— Фью-итить, фью-ить...

Интересно, как они найдут друг друга в густом тумане?

Но найдут, непременно найдут!

На берёзе, у забора, проснувшись, редко защёлкал скворец. Он, и правда, щёлкал как-то нехотя, точно спросонья ещё не вошёл во вкус.

А в саду, в старых кустах цветущей смородины, пробовала голос то ли малиновка, то ли залётная сойка — трудно угадать, но пение было проникновенное, сердце отзывалось на голос птицы какой-то ранее неизвестной струной.

В дивный концерт на ранней зорьке влетали мелодии едва ли не все пернатые, которые обитали в округе.

И тут неожиданно звонко взял свою ноту соловей. Он переливал звуки, растягивал их и снова сжимал, как умелый гармонист меха русской гармонии; расширял ноты, украшал мелодию дробью.

Чудная, царственная птаха!

Давно в детстве, помню, однажды у ручья мне удалось потихоньку подобраться к зарослям невысокого ивняка, откуда вылетала громкая вечерняя песня соловья.

Когда я, присев на корточки и глядя вверх, увидел пташку, то был поражён несоразмерностью между её неприметностью и мощной внутренней силой. Серенькая, может, даже меньше воробья, птичка, крепко уцепившись лапками за ветку ивняка, запрокинула головку вверх и самозабвенно пела, заливалась в песне.

Как будто не она сама, а кто-то иной, подобно фокуснику, быстро вынимал одну за другой рулады из узкого соловьиного горлышка.

Да, чудная, царственная птаха!

Всё внимает ей с радостной покорностью.

Всякие травы, кустики, деревья, речки, озёра и Небо бесконечное!

И вот, слушая соловья, в огороженном палисаднике у дома сбросили ночную дремоту многочисленные кусты шиповника. Казалось, а может, так и было на самом деле, что все ветки со всеми листьями приподнялись на цыпочки, внимая соловьиному пению.

Красно-алые цветки, свёрнутые с вечера в бутоны, вдруг раскрылись, и из них струился тонкий, нежный, не сравнимый ни с чем душистый аромат.

Запах шиповника через открытую форточку проник в комнату, всё обволакивая сладкой истомой. Женщина, спавшая на диване, увидела во сне огромные красные цветы. Сон неожиданно пропал, как неожиданно пропадает тайна.

Женщина открыла глаза. Она глубоко вдохнула аромат шиповника и по-детски наивно улыбнулась.

— Запах Родины! — прошептала она. — Хорошо-то как! Нигде в мире нет такого шиповника. Ах, как я его люблю!

В проснувшейся женщине, вдохнувшей аромат шиповника, никто не узнал бы давнюю-давнюю пражскую Катюшку, но это была именно она. В её сердце, независимо от того, чем оно дышало и наполнялось, кого любило или ненавидело, жила дедушкина легенда о возвращении в Петровское, будоражила, не давала покоя.

В далёкой стране, куда судьба забросила Катюшку, днём и ночью гудел большой морской порт. И она приходила сюда, влекомая какой-то неизъяснимой надеждой. Отыскивала взглядом корабли, на мачтах которых развевались красные советские флаги, подолгу смотрела на них, ни на что не решаясь.

Однажды ей всё-таки повезло.

Екатерина близко подошла к пирсу, куда на днях причалил крупный торговый корабль из России.

По трапу на берег сходили моряки.

Она обратила взгляд на одного из них — высокого, стройного, с тёмным загаром на славянском лице, чем-то он притягивал к себе.

— О, какой красивый капитан! — по-русски, но с изрядным английским акцентом обратилась

она к нему и сделала несколько шагов навстречу. — Добро пожаловать! Так говорили у вас в старину!

Капитан, а это оказался, действительно, капитан корабля, засмеялся.

— Спасибо за комплимент! — он тепло улыбнулся, весёлые искорки вспыхнули в синих, как дальнее море, глазах.

— Вас тоже Бог не обделил красотой, — сделал капитан ответный реверанс. — Вы просто очаровательны! Да ещё и по-русски говорите!

Екатерина рассмеялась.

Сделав лёгкий поклон, капитан спросил:

— Чем могу служить?

— Вас можно отвлечь на минутку?

— Сделайте одолжение!

Они отошли в сторону.

— Меня зовут Екатерина Михайлова-Губерт, — представилась незнакомка. — Мой дедушка жил в России.

— Титов Виктор Иванович, — назвал себя капитан.

Волнуясь, так, что краска выступила на щеках, она принялась толковать капитану о дедушкиной легенде, о том, что хотела бы узнать хоть что-то об имении Петровское, если оно, конечно, сохранилось, попросила его посодействовать в этих поисках.

— Святое дело! — согласился с ней капитан. — Не буду ничего обещать, Екатерина, но постараюсь, наведу какие-то справки, тогда сообщу вам.

Капитан Титов сдержал своё слово.

4

Ради счастливой минуты, ради западающего в память аромата шиповника, Екатерина Васильевна, уже немало прожившая в беспокойном мире, спешила сюда в летнюю пору за тридевять земель и морей.

Она перелетала на самолёте огромный океан; его невозможно было объять и самому бойкому воображению. После парения над водным простором попадала в Старый Свет, то есть в Европу, а оттуда добиралась в Санкт-Петербург, а уж из града Петра поездом доезжала до родового места.

Встав с дивана, хозяйка накинула на плечи халат, прошла к окну, зажгла лампадку, свечу на столике в уголке, где вверху были аккуратно укреплены домашние иконы. Она крестилась и читала молитвы. Окончив утреннее правило, Екатерина Васильевна подвинула кресло к окну — так она делала, когда пребывала в хорошем настроении.

Она отодвинула занавеску, удобно села в кресло, в ожидании чуда вглядывалась в ещё темноватый горизонт. Кое-где на нём начинали пробиваться тонкие алые полоски. Птицы просыпались и пели хвалу грядущему дню. Взгляд выхватывал очертания домов, сады, огороды, заросший кустарником склон, узкую речушку.

Белел бывший усадебный дом, когда-то известный изысканной архитектурой, а вокруг него были пруды, конюшни, кузницы и маслодельня.

Напротив окна, из которого смотрела Екатерина Васильевна, темнел старинный парк, посаженный её далекими предками. Высокие липы, могучие клёны, раскидистые лиственницы, плакучие берёзы предстояли в её воображении бессловесными свидетелями счастливых и трагических событий в усадьбе; она чувствовала их, как кровных братьев и сестёр.

Да, именно так она к ним относилась!

Привстав, Екатерина Васильевна даже радостно помахала им рукой. Ей почудилось, будто в глубине парка мелькнула фигура её дедушки, одетого в офицерский мундир, с тростью в руке.

Она не успела поразмыслить о нём — над лесом всплыло ярко-красное солнце. Длинные лучи заиграли по деревянной обшивке на стенах комнаты. Сердце Екатерины Васильевны охватила радость, просияла улыбка, губы шептали: «Благодать, благодать!» Будто восход возвращал ей молодость, вливал энергию, оживлял веру в чудо. Она ощутила, как бывало в раннем детстве, слитность

со всем огромным мирозданием, и отдельно — с цветущим шиповником.

Мерцали и вспыхивали росинки на листьях и цветах. В окрестностях ещё сильнее звенели птицы. Солнце быстро всходило, теряло красноту, всё больше светлело, и от его лучей в комнате стало тепло.

Подставив лицо ласково-мягким лучам, она прикрыла глаза, невольно впала в сладкую дремоту. Её веки смежились, ровное дыхание наполняло грудь. И опять ей почудился родной дедушка. Теперь он был уже без трости, поскольку находился в молодом возрасте, когда трость ни к чему.

5

В тонком сне, похожем на тайну между бытиём и небытиём, она изо всех сил бежала, исполненная восторга, навстречу ему.

Над её головой, откуда-то, может быть, Свыше, доносился внятный, сильный и спокойный голос:

«— Бог управляет миром!

Слепотствующие грешники не видят этого управления. Они сочинили чуждый разуму случай: отсутствие правильности во взгляде своём, тупости своего взгляда, взгляда омрачённого, взгляда извращённого они не сознают...

— Управляет Бог вселенною, — продолжал сильный Голос, — управляет Он и жизнью каждого человека во всей потребности её. Закон такого управления прочитывается в природе, прочитывается в общественной и частной жизни людей...

Всё совершающееся совершается вследствие суда и определений Божиих. Тайно от Бога и вне зависимости от Него не совершается и не может совершиться ничто.

Одно совершается по воле Божией; другое совершается по попущению Божию; всё совершающееся совершается по суду и определению Божиим»¹.

Слова так сильно впечатляли, будто невидимая рука записывала их в самой глубине юного сердца Екатерины.

Внучка спешила на железнодорожный вокзал, чтобы встретить любимого дедушку. Но она не знала, сможет ли его встретить!

Всё продолжало происходить в тонком, не зависящем от её воли, мире видений, а не в обыкновенной жизни. Ведь тогда, когда дедушка приезжал на вокзал, Катя ещё не родилась, дедушка не был дедушкой, а пребывал молодым, стройным красавцем и имел в душе счастливые надежды.

Пассажирский состав с жёлтыми вагонами, добротной выделки искусных мастеров царской эпохи, следовал из Архангельска в Москву. За окном купе, где сидел полковник кавалергардского полка Иван Михайлов, проплывали предместья древней столицы, вспыхивали на солнце золотые купола храмов, и опять просёлки и дачи тонули в зелёно-пестром пейзаже.

Весна хозяйничала в Подмосковье.

Находящемуся в дороге трудно думать о чём-то определённом. Мысли, будто спугнутые с куста воробьи, порхали с одного на другое, на третье. Михайлов пребывал в таком настроении. Иногда он поглаживал пальцами чёрные усы, улыбался чему-то или неожиданно хмурился по неизвестной причине. Ивана Андреевича томила тревога за Россию. Что будет с нею? Каким сложится её завтрашний день? Светлым? Или, наоборот, чёрным?

В сердечной глубине Михайлов ощущал не страх — нет, страха не было, а таилась некая боязнь: как бы с ней не случилась беда, как бы тяжёлая болезнь, привнесённая в Россию революцией февраля 1917-го, не обернулась катастрофой. Он видел: все, кому не лень, ломали устои государства. Проходимцы, шарлатаны орали на улицах и перекрёстках о «свободе и равенстве». Вместо этих благ в неразберихе будней проступал зловещий хаос.

6

Что такое хаос? Это недоброе слово всё чаще в последние дни звучало в разных слоях русского общества, и едва ли не каждый, кто произносил его, старался вложить в «хаос» свой потаённый смысл.

¹ здесь и далее использованы фрагменты произведений Святителя Игнатия (Брянчанинова).

Для Ивана Андреевича оно таило что-то зловещее. Да, с университетской поры он помнил, что в древней мифологии так обозначали стихию, которая, по мнению учёных, будто бы существовала до возникновения всего мира и, конечно, до явления в мире Земли с её жизнью. Но это, так сказать, видение учёных. Ему вспоминались и строки поэта Фёдора Тютчева, которого он любил и часто перечитывал. Описывая ночной ветер, который выл за окном и не давал покоя, поэт говорил:

О! страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвётся он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!...
О! бурь заснувших не буди -
Под ними хаос шевелится!..

«Да, тютчевский порыв мне понятен, — размышлял полковник, — он стремится к беспредельности Вселенной. Но мы-то пока по земле ходим, и видим вокруг совсем другое. Хаос — это беспорядок, беспредельная вседозволенность, беззаконие всяческое, нападение на Бога, наконец, безверие...»

Так, под перестук колёс, думал Михайлов.

А если хаос — беспорядок, то он может посягнуть на самое дорогое, что есть у каждого человека.

И невольно мысли полковника уносились в родовое гнездо.

Что будет с усадьбой Петровское? Она досталась ему по наследству. Теперь там Михайлова ждали любимая жена и дети. А если хаос нагрянет и туда, как неожиданно иногда нагрянет летняя гроза, тогда беды не избежать.

«Хаосу не дадим ходу! — горячился в мыслях Иван Андреевич. — Не дадим! А вдруг не послушают?»

Он почему-то вспомнил бои на Западном фронте с немцами. Михайлов участвовал в них ещё до командировки в Архангельск. Страшные минуты пережил Михайлов! На его глазах некоторые роты не выполняли приказы командования.

Разве такое мыслимо было в начале войны?

И в дурном сне не могло присниться!

В душе Михайлова естественным образом закипали ярость, злость. Но и во взглядах солдат трудно было прочесть такие же чувства.

Ярость и злость офицеров вкупе с яростью и злостью подчинённых не обещали ничего хорошего. Слава Богу, в полку, которым командовал Михайлов, зараза неповиновения не охватила солдат, её искоренили.

«Что это я всё о службе и политике! — укорил он себя. — Разве на них свет клином сошёлся?»

Неожиданно Иван Андреевич вспомнил о сокровенном, и воображение перенесло его в древнюю православную обитель — в подмосковный Симонов монастырь.

Туда он давно хотел съездить, да всё не получалось, отвлекали то личные дела, то полковая служба. Теперь осуществлению поездки ничего не препятствовало.

«Отпуск у меня, отпуск! — вливал полковник радость в своё сердце. — Отдохну в любимой усадьбе, поживу вволю, а дальше уж, как Бог даст!»

По прибытии в Москву у Михайлова всё пошло так, как он и задумал. Завершив некоторые неотложные дела и визиты, Иван Андреевич нанял извозчика и после обеда покатил в сторону Симонова монастыря. Обитель располагалась в живописном месте, на окраине древней столицы, недалеко от реки по имени Москва.

Через какое-то время взгляду Михайлова предстала отрадная картина, от вида которой радостно забило сердце.

Издали в закатных лучах виднелась высокая колокольня в пять ярусов, увенчанная золотым куполом и крестом, она как бы улетала ввысь, в синеву. По сторонам, подобно древним ратникам,

стояли сторожевые башни. В центре обители, похожей на град небесный, сияли соборы и церкви. В монастыре было шесть храмов, в которых освящены и действовали одиннадцать престолов, в том числе и престол во имя Преподобного Сергия Радонежского.

Монастырь впечатлял даже на расстоянии.

7

Как было не взволноваться душе православного человека при созерцании сего благолепия!

И как было не вспомнить о тех чистых и светлых людях, которые стояли у истоков обители?

Пять с лишним веков назад в здешних окрестностях жил боярин Ховрин. Величали его по имени-отчеству — Степан Васильевич. Ему и принадлежали земли, расположенные по южному берегу Москвы-реки. Ховрин унаследовал их от родителей, а те получили угоды в дар от Великого русского князя за усердную и безупречную службу.

Однажды боярину доложили, что недалеко от излучины реки поселились отшельники православного вероисповедания, мирные и добрые.

— Пушай живут! — согласился боярин. — Убытка от них не потерпим...

Природное любопытство всё же не давало покоя Степану Васильевичу. И, выбрав время, он отправился к отшельникам.

Боярина встретил старший среди них по имени Феодор. Он пригласил гостя в скромную келью, где, кроме нескольких икон и медного креста, ничего не было.

— Хочу полюбопытствовать о вере вашей и о вас самих, достопочтенные пришельцы, — объяснил своё появление Степан Васильевич.

Монах Феодор, осенив себя крестным знаменем, с большим желанием стал рассказывать боярину о себе и о братии. Сам Феодор был родом из-под Радонежа и приходился племянником игумену Сергию, чьё имя на Руси уже обрело славу.

— Добро! — кивал Ховрин. — Добро!

Они расстались, довольные друг другом.

Ховрин имел характер нестяжательный, откликался на нужды и беды, когда кто-то просил помочь хлебом, одеждой, деньгами.

Подавая, он испытывал настроение благодати. И вот однажды, будучи в настроении такой благодатной щедрости, боярин поспешил к отшельникам и, встретив Феодора, объявил ему:

— Угоды вот эти, — Степан Васильевич обвёл рукой, показывая на окрестность, — жертвую вашей честной братии без каких-либо условий и навсегда.

Монах Феодор низко ему поклонился.

— Спаси Господи вашу добрую душу! — проговорил монах. — Дару мы рады так, что и словами не выразить.

Так на берегу Москвы-реки принялись соиздать обитель, ведя отсчёт её истории от 1370 года. Всё делалось по благословию и под присмотром Феодора Ростовского, племянника и сподвижника Сергия Радонежского.

До Куликовской битвы, где сошлись дружины объединённого Русского Войска с полчищами татар и иноземных наёмников, ещё предстояло прожить десять лет.

В эти годы обитель быстро расширялась и укреплялась.

Монахи запомнили день, когда к ним опять пришёл Ховрин.

— Не на день или два я к вам, — объявил Степан Васильевич, — а навсегда! Хочу подвизаться в духовном подвиге!

Феодор обрадовался поступку боярина.

Пройдя испытательный срок, Степан Васильевич принял монашеский постриг, и его нарекли именем Симон.

А когда он отошёл в мир иной, желая возблагодарить перед Господом память о его щедрости, игумен обители принял решение назвать монастырь Симоновым.

Вот в такое святое место и прибыл теперь полковник Иван Андреевич Михайлов.

Это место помнило, как сюда приезжал великий князь Дмитрий Иванович накануне генерального сражения с татарами, взял благословение у игумена. А через несколько дней после битвы здесь

обрели последнее пристанище герои — воины-схимники, павшие за Русь Святую, монахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя.

Тела их привезли с поля Куликова и предали земле в Симоновом монастыре.

В обители располагались и кельи русских царей, где они останавливались, когда приезжали возносить молитвы в Великий пост.

Устроившись в гостинице, Михайлов поспешил на вечернее богослужение.

Храм был наполовину заполнен монахами из числа братии, а также теми, кто, как и он, прибыл из Москвы.

«Миром Господу помолимся!» — разносилось с амвона.

«Господи помилуй!» — пел хор на клиросе.

Иван Андреевич встал в правой половине храма и погрузился в молитвенное созерцание.

Чтимые святыни, преданья старины, богослужение произвели на полковника сильное впечатление, очистившее душу, словно он, выйдя из закрытого помещения, глотнул свежего воздуха.

8

Вернувшись в гостиницу, Михайлов пребывал в благодушном настроении.

Наскоро перекусив, он собирался лечь в постель, когда в дверь постучали.

Вошёл высокий послушник, одетый во всё чёрное. Он передал Михайлову, что его приглашает наместник. Иван Андреевич, не раздумывая, последовал за послушником. Чтобы не чувствовать себя неудобно, полковник обратился к послушнику:

— Как зовут наместника?

— Архимандрит Филарет, — ответил он.

В небольшой трапезной его встретил и благословил седовласый монах, ещё не старческого возраста.

Всмотревшись, Михайлов заметил в нём молодость, а во взгляде — глубинную чистоту.

Монах пригласил гостя за стол, где стояли вазочки с мёдом, тарелочки с сухарями, обеденные пирожки с капустой.

Тот же высокий послушник, который привёл Михайлова, разлил густой душистый чай.

Удостоверившись, что полковник принадлежал к старинному роду русских служивых людей, наместник со скрытой теплотой признался:

— Знавал я вашего батюшку, царство ему Небесное! Знавал! Добропорядочный был муж. Да и воин храбрый, это я о нём не раз слышал. Ныне на Руси таких людей, как ваш батюшка, ой, как не хватает! А они нужны, край нужны!

Наместник отпил несколько глотков из чашки, пылливо взглянул на Михайлова, и неторопливо продолжал:

— Тревожно на Руси, господин полковник. Ощущаете ли вы, что Смута забурлила? Я это чувствую — поднимается, растёт Смута. А нам она не нужна! Русским людям потребно стоять в вере Православной — на сей тверди непотопляемой! А если не будем на ней стоять — беды не миновать.

Иван Андреевич сосредоточенно слушал наместника, не пытаясь вставить какое-то своё слово, а тем более, прервать его монолог.

Но когда наместник замолчал, как бы передавая инициативу гостю, полковник обратился к нему.

— Благодарю вас, архимандрит Филарет, за лестный отзыв о моём драгоценном родителе, — Михайлов приложил руку к груди. — Я сердечно тронут!

— И за гостеприимство благодарю Вас от души, — продолжал он — Для меня высокая честь беседовать с вами, думаю, заслуга в том моего батюшки, а не моя. Спасибо!

— Во славу Божию! — отозвался наместник и перекрестился.

— Вы, уважаемый отец Филарет, верно изволили заметить про Смуту, — поддержал полковник архимандрита. — И я в последние дни часто думал о том же, о чём вы сказали. Я люблю Россию и не желаю ей зла, а желаю ей только добра. Но иногда, честно признаюсь, отец Филарет, я просто

теряюсь, раздумывая о том, что необходимо предпринять, чтобы не допустить разгула зла, чтобы пресечь Смуту?

— Теряетесь? — в вопросе архимандрита угадывалось недоумение, словно он не поверил тому, что услышал.

— Так точно! — опять подтвердил Михайлов.

— Да, всё, о чём мы с вами говорим, не так просто, как мы порой думаем, — старец поднялся из-за стола.

Он прошёлся по трапезной, как бы обдумывая продолжение диалога.

— Зло в мире не существует самостоятельно! — обронил архимандрит. — Оно идёт от не-радения людей к добродетелям, независимо от их чинов, имений, роскоши и прочих земных благ.

Старец сёл за стол, взял пальцами чашку с чаем.

— Возвращаясь к Смуте, господин полковник, — наместник наклонился ближе к Михайлову, будто тот мог его не услышать. — Я должен сказать вам, что на Руси всякие нестроения бывали и прежде. Да, да — бывали! Знала наша земля много нестроений. Русскому народу переживать всё смутное не в первый раз. Как мы побеждали всяких врагов в древние времена, так и теперь нам надо сообща стремиться к победе.

— К победе? — невольно переспросил полковник.

— Только к победе! — с жаром сказал архимандрит. — К победе над Смутой, а не над народом, разумеется.

Иван Андреевич хотел спросить старца, в чём же, по его мнению, состояло это стремление к победе, какое место в этом стремлении его, полковника Михайлова? Но он не набрался смелости прервать монаха, выражая покорность слушать и дальше.

— Вы, может быть, и сами знаете, что самая большая и самая страшная Смута в русской истории случилась в тот период, когда по воле Божьей первым патриархом Московским и всея Руси был утверждён Иов, — говорил наместник. — Сей был подвижник великий, Царствие ему Небесное. До возведения на Патриаршество он исполнял обязанности настоятеля обители именно здесь, где мы с вами теперь беседуем, господин полковник.

— Вот даже как! — удивился Михайлов. — Интересно!

— Да-с! Так! Непременно так! — подтвердил Филарет.

— Он был мудрым пастырем, — с тёплым чувством обронил наместник.

Можно было догадаться, что архимандрит прикоснулся к своей любимой теме, о которой он мог говорить, не обращая внимания на минуты и часы.

— И как пастырь, обладающий мудростью, святой Иов открыто обличал бояр, начальников военных и гражданских, да и весь люд московский в измене Государю, в нечестивом преклонении перед Лжедмитрием, который был пронырой и разбойником, — продолжал отец Филарет. — Патриарх Иов от имени церкви рассылал грамоты и знатым людям, и простому люду по всей Святой Руси, потому что не мог молчать, ибо в одной из грамот он так и писал: «Беззаконие льстецов умножахуся, а очи умниц стемневаша», ибо «вознесошоя руки нечестивых и отвержении быша щиты праведных...»

Михайлов внимал дивному старцу, потупив голову.

Ивану Андреевичу казалось, что он переселился в то самое время, о котором разгорячённо вещал монах, и даже, мнилось полковнику, он будто бы слышал голоса далёкой эпохи. Хотя в трапезной и вокруг неё стояла первозданная тишина, которая бывала здесь обычно уже в начале ночи.

— Предательство, измена, клятвопреступление, корысть, любостяжание — корни той Смуты, — заключил монах. — Да и у теперешней Смуты корни те же, только исполнители другие.

Он чуть помолчал.

— Хотя, может, я и не прав насчёт исполнителей, — продолжал он. — Если получше к ним присмотреться, то увидим, что они, нынешние творцы Смуты, мало отличаются от прежних, повторяют их в главных постулатах.

Теперь полковник уже чувствовал, что для собеседника свершения первого русского Патриарха были так близки, будто наместник сам участвовал в них под крылом мудрого Иова, начинавшего

когда-то свой путь служения Богу монахом в Старицком Успенском монастыре на берегу Волги. Именно оттуда, из Старицы, он был призван на служение в Москву по велению царя Ивана Васильевича Грозного.

Первой ступенью московского восхождения для монаха Иова и стал Симонов монастырь.

9

Далеко за полночь вернулся Иван Андреевич в гостиницу. Коснувшись головой подушки, сразу заснул.

Навеянные беседой со старцем, ему предстали во сне причудливые фантазии, в которые он верил, ни капли не сомневаясь.

Почему-то в фантазиях всё было реально.

Полковник Михайлов без всякого удивления смотрел на молодого Лжедмитрия. Он был рядом, вот здесь, его можно было потрогать руками.

Полковник слышал, как претендовавший на трон называл себя спасшимся от расправы отроком — царевичем Димитрием; будто не убили его в Угличе, а спрятали в Польше.

Иван Андреевич попробовал громко крикнуть:

— Замолчи! Ты — расстрига Григорий, или Юшка Богданов по мирскому наименованию, а не царевич вовсе никакой!

Полковник силился кричать, напрягал горло, грудь, но крика у него не получалось.

Даже шёпота — и того не выходило!

С изумлением увидел Михайлов, как на сторону Лжедмитрия перешла и по левую руку от него встала немалая часть Русской армии, клявшаяся ещё недавно в верности царю Борису Годунову.

Где же их воинская честь?

Перешли войска как раз в тот момент, когда самозванец намеревался вступить в Москву, то есть усилили его шайку.

А уж бояре, купцы, священники — те вперёд военных заспешили под простёртую руку ново-явленного «царя».

— Вот оно какво — предательство-то! — воскликнул Михайлов. — Как всё мерзко! Как же они все могут вот так?

Он искал глазами кого-нибудь из знакомых, чтобы поделиться с ними своим возмущением от того, что происходило вокруг. Иван Андреевич горел желанием собрать соратников и пойти с ними против Лжедмитрия.

Но Михайлов не нашёл никого из знакомых.

Да и откуда могли быть у него какие-то знакомые, если полковник находился среди московской публики 1605 года?

10

То, что он увидел дальше, не поддавалось никакому уразумению.

Прямо на его глазах разыгрывалась потрясающая сцена.

Иван Андреевич тревожно наблюдал, как к вынесенному на площадь трону ложного царя подвели седовласого старца. Высокого роста, с величавой осанкой, он оглядывал толпившихся по сторонам присутствующих твёрдым и спокойным взором.

Старец шёл среди бунтовщиков и изменников с большим достоинством истинного русского патриота.

Это и был патриарх Иов!

Первый патриарх Московский и всея Руси, избранный на великое служение в 1589 году с должности митрополита Московского.

Иов не понаслышке, а как говорится, из первых рук знал и открытые для всех, и самые потаённые дела церковные и государственные, которые тогда на Руси дополняли друг друга и никогда не враждовали. Пятнадцать лет он содержал Симонов монастырь, будучи его настоятелем. Этот монах

много раз встречался с царём Грозным, беседовал с ним о судьбах Божиих и о судьбе России, а также часто сопровождал Ивана Васильевича в его богомольных поездках в другие обители и на Русский Север.

Так вот о ком так горячо рассказывал архимандрит Филарет полковнику!

Патриарха подвели к трону, покрытому дорогой тканью, на котором восседал «новый царь».

Услужливое окружение новоявленного Дмитрия принуждало Патриарха присягнуть изменнику, дабы засвидетельствовать перед людьми, будто тот и есть «истинный наследник», то есть Божий помазанник.

Окружению Лжедмитрия, да и ему самому, такой жест со стороны Патриарха был необходим, как утопающим спасательный круг. Святитель Иов имел поистине огромный авторитет не только на Святой Руси, но и во всём православном мире. Его глубоко уважал и почитал Иеремия II, Патриарх Константинопольский, который выступил за созыв патриархов Собора Востока, на том Соборе иерархи и подписали грамоту о предоставлении Патриаршества Русской Церкви.

Но даже и не это, в некотором роде внешнее величие Святителя, привлекало бунтовщиков и еретиков. Простой народ уже не верил боярам, служившим в палатах Кремля, из-за их алчности, жадности, продажности Западу.

И, как это ни странно, только фигура Патриарха Иова оставалась чистой и незапятнанной после двух ярких правителей — Ивана Васильевича и Годунова.

Простые люди Святой Руси безгранично верили Святителю, внимали его слову, знали, что он не сделает зла Руси.

Это-то святое слово монаха и вознамерился использовать в своих вождельных властных мечтах Лжедмитрий. Если бы Патриарх хотя слабым намёком выразил своё расположение «новому царю», это была бы победа самозванца, добытая без всякого оружия.

Но победа полная!

Святитель остановился, ещё раз окинул взглядом притихшую толпу.

На лице его выразилась суровость, сосредоточенность.

Патриарх Иов осенил себя крестным знамением, обратился к собравшемуся народу, чтобы слышали все.

— Ты — лжец, а не царь! — громко проговорил Патриарх.

Оставаясь совершенно спокойным, Иов повернулся к Отрепьеву, встретился с ним взглядом и ещё громче повторил:

— Ты — лжец, а не царь!

Над площадью повисла зловещая недобрая тишина.

Отрепьев сидел неподвижно на троне. Казалось, он не слышал обвинения, брошенного ему Святителем, казалось, он онемел от услышанного, казалось, его разбил паралич.

И только густая багровая краска, которая обильно залила лицо и шею самозванца, выдавала внутренний гнев, внутренний пожар, который вспыхнул в его душе от слов Святителя.

Лжедмитрий по-прежнему молчал.

Исполненный спокойного величия, Патриарх Иов продолжал свою обвинительную речь:

— Ты — расстрига Григорий, — сообщал подробности о «новом царе» Святитель, обращаясь к народу.

— Вспомни, не тебя ли удалил я за тягу к латынской вере в монастырь до особого распоряжения? — спросил Лжедмитрия Патриарх.

Самозванец молчал.

— Тебя! Тебя! — указал перстом в него Святитель. — Ты не исполнил моего повеления. Ты не дождался отведённого срока, не исполнил наказания, а сбежал к врагам Святой Руси. Пошёл в услужение к польскому королю Сигизмунду.

— За какую мзду? — возвысил голос Святитель. — Я поведаю народу — за 40 тысяч злотых! Ты поступил со Святой Русью, как Иуда, который за 30 серебряных монет предал Христа Бога нашего и Спасителя.

Иов остановился на минуту, глубоко вздохнул, набрал воздуха в лёгкие.

— Посему ты — злодей и еретик! — продолжал Святитель. — Тобой поруган образ иноческий церкви Христовой, тобою поруганы заветы святых отцов, тобою поругана слава Русской Церкви.

Монах опять возвысил голос:

— Но Бог поругаем не бывает!

Кто-то из окружения Лжедмитрия не выдержал, оттуда раздался истошный вопль:

— На кол, на кол его, наглеца!

— На кол сего негодяя! — уже всё окружение Лжедмитрия подхватило отдельный вопль.

Патриарх будто не слышал угроз бояр-предателей, не повёл даже бровью, не оставил решимости высказать всё, что лежало у него на душе.

— Ты окружён езуитами, советниками-ворами, разбойниками! — бесстрашно обличал Иов. — Они научают тебя разорять церкви Божии на Руси, подчинить Русь латинянам, притеснять и унижать русских людей. Твоё указание, чтобы я присягал тебе как государю — смрад адский, измена законному государю, законным порядкам Руси. Сему не бывать никогда!

— Будь ты проклят в сём веке и будущем вкупе с предателями! — так закончил Иов ожидаемое «восхваление» Лжедмитрия.

«Новоявленный царь», наконец, очнулся.

Злоба вспыхнула в Отрепьеве, ярость свела скулы, в глазах у него потемнело. Он готов был, будто голодный пёс, растерзать старца, налить в рог его кровь и выпить на виду у всех.

Он готов был изрубить Патриарха на куски и разбросать эти куски голодным московским собакам.

Но учинить расправу, поднять руку на Патриарха, сказавшего прилюдно настоящую правду, Лжедмитрий всё же побоялся. Если учинить расправу, народ мог подняться в защиту Святителя и смести всё войско самозванца вместе с русскими предателями и иноземными наёмниками.

— Низложить! — махнул перчаткой Лжедмитрий.

Его слуги бросились к Патриарху.

Монах остановил их жестом руки.

С чувством, что он исполнил великое дело, Иов проследовал в Успенский собор Московского Кремля к Владимирскому образу Божией Матери. Упал на колени перед иконой, прошептав молитву, поднялся. Снял с себя панагию и положил перед Образом. Так он засвидетельствовал неприятие иноземной власти в лице Лжедмитрия и полный отказ служить ей.

Но самозванец сполна выместил свой гнев на семье государя Бориса Годунова, умершего внезапно (13 апреля 1605 года), незадолго до похода еретика на Москву.

Сын Бориса, наследник и молодой царь Феодор, был убит, а его мать Ксению, жену Борисову, заточили в монастырь.

11

Раннее солнце осветило окна монастырской гостиницы.

Михайлов проснулся с ощущением, что вышел из неведомого мира. Явственно в душе было присутствие светоносного Иова. Припомнив вечер, проведённый с наместником, Иван Андреевич благодарил Бога за то, что приехал сюда.

Но надо было уже и возвращаться.

Отстояв в храме литургию, Иван Андреевич собрал дорожный чемодан, вызвал возницу и поехал на станцию. Когда он оглянулся, купола обители скрылись за окрестными перелесками.

Его переполняли впечатления, он по-доброму вспоминал наместника, беседу с ним.

Ни сам полковник, ни архимандрит Филарет, да и никто иной, не могли даже помыслить о том, на что обрекли обитель кровавые кумиры, которые снова замутили Русь и жаждали её истребления.

Через какое-то время они уничтожили русскую святыню — Симонов монастырь, несмотря на его славную историю — он просуществовал 553 года.

Одобряемые и поддерживаемые Западом, иуды новых времён дышали ненавистью к Святой Руси.

В первую очередь они упразднили монастырь, то есть вычеркнули его из числа живых, действующих. Их не смутила народная память о Дмитрие Донском, могилы Пересвета и Осляби, чудная архитектура.

А во вторую очередь приказали всё взорвать, превратить всё в пыль!
На святом месте богоборцы построили Дом культуры Автозавода «ЗИЛ». Аббревиатура означала — завод имени Лихачёва.

Лишь чудом уцелели несколько построек, в основном, хозяйственного назначения.

Лжедмитрии новой эпохи, подобно Гришке Отрепьеву, изо всех сил пытались рассеять в прах и сам русский народ. Они не слышали голос Бога, дошедший до всех людей через Иисуса Христа: «Однако ищите убить Меня, потому что слово Моё не вмещается в вас».

Невмещение — вот причина!

Якобы великие «гении революции» были устроены так, что не могли постичь, вместить в себя Святую Русь — её храмы, её героев и поэтов, её воинов и пахарей.

Всё это вызывало в них отторжение и сатанинское бешенство.

12

Михайлов, как и любой смертный, не мог ведать о грядущем. Иван Андреевич пребывал в светлом состоянии духа. Он уехал из Москвы, исполненный радужных надежд.

На вокзале губернского центра, куда прибыл полковник, его встретил обрусевший немец Фильц, управляющий усадьбы Петровское.

Фильц провёл полковника к коляске, запряжённой откормленными лошадьми.

— Как тут обстановка? — спросил гость.

— Слава Богу, потихоньку живём! — ответил управляющий.

— У нас в усадьбе были грабежи, пожары? — осведомился Иван Андреевич у Фильца.

— Что вы, барин, что вы! — изумился Фильц.

— А я слышал, что хаос докатился и до провинции, — продолжал Михайлов.

— Не извольте беспокоиться, барин! — управляющий поправил картуз. — Мы сохраняем в усадьбе порядок, хаоса и смуты у нас не будет.

— Ну, если так, то возблагодарим Бога! — воскликнул полковник.

От вокзала они тронулись в путь.

Сельская дорога, хорошо укатанная, бежала среди деревень и полей, взбиралась на холмы, терялась в перелесках.

Михайлов с любопытством смотрел на знакомые с детства пейзажи, будто видел их впервые.

В окружающей природе не было даже намёка на события, которые сотрясали улицы крупных городов. На полях работали крестьяне. В лугах паслись стада коров и табуны лошадей. На зелёных лужках около деревень бегали ребятишки. Здесь, в северной глубинке, ничто даже отдалённо не напоминало о разоре и бунте, коими уже была охвачена немалая часть России.

«Может, спокойно лишь тут? — подумал полковник. — И то хорошо!»

На входной лестнице усадебного дома с колоннами Ивана Андреевича с нетерпением ожидали жена и две дочери. Они бросились к нему, когда он подъехал, обнимали, говорили ласковые слова. Сердце полковника билось в счастливом волнении.

В большой гостиной комнате по случаю приезда Михайлова был приготовлен праздничный стол, и все уселись за него.

Наконец-то полковник обрёл долгожданный покой, мир, счастье.

Светлые радостные глаза Софии — вот она рядом, любимая и желанная.

Своим чередом потекли отпускные дни. Они были наполнены деревенскими прелестями, по которым Иван Андреевич соскучился на военной службе: рыбалка на пруду, походы в лес, жаркая банька — чего только не найти в усадьбе!

Неторопливое житьё в Петровском, закатная тишь, прогулки всей семьёй в парке, приятные хлопоты по хозяйству как бы развеяли тревожные думы Ивана Андреевича.

Отсюда, из деревенской дали, беседа с архимандритом Филаретом в Симоновом монастыре уже не представлялась грозным предупреждением надвигающейся бури.

И слова наместника, и вещей сон утратили прежнюю остроту.

Так происходит тогда, когда человек пребывает в душевном размягчении, в расслаблении, а полковник, действительно, был в таком состоянии.

Но оно продлилось недолго.

Недоброе предвестие напомнило о себе неожиданно.

Однажды Михайлов возвращался к завтраку с прогулки по старинному парку и в конце аллеи увидел издали каких-то людей.

Он подошёл ближе. Это оказались его крестьяне, в том числе и дворовые, все они попросили барина остановиться.

Михайлов остановился, с любопытством разглядывал мужиков.

«Уж не бунт ли?» — мелькнула у него мысль.

Нет, бунтари ведут себя иначе, у бунтарей другие лица — злые, решительные, а эти вроде бы без злобы.

Словно подтверждая его размышления, от кучки мужиков отделился почтенный старец, когда-то главный конюх в усадьбе Петровское, приблизился к Михайлову. Широкая борода свисала у него до груди. Видимо, он сильно волновался, запершило в горле, старец откашлялся.

— Вестимо, барин, не всяк день с вами говорю, — пояснил дед.

И перешёл к делу.

— Иван Андреевич, мы вот к вам, — говорил старик. — Завтра в усадьбу придут представители новой власти. Об этом мы узнали в точности, можете не сомневаться, наши люди узнали.

— И что же из того следует? — невольно сорвалось с языка у Михайлова.

— А что следовать-то? — просто сказал старик. — Мы вас уважаем, знаем, что вы добрый, мужикам зла никогда не делали. Мы бы за вас встали горой. Но мы не сможем защитить вас, у нас нет оружия, а с вилами да кольями против них не пойдёшь. Да, барин, это так!

— И что же вы предлагаете? — Михайлов посмотрел в глаза старику.

— Уезжайте, Иван Андреевич, просим Христа ради, а то попадёте в беду большую. Уезжайте!

— Эй, Матвей! — оборотился старик к мужикам, стоявшим сзади.

Один из них отделился от кучки, он держал в руке большой дорожный чемодан.

Дед перехватил у него чемодан и протянул Михайлову.

— Это вам от нас на память! Не поминайте лихом!

Михайлов взял чемодан, поклонился мужикам.

— Спасибо, что предупредили. Дай вам Бог здоровья! — Михайлов был тронут таким вниманием к себе.

Но всё же он спросил мужиков:

— А как же вы останетесь здесь без защиты?

— Ничо, мы простые, нас, может, и не тронут, — ответил за всех старик.

— Ну, дай Бог! — проговорил Михайлов. — Прощайте!

С чемоданом в руке зашагал к дому.

Медлить с отъездом не было смысла. О жестокости комиссаров по отношению к владельцам усадеб и имений полковник был наслышан. Он не сомневался, что уже внесён в чёрный список «неугодных», и никакие упования на закон не помогут.

В тот же вечер семья собралась к отъезду.

На прощание Иван Андреевич зашёл в парк, где уже начинал цвести шиповник.

— Ах, какой аромат! — вздохнул он.

И слёзы затуманили глаза полковника. Он почувствовал, что, может, больше никогда не вернётся сюда, где провёл юность и молодость, где узнал столько счастливых и радостных мгновений.

На станции они дождались позднего поезда, который увозил семейство Михайловых в сторону Москвы.

Можно по-разному истолковать поступок Ивана Андреевича, но, тем самым, он сохранил жизнь и себе, и своим близким.

С той поры, когда он уехал из усадьбы, минул почти век. Много изменилось в мире, но не перевелись в нём чудеса. Можно считать настоящим чудом, что кто-то из близких к полковнику людей находился теперь в самом Петровском, а оно, опять же чудом, уцелело в грозах и бурях отшумевших времён.

Это и была Екатерина Михайлова-Губерт, его внучка!

— Ах, сколько же я дремала! — спохватилась она и проворно встала с кресла. — Какие я видела сны! А солнышко-то вон как высоко поднялось!
По лесенке Екатерина Васильевна спустилась вниз.
— Сюзи! Ты где? — громко позвала она.
Дочь отозвалась откуда-то с улицы:
— Иду, мама, иду.
— Пора пить чай, — напоминала ей хозяйка. — Ставь на стол пироги с капустой и луком — мои любимые.

13

Водная стихия испокон веков влекла к себе людей.
Она показывала им всеилие природы, испытывала их трудностями, освежала души, а шумящими волнами напоминала о скоротечности земного существования.
Из всех водных стихий непознанные нами океаны стоят по своему значению на первом месте.
Встреча с Великим океаном, пускай даже мимолётная, манила Михайлову-Губерт неизъяснимой тайной, волновала сердце, возвышала над обыденностью.
Она всегда с трепетом ожидала такой встречи.
И вот эта встреча снова состоялась.
Екатерина Васильевна вошла в большой пассажирский самолёт, в ней ожило предчувствие дальней дороги.
Машина покатила по взлётной полосе, ускоряясь, рывком оторвалась от земли, взмыла в воздух над Международным аэропортом имени К. Смита.
Мощный лайнер напоминал огромную живую птицу.
Он, будто взмахнув сильными крыльями, неощутимо для пассажиров парил в блёклой синеве.
Самолёт быстро набирал скорость, а с нею — и высоту.
Место Екатерины Васильевны находилось у самого борта. Она взглянула в иллюминатор — под крыльями лайнера внизу всё удалялся и удалялся континент под названием Австралия.
Из поднебесья длинное изломанное побережье было похоже на небрежный рисунок, сделанный детской рукою.
Многолюдный портовый город Сидней, заполненный суетными толпами, удививший её причудливыми зданиями и проспектами, из поднебесья уже не представлялся столь огромным, как наяву.
Хотя он и был таковым на самом деле.
Сидней поражал своими размерами, раскинувшись по берегам больших и малых бухт на площади в двенадцать тысяч квадратных километров. В древности тут обитали аборигены племени кадигал, но явилась из-за океана цивилизация и оттеснила их в глубину долины. Во второй половине восемнадцатого века путешественник Джеймс Кук достиг здешних берегов; заново открытую для европейцев землю назвали Новый Южный Уэльс. А сам Сидней, основанный в 1788 году, нарекли в честь лорда Сиднея, министра колоний Великобритании. Он остался в истории благодаря тому, что предложил сослать сюда каторжных и заключённых-переселенцев, которыми были переполнены тюрьмы Лондона и других городов метрополии.
Так имя «главного колонизатора» Англии обрело себя в названии самого крупного города Австралии.
Но Екатерину Васильевну история уже не волновала.
Теперь всё её внимание занимал зеленовато-голубой простор, разлившийся под крыльями самолёта на четыре стороны света.
Он, этот неизмеримый простор, завораживал, притягивал, поражал воображение своей необъятностью.
В знойной дымке летнего дня Великий океан простирался всё шире и шире. Бескрайность стихии, её сокрытая мощь, о которой можно было догадаться по белым барашкам на гребнях волн, томила неизвестностью. Суетная жизнь на земле как бы отступала перед необоримым водным величием, теряла надуманную важность и обременённость заботами, всякими хотениями и сомнениями.

Великий океан обдавал душу дыханием непостижимой для земного разума Вечности!
И ей представлялось, что она исчезает в этой Вечности, растворяется в ней.

14

Убаюканная мерным гудением самолёта, Екатерина Васильевна сладко задремала, погружаясь в какой-то неведомый мир.

Екатерине Васильевне почудилось, будто кто-то невидимый разговаривал с нею. Она не могла определить его лицо, не видела его самого, то есть существа, и даже, так ей казалось, не слышала и сам голос.

Но, к своему удивлению, женщина воспринимала всю свою душою услышанные слова, к тому же воспринимала их все сразу, а не по отдельности.

«— Мне дано узнать, узнать лишь отчасти и поверхностно, малейшую часть законов природы, чтобы из этого познания, составляющего плод тысячелетних усилий и славу ума человеческого, я заключил положительно о существовании Ума неограниченного, всемогущего.

Возвещает Его, громко проповедует природа.

Во мне естественно существует понятия о Боге: понятие это не может быть не запечатлено неомрачённым сознанием, которое почерпает душа из рассматривания природы чистым оком.

Непостижима она для меня!

Тем непостижимее делается она, чем я более ввожусь в постижение её! Должна быть она непостижимой, будучи произведением непостижимого Бога! Непостижимо для меня раскинут широкий свод небес, утверждены на своих местах и на своих путях огромные светила небесные: столь же непостижимо произрастает из земли травинка, небрежно попираемая ногами...»

Она верила в то, что слышала, понимала всю его справедливость.

Как бы помимо собственной воли, женщина вступила в диалог с Голосом, который беседовал с нею, явившись откуда-то, может быть, Свыше.

— Если и всякая травинка управляется волею Неба, — сказала она, — то океан Великий, над которым я теперь лечу, и подавно. Это всё я понимаю! А я сама? Я — человек! Что я такое? Скажите, если можно!

«— Сияние отражённого света! — вдруг услышала она. — Человек — отблеск существа, и заимствует от этого Существа характер существа».

— Вот как! — изумилась Екатерина Васильевна.

И сразу очнулась от дремоты.

15

Лайнер летел уже в полной ночной темноте. И, вероятно, Великий океан остался давно позади.

— Отблеск! — прошептала Екатерина Васильевна. — Всего лишь отблеск!

Мимолётный отблеск — будто свечение робкого луча, пробившегося из-за туч.

Или отблеск — будто росчерк грозовой молнии в ночи, за ним не успеваешь взглядом.

Ей это показалось очень странным.

«Неужели и я в этом мире всего лишь Отблеск?», — пронеслось в голове у неё.

Душа её почему-то не принимала такое определение. Может, только потому, что ещё не до конца вникла в него, ведь оно прозвучало для неё впервые.

И прозвучало так необычно!

Ей казалось, что, кроме Отблеска, у неё есть ещё и что-то своё, неповторимое, присущее только ей и больше никому.

Не похожа ли судьба её дедушки — Ивана Андреевича — на такой Отблеск?

«Да, вполне похожа!», — подумала Екатерина Васильевна.

И вспомнила некоторые подробности семейной хроники.

Из замутнённой смуты Москвы полковник Михайлов попал на юг Российской Империи. Там его повысили по службе — присвоили звание генерала. Даже короткое время Иван Андреевич послужил губернатором Ставропольского края.

Когда волны революции накрыли русский юг, Михайлов, как и другие царские офицеры, перешел на берег турецкий, а оттуда в Чехию, где и появилась на свет Катюшка.

Ещё с младенчества Катя привыкла, что дедушка брал её на службы, она приобщалась Церковных таинств. Дома дед помогал ей учить наизусть молитвы. Повзрослев, Катя стала вполне воцерковлённой девушкой.

Таковой, воцерковлённой, оставалась она и во все годы своего пребывания на удалённом континенте, куда она попала по стечению обстоятельств.

Как это произошло?

Однажды дедушка пришёл домой сильно не в духе.

О чём-то он долго говорил с Софией Алексеевной.

После этого разговора бабушка собрала вместе всех домашних на совет.

— Нам опять надо убежать куда-нибудь, — объявила она, едва сдерживая слёзы.

Все промолчали, кроме малышки.

— Зачем нам бежать куда-то, бабушка? — удивлённо подняла на неё глаза Катя.

— Тебе ещё не понять, — строго заметила София Алексеевна. — И послушай, ягодка моя, иди в другую комнату, поиграй пока, у нас разговор для взрослых.

Когда внучка удалилась, София Алексеевна продолжала:

— Здесь, сами видите, становится всё хуже и хуже. Лучше и не будет, если и сюда добрался их «изм». И нас, думаю так, в покое не оставят.

Хотя на дворе стояла уже другая эпоха — прошло четыре года после окончания Второй мировой войны, всё же опасения Софии Алексеевны, возможно, имели под собой какую-то почву.

— Давайте уедем на край света, — предложил получех Василен, он был отцом Катюшки. — Если «всеобщий коммунизм» придёт и туда, то уж бежать будет некуда.

Все посмотрели на него.

— Где он, твой край света? — просила София Алексеевна.

— Австралия, далёкий континент! — отчеканил зять. — К тому же для нас не будет проблемы с языком — там по-английски говорят, а мы английский знаем.

На том и остановили семейный выбор.

Молодые стали собираться в путь-дорогу.

Иван Андреевич и София Алексеевна, поразмыслив и взвесив все «за» и «против», всё же не поехали вместе с семьёй любимой ими дочери, сославшись на слабое здоровье.

Но и они недолго прожили на прежнем месте, вскоре покинули Прагу, отбыли в Париж, где уже собралось немало русских, выжатых туда из России революцией.

Сами французы, включая руководство Франции и влиятельных политиков, благоволили к ним, вынужденным беженцам. Для царских офицеров французское правительство выделило в Париже большой дом, выплачивало им пенсию.

Их кормили русской едой.

Здесь же располагалась и небольшая по размерам домашняя церковь, что для Ивана Андреевича было главным условием существования за пределами Родины.

«А не есть ли и вся моя жизнь тот самый Отблеск? — неожиданно перевела размышления с дедушки на себя Екатерина Васильевна. — Похоже, что так! Всё было — счастливое и хорошее, но всё промелькнуло так быстро, как в коротком сне...»

В незнакомой стране семье пришлось несладко. Неожиданно заболел её отец, на зарплату матери было невозможно прожить, и Катюшка, чтобы помочь семье, в 16 лет устроилась в больницу, ухаживала за пациентами, которые не могли сами себя обслужить.

Вечерами она спешила на занятия в школу, надо было получить хотя бы среднее образование. В их группе, в той самой школе, оказался бывший военный морской офицер. Он сошёл на берег, то есть оставил службу, и теперь добирал знания, чтобы овладеть какой-то мирной профессией, близкой к медицине. Может, это обстоятельство и сблизило Катюшку с ним, потому что она всегда мечтала о медицине, желала стать врачом.

Однажды, когда они возвращались с занятий, бывший офицер Чарли предложил девушке:

— Хотели бы вы пойти в кино?

— О да! — отозвалась она. — Я очень хотела бы пойти в кино!

Они направились в кинотеатр.

Через пять недель после их знакомства Чарли напрямик спросил Екатерину:

— Хотели бы вы выйти за меня замуж?

Екатерина громко рассмеялась.

— Нет, по-русски это делают не так, — сказала она Чарли. — По-русски говорят так: «Я прошу вашей руки и предлагаю вам моё сердце на веки вечные!»

Чарли повторил то, что проговорила Екатерина, слово в слово.

— Ну, теперь другое дело, — улыбнулась она.

Так Катя стала женой Чарли. Ей было тогда 22 года.

Где все эти радости, волнения, счастливые минуты, встречи, расставания, новые объятия?

И где Чарли?

Он уже отошёл в мир иной.

Осталась одна радость — дети и внуки, которые помнят и чтут Чарли.

Но среди наступающих утрат и потерь у Екатерины Васильевны появилась опора, которая помогала ей сохранить себя и идти вперёд.

Это был храм!

Православный храм Петра и Павла, который располагался в центра большого города, при нём Екатерина Васильевна организовала благотворительное Общество Марфы и Марии.

16

— Дамы и господа! — произнесла по-английски стюардесса. — Через десять минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту Парижа. Это конечный пункт нашего рейса. Желаю вам приятного приземления!

С затаённым волнением оглядывала Екатерина Васильевна очертания города, где она в последний раз была двадцать с лишним лет назад. Тогда ещё здоровствовали милые бабушка с дедушкой.

Как давно их нет на белом свете!

В память о них она и взяла фамилию бабушки Софии и дедушки Ивана — стала Михайловой, но к этому потом добавила и фамилию мужа — Губерт.

Теперь прилетела сюда навестить могилы близких и дорогих предков. Их пришлось в своё время похоронить во Франции.

Устроившись на некоторое время у хороших знакомых, Екатерина Васильевна на другой день поспешила к отеческим гробам.

На обычном французском кладбище Екатерина Васильевна довольно быстро нашла могилу дедушки. А вот могилу бабушки она долго не могла найти. Но помнила же, помнила — они лежали рядом друг с другом.

Так и не найдя заветную надгробную плиту, Екатерина Васильевна отыскала служителя и обратилась к нему.

— Вот здесь, — сказала она по-французски, — была похоронена моя бабушка. Я помню. Но почему нет могилы?

Пожилый, чуть согбенный француз, с длинным носом на лице, в надвинутом картузе, из-под которого торчали седые пряди, внимательно выслушал её.

— Извините, мадам, — ответил он, — её могилы, этой вашей бабушки, уже не существует.

— Как не существует? — изумилась Екатерина Васильевна. — Я сама была на похоронах, да и потом приезжала на её могилу.

Служитель спокойно воспринял её вопросы.

— Видите ли, мадам, вы многого не знаете, — объяснял он. — Вы живёте в другой стране, а у нас во Франции установлен такой порядок. Если через 15 лет после погребения родственники не внесут плату за могилу, то место вы теряете, а останки погребённого вынимают и кладут в коммунальный гроб.

Он, довольный своим разъяснением, замолчал.

Гостя подавленно молчала.

— Вы разве об этом не слышали? — спросил служитель.

— Нет, не слышала, — огорчённо ответила Екатерина Васильевна.

В ней закипело чувство возмущения. Как же можно так поступать? Неужели во Франции, в сей цивилизованной стране, уже стали делать бизнес и на мертвецах, зарытых в землю? Что это — скандальность, крайнее жидовство, хапужничество?

Ясно, что служитель не будет отвечать на такие вопросы.

— Извините, повторите, в какой гроб положили мою бабушку? — уточнила Екатерина Васильевна.

— Мадам, это не гроб, а коммунальная могила, — охотно ответил служитель. — Останки вашей бабушки были перенесены туда.

Она заплакала.

— Ну, ну, успокойтесь, — попросил длинноносый. — Ничего страшного не произошло. Так поступают со многими.

— Это ужасно! — проговорила она сквозь слёзы. — Можно посмотреть эту коммунальную могилу.

— Да, я вас проведу, — ответил служитель.

Они подошли к сооружению, напоминающему собой небольшую часовню. Зашли внутрь. В каменном полу зияла большая круглая дыра.

— Вот здесь! — пояснил служитель.

— А можно оттуда останки моей бабушки достать? — спросила она.

Длинноносый хмыкнул и слабо рассмеялся.

— Достать? — удивился он. — Там же все кости перепутаны! Коммунальная могила! Оттуда достать ничего невозможно, на останках же не пишут имена и фамилии, всё смешивается...

И он был прав.

Екатерина Васильевна опять заплакала.

— Мадам, — попросил служитель, — пойдёмте со мною.

Он привёл её к могиле дедушки.

— Боюсь, мадам, и с вашим дедушкой произойдёт то же самое, — предупредил служитель. — Поспешите внести оплату!

17

Уход бабушки в неизвестность очень огорчил и расстроил Екатерину Васильевну. Но её ждала и ещё одна неприятность. Когда она зашла в помещение, где находилось управление кладбищем, то оказалось, что и бывший генерал Михайлов уже внесён в список тех, кого «надо вынимать».

Екатерина Васильевна лихорадочно искала средства на спасение дедушки от коммунального гроба. От знакомых, у которых остановилась, она позвонила сыновьям за океан, после связалась с двоюродным братом, жившим в одной из южных стран.

Общими усилиями они собрали деньги.

Ранним утром Михайлова-Губерт поспешила в конторку, внесла плату за место на кладбище и облегчённо вздохнула, когда получила квитанцию.

В следующие дни Екатерина Васильевна наняла рабочих, попросила их починить крест. Они быстро отреставрировали надгробие.

— Слава Богу, — проронила она, припав к обновлённому кресту. — Теперь, дедушка, с тобой не случится то, что произошло с бабушкой.

Внучка поцеловала фотографию генерала, вмонтированную в могильный крест, и вдруг почувствовала, будто какая-то сила приобняла её за плечи, будто услышала дедушкин голос: «Побудь со мной ещё!»

«— Вообще нет времени для Бога, — вдруг прозвучал в её сознании откуда-то Голос, который она теперь узнала. — Нет для него и будущего времени.

Имеющее совершиться предстоит уже совершившемуся лицу Божию, и загробная участь каждого

человека, долженствующая истечь, как естественное следствие, из земной произвольной деятельности его, известна уже Богу, уже решена Богом.

Несоделанное моё видесте очи Твои, всесовершенный Бог! Исповедал это вдохновенный Пророк; исповедать это должен, по логичной необходимости, каждый человек!»

Затих Голос так же неожиданно, как и возник, оставив в душе Екатерины Васильевны неизъяснимую теплоту, лёгкость, исходящую из сердца радость.

В таком расположении чувств вернулась она в квартиру своих хороших знакомых, рассказала им о том, что с её дедушкой теперь всё в порядке.

— Дальше-то что будет? — спросила знакомая. — Когда ты ещё соберёшься в Париж? Да и возраст у тебя уже даёт о себе знать.

— Когда опять прилечу — это одному Богу известно, — сказала Екатерина Васильевна. — Как уж получится.

— Надо бы тебе о дедушке всё-таки подумать, — посоветовала хозяйка.

— Да, надо! — согласилась гостя.

Помолчав, Екатерина Васильевна хлопнула себя по лбу:

— Что тут думать! — она оживилась. — Петровское! Вот ответ!

— Почему бы и нет? — поддержала её хозяйка.

После этого разговора само собой пришло решение — перевезти прах генерала на Родину.

Но просто подумать и принять решение, а осуществить его — это весьма и весьма непросто.

Екатерина Васильевна не привыкла отступать от задуманного, сразу принялась за хлопоты.

В этот приезд она отыскала в Париже, в одном из храмов православного священника, рассказала ему о дедушке и своём желании отправить его останки в Россию.

Отец Николай, выслушав Михайлову-Губерт, дал ей благословение на доброе дело.

Осуществить задуманное оказалось труднее, чем представлялось мысленно. Предстояло пройти немало всяких разрешительных инстанций, получить в них положительные ответы.

В посольстве России у Михайловой-Губерт спросили:

— Как мы узнаем, что он был русский?

Действительно, как?

— Боже, — взмолилась Екатерина Васильевна, — где же я возьму подтверждающие бумаги?

Их просто не было.

Но она и не думала опускать руки.

Быстро написала и по срочной почте отправила письмо в село Петровское. Она адресовала послание Людмиле Луговой, старосте церковного совета — к тому времени в усадьбе возродили православную общину и начали восстанавливать храм в честь Покрова Богородицы.

Довольно быстро из села в российское посольство пришёл факс с ответом: «Да, Иван Андреевич Михайлов был последним владельцем усадьбы», — утверждалось в нём.

Посольство Российской Федерации дало согласие на перевозку праха бывшего генерала.

Но самым трудным оказалось другое — нужно было заручиться согласием многих родственников, их мнение обязательно учитывалось по юридическим правилам.

Вдруг кто-то стал бы возражать.

И один из них, действительно, горячо возразил:

— Зачем разлучать супругов? — настаивал двоюродный брат из южной страны. — Их браку было 60 лет! Некоторые столько и не живут на свете! А мы хотим их разъединить. Я считаю, надо оставлять их вместе, не надо дедушку перевозить.

Екатерина Васильевна отстаивала свою точку зрения.

— Послушайте, как же их оставлять вместе, если они давно уже не вместе? — не отступала она. — Вы забыли, что их разлучили без нашего согласия, без нашего участия. Вы забыли, что бабушка находится не с дедушкой, а в другом месте — в коммунальном гробе.

— Ужасно! — продолжала она. — Там ничего не написано, останки всех смешались. Если бы увидели, то поняли бы меня. Может, и мы в будущем не сможем заплатить за могилу дедушки? Что тогда? Гроб коммунальный? Нет, увольте!

Наконец, родственник внял её доводам.

Очередная весна пришла на земные просторы и вступила в пору своего цветения.

Тёплым утром по отдельности в Москву прибыли из Франции: Михайлова-Губерт в аэропорт «Домодедово», а Иван Андреевич в своём гробу — в аэропорт «Шереметьево».

Так получилось!

Когда Екатерина Васильевна приехала за грузом в «Шереметьево», ей сказали:

— Мы рады вас видеть!

И то хорошо! И на том спасибо!

Насколько искренне приветствовал её работник грузового отделения аэропорта, стало ясно чуть позже.

Они оформляли документы так долго, столь придирчиво и занудливо, что Екатерине Васильевне коммунальная могила в Париже показалась детским лепетом по сравнению с волокитой в «Шереметьево».

То с неё требовали несуществующие бумаги, то — копии с существующих документов; то послали из 20-го кабинета в 5-й, а из 5-го — в 20-й; и даже послали в 12-й кабинет, где на дверях висела табличка: «Вход только для служащих»; то требовали поставить печать на копии документа, а печать там уже стояла.

Екатерина Васильевна спотыкалась от усталости, вторые сутки она была в дороге.

В одном из окошек, куда подошла очередь Екатерины Васильевны, ей без обиняков заявили:

— Вам надо подготовить доклад о том, что вы везёте, откуда и зачем. Понятно вам?

— Нет, не понятно! — ответила она. — Что за доклад? Я не понимаю!

Возле другого окошка, за которым постоянно курила служащая там дама, Михайлова-Губерт не выдержала.

— Вот я вернусь за границу, — пригрозила она, — и обязательно напишу рассказ в духе Антона Павловича Чехова о том, как в России требуют печати, подписи, копии...

В очереди дружно засмеялись.

Может, такое намерение иностранки как-то воздействовало на служащих аэропорта. Но они вдруг оборвали волокиту и поставили печать на разрешительной бумаге.

Наконец, машину с грузом выпустили из аэропорта.

На рассвете она благополучно доехала до места.

Приехали гости, пришли люди из окрестных деревень. Прах русского генерала предали земле на небольшом фамильном кладбище со всеми воинскими почестями.

Иван Андреевич всё же оказался прав — он вернулся на Родину!

В тот памятный день в старом парке зацвёл шиповник.

Екатерина Васильевна, выкроив свободное время, шла по аллее и вдыхала аромат роз на кустах.

Я смотрел на неё со стороны и ощущал что-то невероятное.

Она всё удалялась и удалялась, как бы перемещалась в мир, неведомый для меня.

Я видел, как от неё оставался только отблеск.

Не выдуманный, не ложный. Отблеск был настоящий!

Критика

Алина Чадаева

Алина Яковлевна Чадаева — русская писательница, собиратель фольклора, исследователь культур коренных народов русского Севера и Дальнего Востока. Результаты её исследований опубликованы в книгах «К югу от северного сияния», «Национальная игрушка», «Древний свет». Переводила произведения эскимосской поэтессы Зои Ненлюмкиной и нанайцев Понгса Киле и Анны Ходжер. Много путешествовала по Архангельскому Северу. В его людях и обычаях она видит воплощение русского национального характера. На материале этих наблюдений написала в жанре притчи произведения «Страшный суд», «Круг», «Цветёт терен». Автор книг: «Лествица Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны», «Августейший поэт: Великий князь Константин Константинович», «Великий Князь Сергей Михайлович: реформатор артиллерии, алапаевский мученик», «Князь Владимир Палей из рода Романовых. Поэт. Мученик. Святой. Жизнь и житие», «Православный Чехов», «Сверные притчи».

«Американская мечта» на русском фоне

(Стивен Лаперуз. В поисках «Американской мечты». Буки-Веди. М. 2015)

Знакомьтесь: автор книги «В поисках «Американской мечты» Стивен Лаперуз — независимый американский учёный, эссеист, основатель открытого лекционного форума в Москве English Language Evenings (ELE).

Независимый — одно из главных качеств в характеристике этого философа-публициста.

До какого-то промыслительного виража, рубежа — типичная биография американского юноши из уважаемой семьи: Университетская Военная Школа (1971 г.); Новый Колледж при Алабамском Университете (1977 г.) ... Мировоззрение формируется в соответствии с американским «символом веры», провозглашённым третьим президентом США Томасом Джефферсоном (годы правления 1801-1809) в Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 года.

С тех пор и по сей день она исповедуется гражданами Америки как цель и смысл жизни. Стивен Лаперуз анализирует её воспитательное горнило, вспоминая юношеские годы — свои и сверстников.

Итак, в чём, по Джефферсону, смысл американского «символа веры»?

В Декларации раз и навсегда сказано: «Люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами: жизнью, свободой и стремлением к счастью». В этом основополагающем документе заложен позитивный демократический смысл. Он рассматривался как вызов феодальному строю: вместо власти королей предполагалась власть народа; вместо сословных привилегий — равенство всех граждан в правах; вместо монархии — республика. «Чего же боле?» Казалось бы, «вашими устами да мёд пить». Но до «пития мёда» дело не дошло.

«Отец американской демократии» Томас Джефферсон подложил под Декларацию «философскую мину». Он провозглашал, что естественный физический мир можно познать только опытным путём и чистым разумом. Любое притязание на «ОБЛАСТЬ ДУХОВ», считал он, — непознаваемая фантазия, если не умышленная фальсификация.

Отсюда — идеология: всепоглощающий прагматизм в так называемом «стремлении к счастью». Если в среде первых колонистов «американская мечта» ещё включала «высокие материи» (богословие и религию как поиск истины), то, цитирую, «к началу двадцатого века американские университеты... исключили из научного оборота такие древние и классические гуманистические понятия, как любовь, вера, надежда, сочувствие, духовность, религиозность, верность — то есть всё то, что может хоть как-то помочь молодым людям обрести ориентиры и жизненную философию».

Изначальная идея «Американской мечты» пережила «преждевременную старость» и деградировала. В эссе «Доллары побеждают и Данте, и Дарвина» Лаперуз перечисляет ассортимент — нет,

не идей, а удовольствий, которые давно стали целью достижения и смыслом жизни. «Материальный мир и «тысяча природных удовольствий» — комфортабельные дома, автомобили и вечеринки, предметы роскоши, счастливая семейная жизнь и прочное общественное положение, занятия спортом и отдых на природе» — это и стало «Американской мечтой». «Эмоциональные и физические наслаждения этого мира были для нас гораздо более реальными и важными, чем мировая история или философские идеи». «Мы хотели быть богатыми, очень богатыми и при этом наслаждаться своим богатством».

«Мы» — это поколение американцев, чьи студенческие годы пришлись на 70-е прошлого века. Но и в начале двадцать первого приоритеты не изменились. Это то же самое «стремление к счастью» и «свобода» в способах его достижения, которые прокламировал Джефферсон.

«Способ достижения» — это когда каждый сам за себя. «Прекрати думать!» — девиз «простого американца». Только ли «девиз»? Не часть ли слагаемых американского менталитета, главный принцип которого, по слову С. Лаперуза, «сотворим Бога по нашему образу и подобию». В этом лозунге что-нибудь новое? А не припомнить ли нам библейские времена Моисея, когда племя иудеев соорудило «золотого тельца», который и стал для них «богом»?

Только ли тогда? И только ли для них?

В 1779 году в Америке был принят «Билль о религиозной свободе», автором которого тоже был Джефферсон. Справедлива и правомерна его основа: право каждого на любое вероисповедание. Категорический запрет на принуждение принять ту или иную форму веры или подвергать верующего преследованию.

Но вот во что выродился «плюрализм» конфессий, по наблюдениям Стивена Лаперуза, сделанным во время жизни в Калифорнии в течение двадцати лет. «Не существует никаких обязательных догм... Некоторые ищут и меняют «религию» — как меняют одежду, машину или квартиру». На вас не обратят внимания, и не только потому, что религия — ваше частное дело. А потому что «считается нормальным, если никто не спрашивает «о личных убеждениях» своих знакомых и даже «друзей». Когда люди не читают общих книг и не знакомы с общей системой исторических, культурных, религиозных и философских идей — почти невозможно разговаривать даже на бытовом уровне, а уж тем более помышлять о духовном или интеллектуальном общении».

Индивидуализм — точка отсчёта национального характера американцев. Человек отвечает только за свою жизнь. Отсекается всё, что не устраивает «частную личность». Этот принцип в глобальной политике Америки простирается планетарно. Отсекается всё, что не устраивает Штаты в их геополитических претензиях. Автор книги приводит выдержки из телевизионного обращения к нации президента Клинтона 29 ноября 1995 года. Объясняя использование американских солдат для миротворческой (!) миссии в бывшей Югославии, президент заявил:

«С момента зарождения нашей нации Америка была не просто страной проживания. Америка стала воплощением той идеи, которая превратилась в идеал для миллиардов людей во всём мире. Лучше всего об этом сказали наши основатели: Америка — это жизнь, свобода и стремление к счастью».

На фоне сегодняшней геополитики США велеречивый апломб президента звучит как зловеющая пародия.

Внутреннее содержание человека непременно проявляется во внешнем его облике. Логически оправдано эссе Лаперуза «Что скрыто за «Американской улыбкой»?» Давно популярен в мире термин «Голливудская улыбка», ставший нарицательным. Примерно со второй половины XX века «улыбка» эта стала в Америке повсеместна и выглядит как часть «национального достояния». Автор книги называет её «Американской маской», которая часто скрывает истинную сущность человека. Дежурная улыбка подобна будничному банальному ответу: «У меня всё в порядке».

Человек может испытывать душевные страдания, но на вопрос: «Как дела?» он неизменно отвечает: «Прекрасно!» И улыбается чуть ли не во все тридцать два зуба, готовые укусить, если кто-то посмеет поинтересоваться его «частной жизнью». «Именно в этом, — пишет Стивен, — проявляется социальное и культурное влияние индивидуализма».

Но что же произошло с самим автором книги, который, как он сам признаётся, дошёл до того, что стал интересоваться философией? И, добавлю, обрёл полную независимость взглядов. Помогло ли ему вырваться из плена «Американской мечты» обучение по индивидуальной программе Анти-

охского Колледжа, в котором преподавалась «школа человеческих отношений», или обучение в Германии и Швейцарии? Так или иначе, философское наследие мыслителей разных стран и эпох стало для Стивена базой и инструментом в познании мировой культуры. И — в определении своего образа жизни.

Из многообразия имён учёных и размышлений об их концепциях, упоминаемых Стивеном, я бы выделила главные, которые исповедует сам автор. Это, прежде всего, Данте и его «Божественная комедия».

Цитирую. «В наивысшей точке своего долгого (виртуального) путешествия Данте пережил опыт самого полного единения с Богом, которое только возможно для человека, сотворённого по божественному образу и подобию».

Лаперуз ставит рядом миропонимание Рудольфа Штейнера и св. Серафима Саровского. Для обоих (как и для автора книги) ДУХОВНЫЙ КОСМОС — основополагающий элемент жизни, мировоззрения и космологии. Так, австрийский философ Штейнер, переживший в 1899 году внутреннюю встречу с духовной сущностью Христа, считал, что Существо Христа является центральным для всех религий, хоть в каждой оно и называется по-своему.

Личность святого Серафима Саровского, считавшего, что человек — «Дитя Божие» — сердцем прозревает небесный Свет, была для единомысленного с ним Лаперуза своеобразным «мостом» к русской духовности.

«Наша задача, — делает вывод автор, — не в «стремлении к счастью», а в преображении через сердце или ум. Джефферсон же определил наш (американский) удел как духовную слепоту».

Что же привело Стивена Лаперуза в Россию? Ответ краток: «Пушкинская площадь, 6 июня 1986 года». Вот описанные им впечатления того дня.

«На площади стояли люди всех типов и возрастов, декламируя стихи перед толпами слушателей... Что касается русской поэзии, то я знал меньше, чем ничего, поэтому мог только глазеть на людей, произносящих непонятные слова.

Прежде всего, меня поразил их неподдельный энтузиазм... Стихи читали старики, молодые студентки и такие домохозяйки, которые в Америке вряд ли отважились бы выступить публично или выучить наизусть стихотворение. Глядя на их лица, однообразные платья и хозяйственные сумки в руках, трудно было поверить, что эти простые женщины могут так страстно читать стихи. Я ПРОСТО НЕ ВЕРИЛ СВОИМ ГЛАЗАМ — ЭТО БЫЛО НЕПОСТИЖИМО (выделено автором книги)... И это Советский Союз? Возможно ли такое?! Да что же это за страна?! Я был заинтригован и очарован... Именно здесь, на Пушкинской площади, после нескольких часов, проведённых возле памятника поэту, мои отношения с Россией были установлены раз и навсегда».

В 1994 году Стивен Лаперуз переезжает в Россию.

— Не разочаровались? — спросил его в 2007 году корреспондент «Би-би-си».

— Нет, — ответил Стивен. — В Америке я мог на неделю вперёд предсказать свою жизнь. Здесь же она может измениться в течение часа. На Западе считается, что вы сами себе должны помогать. Русские — более открыты. Психология россиян мне близка.

Ещё в 1990-году Лаперуз пишет и издаёт в Америке книгу «К духовному единению Америки и России». Цель — «содействовать взаимопониманию и духовному общению русских и американцев и способствовать «алхимическому» слиянию Американского Рассудка и Русской Души». Что и говорить — цель благая, но вряд ли достижимая в обозримое время, как бы ни заклинать «алхимическое» слияние в «экстазе». Скорее, можно определить жанр этого сочинения как Рыцарскую Утопию.

Но есть внутри книги любопытные параллели о духовных связях некоторых философских течений. Лаперуз видит их в американском трансцендентализме Р.У. Эмерсона и Г.Д. Торо и славянофильстве И. Киреевского и А. Хомякова. (Трансцендентный — недоступный опытному познанию)

О Ральфе Уолдо Эмерсоне нужно сказать чуть подробнее. В своих книгах «О природе» (1836) и «Нравственная философия» (1860) писатель настаивает на радикальном изменении прагматического отношения человека к Природе. Цитирую: «Длинный ряд веков и опыта... Чему научил он нас в понимании природы и нас самих?.. Войны, чума, голод, холера обнаруживают какое-то озлобление в природе, которое, будучи возбуждено преступлениями человека, должно быть искуплено чело-

веческими страданиями». Или: «Повсюду человеческие общества находятся в руках партий, а не людей божественных». Л.Н. Толстой считал Эмерсона «христианским религиозным писателем».

Генри Дэвид Торо — тоже уроженец города Конкорд и друг Эмерсона. Русскому читателю он известен с конца 70-х годов прошлого века, когда в серии «Литературные памятники» издательство «Наука» выпустило в свет его нашумевшую книгу «Уолден, или Жизнь в лесу» тиражом сто тысяч экземпляров.

Торо не просто проповедовал спасительную необходимость возвращения человека к природе, но не пикников ради. «Неплохо бы, — писал он, — среди внешнего окружения цивилизации пожить простой жизнью...» Он и сам избрал такой способ жизни. «Я жил один в лесу, на расстоянии мили от ближайшего жилья, в доме, который сам построил на берегу Уолденского пруда в Конкорде, в штате Массачусетс, и добывал пропитание исключительно трудом своих рук». Торо уверен, что «большая часть роскоши и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но положительно мешают прогрессу человечества... Живя в роскоши, ничего не создашь, кроме предметов роскоши, будь то... в литературе или искусстве... Быть философом — значит не только тонко мыслить или даже основать школу; для этого надо так любить мудрость, чтобы жить по её велениям — в простоте, независимости, великодушии и вере».

Великодушие простиралось на всё живое, что окружало добровольного отшельника. «Я присматривал за дикими животными, поливал бруснику, карликовую вишню, каменное дерево, красную сосну и чёрный вяз, белый виноград и жёлтые фиалки, — а то они, пожалуй, погибли бы в засуху».

Он ощущал себя частью и «гостем природы».

Приемлемо ли это было тогда, тем более, сейчас в Америке (и не только в ней), когда люди предпочитают удобства в мегаполисах, раковых опухолях на теле земли? Есть ли последователи у Торо или его теории считают чудачествами наивного простака?

Последователь, на мой взгляд, Стивен Лаперуз, который искал в России «великодушие и веру». Возможно, он нашёл их в трудах Вл. Соловьёва и Павла Флоренского о Софии Премудрости Божией, в толковании подвижника Спасо-Елеазаровской обители Филофея (1465-1542), выдвинувшего грандиозный промыслительный тезис «Москва — Третий Рим», в сочинениях Фёдора Достоевского, в открытости и жертвенности русской души... «В русской душе, — пишет Лаперуз, — заложена простая и насущная потребность поделиться мыслями, чувствами и опытом с другими людьми, а также потребность общения с природой, музыкой, искусством, Богом. В этом её фундаментальное отличие от американской психологии...»

Знаменательно, что на первых страницах своей книги С. Лаперуз, понимая глобальную оккупацию мира прагматической и бездуховной «Американской мечтой», писал о том, что «мечту» эту, даже в её первоначальном, исходном варианте, нельзя считать «превосходной заменой «Русской идеи» или её естественным эквивалентом». Он подтверждает эту мысль провиденциальным высказыванием русского философа Николая Бердяева в 1948 году.

«Можно себе представить необычайный рост экономической и политической мощи России и возникновение нового типа цивилизации американского типа, с преобладанием техники и с поглощённостью земными благами, которого не было в прошлом русского народа».

Но воля наша должна быть направлена на созидание иного будущего, в котором будет разрешена справедливо социальная проблема, но и обнаружит себя религиозное призвание русского народа и русский народ останется верен своей духовной природе».

Останется ли? Вот вопрос, тревожащий американца Лаперуза. Всё чаще и всё грозней проступают эти сомнения на страницах его книги. Наблюдая, в основном, столичные приметы «разложения» русского духа, автор часто принимает «внешнее» за «внутреннее». «Когда видишь, что простые русские, как в большинстве стран мира, читают в журналах о сплетнях, личной жизни и мировоззрении так называемых «суперзвёзд», ещё раз убеждаешься, как же пассивно живут простые, средние мужчины и женщины, и насколько же их жизнь определяется внешними силами (рекламой, популярной культурой, телевидением и др.)»

Когда русские носят майки с названиями американских городов, спортивных команд или гигантских международных корпораций («Адидас», «Рибок»), словно превращаясь в бесплатную ходячую рекламу — перед нами человек в его вненациональном и внекультурном проявлении». И далее — серьёзные укоризны в «духовном сне» и «пассивности» русского народа: «массовая любовь к Ста-

лину, проявившаяся на его похоронах»; «пассивность москвичей во время переворота 1991 года».

Все эти доводы поверхностны. Россию нельзя понять, основываясь только на расхожих ныне московских впечатлениях и кухонных пересудах. За границами Москвы — огромная страна. Да, с множеством проблем, в том числе и духовных, и экономических, и политических. И «искать» духовный и творческий потенциал России следовало бы в бесчисленных провинциях, в «глубинке». Но это бы мог сделать человек, владеющий русской речью и желанием понять сущность национальных интересов, а следовательно, и характера на срезях жизни разных регионов. Образцом для меня в этом смысле был Антон Павлович Чехов, в чьём творчестве и подвижнической жизни мне видится ЖИТИЕ ВСЕЯ РОССИИ.

Недавно Стивен Лаперуз покинул Россию. Отправился в американский город Конкорд, к великим теням Эмерсона и Торо. Найдёт ли он там что-нибудь, кроме «теней»? Хотелось бы пожелать, чтобы нашёл...

Книга «В поисках «Американской мечты» тем не менее — значительное и актуальное явление, особенно на фоне противостояния двух держав. Хорошо, если бы она стала «настойной» для каждого американца и пробудила бы его от амбициозного «духовного сна», которое грозит перейти в стабильно «летаргический».

Свой очерк хочу завершить вневременным стихотворным посланием Ф.И. Тютчева, адресованным всем, кто пытается осмыслить исторический и духовный феномен России.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней — особенная стать —
В Россию можно только верить.

Критика

Вячеслав Лютый

О новых стихотворениях Светланы Супруновой

Имя Светланы Супруновой сегодня начинает выходить на небосклон русской поэзии в некоем новом качестве. Несколько лет назад в её строках были очевидны жёсткая воля, непримиримость характера и стремление поэтессы назвать видимо «правильные», должные черты отечественного мира. Теперь же стихи Супруновой пронизаны удивительным созерцанием русского бытия — пейзажа, человека, быта... Прежние вещи отчётливо определяли место автора в панораме интонаций, идей и суждений современной поэзии. Там был определённый простор для тематического развития, но всё же свобода парения строгого творческого духа казалась ограниченной. Наполняя ныне свои произведения тишиной и негромкими характеристиками происходящего, Светлана Супрунова, будто властным движением руки, раздвигает границы собственного творческого мира и предстаёт художником вольным, способным охватить вселенную и вернуться затем к её малой части, подарить человеку не только нравственное сочувствие, но и нежнейшую сердечную теплоту. Это, по существу, другой автор с непредсказуемым горизонтом поэтического развития.

У Супруновой пространство социума, изъеденного язвами современной буржуазной цивилизации, сочетается с потаённым космосом человека, для которого тишина и любовь есть главные черты земного существования. Причём первое в её стихах только намечается лёгкими штрихами, а второе видится главным, неисчерпаемым, всякий раз представая в неожиданном ракурсе и заставляя читателя поверить, что именно здесь и содержится всё самое важное для его души, для его неслучайного присутствия на русской земле в наше нелёгкое время. Природа и обыденная жизнь, усталые лица людей, изнурённых каждодневными заботами — вот что оказывается для поэтессы своим. Однако не по национальному внешнему признаку, а по родству, которое и не явлено доказательно в определениях и доводах, но кажется безусловным — по житейскому обыкновению, по отношению к прошлым десятилетиям, по связи поколений, которая бережно поддерживается ветхими семейными фотографиями и рассказами стариков.

Картины природы в её стихотворениях становятся объединяющим началом для русского человека. Впрочем, так и было всегда на Руси, не случайно ностальгия превращается в жесточайшую психологическую болезнь для подлинно русского ума на чужбине. Кроме того, именно природный покой сродни драгоценному и так трудно достигаемому равновесию православной души. Между тем, город является скрытым антагонистом подобного мировоззренческого выбора, и Супрунова, вовсе не акцентируя это противостояние, обозначает его кратко и на редкость убедительно.

Заметим, что сегодня для поэтессы куда важнее *изобразить* то, что её волнует, а совсем не *назвать* (пусть ярко и образно) картину, стоящую перед внутренним взором автора. У чётко сформулированных смыслов в её поэтике уже более скромное место, нежели вчера, и перо *художника* доносит до читателя не только первый план, но и скрытое содержание мизансцены. Интеллектуализм занимает своё подобающее место, а мысль рождается во взаимодействии дыхания и голоса.

У Светланы Супруновой в стихах много сокровенного света, грусти и страдательности русского пейзажа, о чём вскользь упоминал ещё Блок. У неё не найти особенного, взволнованного обращения к Богу, но через черты русского природного мира, через смену его состояний, кажется, просвечивает печаль Спасителя о земной юдоли, где взаимно переплетены радость и боль безмерная. Эти поразительные переходы от одного к другому сообщают русской натуре глубину и делают рассудочность лишь кратковременным движением ума, что отобрал власть у сердца, но словно смутившись, потом вернул её душе.

А она вновь почувствовала себя совсем не хозяйкой в доме, а младшей сестрой, для которой знакомые игрушки не заслоняют почитание Старших, разных по духу, но узнаваемых даже в темноте — по едва уловимому звуку дыхания.

Наши друзья

Советуем читать:

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

Поддержка журналу

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru